
НА ПУТЯХ К МЕЖДУНАРОДНОМУ ЯЗЫКУ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Э. К. ДРЕЗЕНА

ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ СОЮЗА ЭСПЕРАНТИСТОВ
СОВЕТСКИХ СТРАН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
Э. Дрезен: Язык — орудие связи. Его развитие	5
» Основные этапы развития идеи международного языка . . .	17
Н. В. Некрасов: Всемирная литература и всемирный язык . . .	40
Е. Ф. Спиридович: Эсперанто и печать	52
Люсьен Рево: Международный язык — орудие борьбы за един- ство рабочего класса	64
Г. Демидюк: Движение за международный язык.	72
Е. Спиридович и Г. Демидюк: Движение за международный язык в СССР.	87
П. Канцелярский: О введении международного языка в систему народного просвещения.	95
Н. В. Некрасов: Международный язык и народы Востока. . . .	106
Л. Жирков: Научная работа на эсперанто	109
Э. Дрезен: Организация международной связи и международный язык.	117
А. В. Виноградов: Радио и эсперанто.	120
В. Жаворонков: Международный язык среди слепых.	124
Н. П. Евстифеев: Структура рационального языка. (О поисках философского камня в языковом деле).	128
А. Иодко: Эсперанто перед судом науки.	142
Библиография (указатель источников по вопросу о междуна- родном языке)	165

ЯЗЫК — ОРУДИЕ СВЯЗИ. ЕГО РАЗВИТИЕ.

Язык, речь — это комбинация звуков и звуковых сочетаний, служащих людям при взаимоотношениях.

Язык — это элемент, содействующий организации трудовых процессов и трудовых действий как отдельных работников, так и рабочих объединений и коллективов.

Язык является орудием, содействующим осуществлению тех или иных трудовых достижений.

В непрерывной борьбе за существование первобытное человечество ощупью, шаг за шагом, училось трудиться, училось пользоваться разными орудиями и инструментами. Орудия и инструменты, используемые в трудовом обиходе человечества, определяли его быт, уровень его развития, производственные его возможности и потребности. На базе первобытной техники и первобытных трудовых действий выростала вся культура человечества.

Подобным же образом как появились и как непрерывно совершенствовались первобытные технические орудия, таким же образом появился и непрерывно совершенствовался инструмент связи и взаимопонимания — язык.

Закон непрерывной и неустанной борьбы за существование привел к тому, что уже с незапамятных времен человек всегда находился в кругу себе подобных, жил общиной и вместе со своей общиной трудился, боролся за свое существование и добывал себе пропитание. Первобытный трудовой коллектив и первобытная артель охотников могли рассчитывать на несравненно большие охотничьи успехи, чем охотник-одиночка.

Охотники могли устраивать совместно облавы и засады на зверей более крупных и, следовательно, более выгодных по количеству добываемых шкур и мяса. Когда человек овладел тайной огня, поддерживать и хранить его целому роду было значительно легче, чем каждому в отдельности. Сила и возможность сопротивления при нападении диких зверей также увеличивалась при совместной коллективной обороне.

Все это взятое вместе экономически обосновало прочное родовое объединение первобытных охотников-людей. Одиночки гибли

благодаря своей слабости и разъединенности. Сила была в сплочении и единстве. Совместным трудом отдельные люди пробивали дорогу для дальнейшего развития человечества. Коллективный труд становился фактором, определяющим это развитие.

«Развитие труда, по необходимости, способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности и стала ясней польза этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, ближайшие предшественники людей пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу». (Ф. Энгельс.)

Потребность создания какого-то инструмента — орудия передачи мысли, вытекала из самого факта коллективного труда. Коллективный труд определил и форму осуществления этой потребности.

Первоначальными формами звуков, доступных для постороннего восприятия, — сопровождающими трудовые действия, были так называемые «трудовые крики».

«Когда человек выполняет какое-нибудь усилие, это усилие отражается на его дыхательном и голосовом аппарате, и у него непроизвольно вызываются определенные звуки. Так, когда дровосек с силой ударяет топором, этот звук бывает «га»; когда бурлаки на Волге сразу вместе натягивают канат — глухой крик «ухх»; у европейских рабочих при поднятии тяжестей — «гопп» или «гоп-ля»; у матросов при повороте кабестана с якорной цепью — «го-гоп»; у мостовщиков в Тунисе при опускании тяжелой «бабы» на камни — крик «ап-а» и т. п. Если же мы и не видим работников, но слышим подобные «трудовые междометия», то мы знаем, что работники делают; это — вполне понятные для нас знаки трудовых актов, хотя это нельзя назвать настоящими «словесными обозначениями»; от слов они отличаются своим произвольным, стихийным характером». (А. Богданов.)

«Трудовые крики» послужили базой, на которой в дальнейшем развился язык, удовлетворявший определенные потребности людей что-то «сказать друг другу».

Усложнявшиеся и умножавшиеся трудовые приемы привели к появлению определенных звуков, характеризующих то или другое трудовое действие.

Появились звуки, выражающие действие. Число этих звуков вырастало и изменялось — сообразно изменению основных трудовых действий, сообразно изменению тех или других форм человеческого существования.

В дальнейшем звуками же начали передавать и представления о тех или других вещах и предметах трудовой обстановки.

Большинство предметов и вещей, о которых первобытный человек должен был и мог иметь представление и о которых он мог

хотеть «что-то сказать», сами по себе были объектами его трудовых действий. Таковыми понятиями являлись: пища, дерево, дубина, огонь, добыча и др.

Звуки, передающие представление об отдельных трудовых действиях и об отдельных объектах трудового воздействия, явились первоначальными элементами человеческого языка.

Применительно к условиям существования человеческого коллектива, применительно к его быту, к его технике и производственным возможностям — создавался язык данного коллектива.

Язык являлся инструментом, орудием связи и подобно всем прочим орудиям определялся соответственными производственными, экономическими факторами.

Подобно методам и приемам пользования всеми прочими орудиями — также и приемы пользования языком передавались из поколения в поколение. Следствием этого являлось сохранение известной преемственности языковых форм. Опыт предыдущих поколений сохранялся для поколений последующих. В языке сохранялось некоторое постоянство обозначений и некоторая преемственная связность языковых (звуковых) форм, с выражающимися ими смыслом.

Но опыт предыдущего имеет цену и значение только в случае, если его можно использовать, если изменение производственных и экономических факторов не приводит к изменению трудовой обстановки и быта. В противном же случае — опыт и данные опыта прошлого становятся ненужными. Связанные с опытом прошлого представления, формы и приемы терпят изменения или же совершенно выпадают из нового обихода и нового быта, определяемого изменившимися экономическими факторами.

Все только-что сказанное относится и к процессу постепенного развития языка. Неприменение и неиспользование части прежнего опыта приводит к выпадению понятий. Пополнение трудового опыта имеет своим следствием обогащение языка, появление новых понятий и связанных с ними новых языковых форм.

Первоначальный трудовой опыт человечества был весьма незначителен. Соответственно этому и число слов и понятий, выражение которых встречается в первобытных языках, весьма незначительно. Туземцы Австралии и некоторых отсталых племен Африки и Америки до сих пор пользуются в своем обиходе не более чем 250 — 300 словами. Известный филолог Макс Мюллер рядом сопоставлений и сравнений пришел к выводу, что основными первоначальными элементами, на базе которых выросли все современные языки, были 120 звуковых сочетаний — корней и что все они тесно связаны с первобытными трудовыми приемами и действиями.

Обогащение трудового опыта, развитие производительных сил и совершенствование технических орудий труда влекли за собой численный рост основных элементов языка. В современных язы-

ках, включающих в себя выражения для всех необходимых понятий современного нам трудового и технического обихода, насчитывается уже свыше 50 000 основных понятий и слов.

С количественным ростом первобытного человеческого общества ширились территориальные его границы. В разных местностях соответственно их географическим и естественно-историческим условиям, — люди вынуждены были изменять свои трудовые приемы и действия. В некоторой степени изменение производственных и трудовых методов сводилось к расширению опыта и обогащению языка.

Выпадение некоторых элементов опыта прошлого и некоторых ранее усвоенных трудовых приемов влекло за собой отмирание отдельных прежних языковых форм. Развитие трудовых приемов и трудового опыта у разных групп человечества приводило к изменению языковых форм, приводило к появлению новых наречий и языков.

В каждом отдельном случае территориальные границы пользования определенным языком определялись территорией с общими условиями производства и общими методами трудовых действий.

Только при совершенно одинаковых бытовых условиях могли сохраняться совершенно одинаковые орудия производства, в том числе и совершенно одинаковые языковые формы.

При непрерывном передвижении отдельных человеческих общин — родов, племен и народов с места на место, различные группы, пользующиеся различными трудовыми методами и различными языками, приходили в общение и соприкосновение. Если при этом путем взаимного обмена трудовым опытом устанавливался единый быт, если происходило объединение трудового опыта сталкивающихся групп и народов, языки этих народов подвергались неизбежному слиянию — ассимиляции. Последнего явления не наблюдалось только в том случае, если, в силу тех или других причин, быт и трудовые методы народов, живущих на одной территории, оставались самодовлеющими и друг от друга отличными.

В случае возникновения процесса слияния — ассимиляции языков, получался некоторый новый язык, наиболее приспособленный и соответствующий объединенному трудовому опыту племен и народов, связанных общностью территории и единством трудовых процессов.

Насильственное воздействие одного народа на другой, принудительное слияние разных языков никогда и нигде не имело успеха, если только такое слияние не вызывалось рядом экономических предпосылок и объединением хозяйственного и трудового опыта данных народов.

При подобном слиянии — ассимиляции языков — в новом языке получали перевес и преимущественное положение составные элементы языка того племени и того народа, чей быт в данных усло-

виях являлся более устойчивым и более соответствующим хозяйственным возможностям данной территории: того народа, техническая культура которого стояла на более высокой ступени развития. Языки народов победителей и завоевателей сплошь и рядом ассимилировались сами, вытеснялись языком побежденного народа, стоявшего на более высокой ступени технического развития и более приспособленного к рациональным методам хозяйства и труда.

Все языки ныне существующих народов, а также и языки народов, ранее существовавших и ныне исчезнувших представляют собой результат чрезвычайно сложного воздействия различнейших трудовых обстановок, различнейших трудовых опытов, связанных с многообразными формами существования отдельных групп человечества, приходивших между собой в соприкосновение.

Близость различных языков, наличие в них одинаковых или близких по своему содержанию и по своему построению форм свидетельствует, что их быт и их трудовой опыт в общем однороден и исходит от одного корня.

Подобным образом близки между собой языки славянские: русский, сербский, украинский, болгарский и др., имевшие в прошлом общего предка, который являлся языком народа, жившего некогда на одной территории.

Предшественники современных языков — латинский, греческий, готский и др. — оставили свои следы в виде сохранившейся литературы и письма. Сравнивая эти литературы и эти письмена, можно судить о степени взаимной близости этих языков и, как следствие, о степени бытовой близости народов, пользовавшихся этими языками.

Сравнительное языкознание, используя этот метод изучения разных языков, получает возможность делать целый ряд ценных выводов об историческом прошлом и историческом развитии человечества. Утверждение науки, что все европейские языки происходят из одного корня, означает, что современные европейские народы имеют предков, живших в отдаленном прошлом вместе, единым трудовым бытом, в единой общей для всех трудовой обстановке.

Существование же в настоящий момент на земном шаре до 800 различных языков и нескольких тысяч наречий — диалектов — означает, что в настоящий момент на земном шаре существует такое же количество друг от друга отличных бытов и трудовых обстановок, возникших при самом разнообразном взаимодействии элементов опыта, выпадения понятий, ассимиляции и дифференциации.

Каждый отдельный язык подвергается одновременному воздействию факторов дифференциации и ассимиляции. В раннюю эпоху развития человечества, в эпоху его младенчества факторы языковой дифференциации действовали особо сильно. Редкое население

земного шара, отсутствие и затруднительность связи и сношений между отдельными территориями служили причиной хозяйственного обособления численно небольших племен и народностей. Хозяйственное же и экономическое обособление влекло за собой обособление языковых форм.

Совершенно противоположная тенденция языкового развития наблюдается в настоящий момент. Культура и цивилизация отдельных народов начинают пропитываться элементами некоторой международной общечеловеческой культуры и техники. Высокая техника и механизация средств производства, осуществленная в странах Европы, силою исторической необходимости переносится и пересаживается в другие — культурно и технически более отсталые страны. В итоге этого мы наблюдаем во всем мире несомненную интернационализацию производственных методов и трудовых приемов, и, как следствие, усиление ассимиляции различнейших языковых форм. Усиление формы ассимиляции, когда одни и те же обороты и формы выявляются в разных языках, можно определить, как интернационализацию языка. Основной причиной подобной ассимиляции является то, что понятия, несвойственные местным условиям быта, переносимые из чужого обихода и из чужих земель, не могут быть немедленно же выражены имеющимися налицо местными языковыми формами и оборотами. Кроме того, национальные определения подобных «привозных» понятий были бы непонятны тому, кто приносит эти понятия. Для местных же жителей подобные новоизобретенные национальные термины все равно остались бы неизвестными, новыми и подлежащими самостоятельному особому усвоению вместе с теми понятиями, которые они выражают.

Именно вследствие этих причин терпят неудачу российские попытки заменить международные термины «калоша», «автомобиль», «велосипед», словообразованиями отечественного производства: «мокроступ», «самоход», «самокат». И если в военном и административном обиходе слово самокатчик еще нашло некоторое применение, то в общежитии, в повседневном быту, конечно, нет никакой надежды искоренить международный термин «велосипедист». Равным образом и немецкие термины: «Fernsprecher» вместо «Telephon», «Kraftwagen» вместо «Automobil» и пр., порожденные шовинистической анти-антантовской агитацией, не имеют никаких оснований рассчитывать на вытеснение соответствующих интернациональных слов.

Берлинские жители попрежнему, независимо от своих политических взглядов и убеждений, продолжают звать автомобиль не громоздким германизированным «Kraftwagen», а простым и легким интернациональным «Auto».

Народы, вступающие на путь самостоятельного государственного развития, неизбежно заимствуют для своего обихода новые

слова или у прежней господствовавшей над ними нации, или же из интернационализованного запаса слов. Такова судьба Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Чехословакии и др., такова судьба и получающих автономию чувашской, карельской, башкирской и др. народностей.

Колониальные и азиатские народы, сталкиваясь с европейцами и приобщаясь к интернациональной европейской культуре и технике, вынуждены знакомиться с европейскими языками и заимствовать у них терминологию, свойственную усваиваемой ими европейской технике. Эти интернациональные выражения и формы начинают играть все большую и большую роль в развитии национальных языков. Международных слов в разных языках уже многие сотни и тысячи, и друг от друга в разных языках они отличаются весьма несущественно.

Достаточно указать на некоторые из их числа: лампа, телеграф, телефон, радио, радий, эстрада, люстра, локомотив и т. д. Подобные выражения и термины подчас не только сопутствуют введению новых понятий, но и конкурируют (и даже вытесняют) ранее существовавшие узко-национальные определения этих или аналогичных понятий.

Характерным в этом отношении примером могут явиться русские словообразования «положение» и «состояние» — первое от слова «лежать», второе от слова «стоять». В настоящее время оба эти словообразования потеряли прежние свои значения, а понятия, выражаемые ими, совершенно перепутались. С другой стороны, ряд международных терминов уточнил понятия, определяемые этими словами. Этими международными терминами являются:

- а) ситуация (собственно положение),
- б) тезис (предлагаемое положение),
- в) позиция (занимаемое положение),
- г) статус (собственно состояние),
- д) статут (положение, устав).

В данном случае русский язык или не точно определяет двумя «русскими» терминами пять понятий, или же употребляет шесть терминов (два «русских» и четыре «интернациональных» — термин «статус» в счет не идет) вместо пяти вполне точных, но чисто интернационального происхождения.

Исходя из фактов непрерывной ассимиляции всех языков и проникновения во все языки все большего количества интернациональных элементов, приходилось бы предполагать неизбежность предстоящего слияния всех языков и установления общего единого языка, соответствующего потребностям современной общечеловеческой культуры и техники.

Однако, если интернациональные формы в наших языках играют все большую роль, то все-таки отсюда еще весьма далеко до выявления единых общечеловеческих языковых форм.

Подобной ассимиляции существующих языков весьма значительное сопротивление оказывает языковая традиция, играющая в истории развития языков существенную роль.

Еще в древние времена, фактор языковой традиции оказывал сдерживающее влияние в отношении ассимиляции языков. Это сдерживающее влияние основывалось, главным образом, на опыте и традиции, передаваемых изустно от одного поколения к другому.

Традиция являлась положительным элементом в отношении использования трудового опыта предыдущих поколений. Но языковая традиция, как таковая, содействует преимущественно сохранению и неизменяемости языковых форм. Влияние традиции на сохранение содержания — смысла, вкладываемого в ту или другую форму, значительно слабее. В результате этого получается постепенное изменение понятий, связанных с той или другой формой и появление в языке целого ряда несообразностей, «идиотизмов» и неточностей. В этом недостатки влияния изустной языковой традиции.

Потребность в передаче мысли на расстояние породила письменность. Сперва письменность (иероглифы египтян, китайцев, древних мексиканцев и т. п.) вовсе и не выражала слов, но лишь символы, которые должны были вызвать звуковую ассоциацию, а через нее представление о самом передаваемом понятии, передаваемой мысли.

Подобная идеографическая письменность не содействовала изустной традиции сохранения определенных звуковых сочетаний. Мы видим, что при общности китайских письмен ими пользуются по крайней мере семь отдельных населяющих Китай народов с отличными языками. Появившаяся в свет за идеографией звуковая азбука, будучи далеко не совершенной, также не всегда передавала точное произношение, различные акценты и их изменения.

Несмотря на это, наличие определенных форм письменности, в особенности звукопередающей, явилось фактором, усиливающим влияние и значение языковой традиции. Параллельно с изустной традицией создавалась традиция письменности. Различные алфавиты и различные способы произношения написанного ставили и ставят определенные преграды языковой ассимиляции. Интернациональные термины в разных странах, благодаря отличным законам произношения, приобретают совершенно не интернациональные звуковые формы.

В английской звуковой форме «интернешнел» — вряд ли кто узнает международный термин «интернационал», несмотря на то, что пишется этот термин на всех европейских языках, пользующихся латинским алфавитом (в том числе и на английском языке), одинаково.

Частичные реформы и упрощения алфавита и правописания, конечно, возможны, но они связаны с значительными затратами

усилий и должны быть отнесены уже к области искусственного регулирования развития языка. В 1918 г. в России были уничтожены две ненужных буквы русского алфавита: Ъ и І; но если подобная относительно незначительная реформа была связана с преодолением многих трудностей, то несравненно большее количество трудностей пришлось бы преодолеть при упрощении и согласовании письменности и произношения в таких языках, как английский и французский.

Последним и несомненно самым значительным, в виду его непреодолимости, фактором, задерживающим эволюцию языков в сторону их интернационализации, является грамматика.

Правила грамматики необходимы, чтобы сохранить полезные для данной ступени развития языка методы письменной речи и, по возможности, уничтожать излишние и вредные. Но одновременно с этим грамматика является главным тормозом интернационализации языка. Если в язык силой обстоятельств и необходимости проникают те или другие иноземные, интернациональные слова, то они отечественной грамматикой все же перелицовываются и перекраиваются на новый лад. Если элементы интернационализации в словарном материале современных языков весьма значительны, то элементы интернационализации в грамматиках современных языков вовсе отсутствуют или же чрезвычайно незначительны.

Таким образом, алфавит, письменность и грамматика, уточняя формы языка, регламентируя их и закрепляя, содействуют существующей изустной традиции в противостоянии языка сторонним влияниям и обеспечивают существующие языки от чрезмерного воздействия факторов интернационализации.

Оформляющие языковую традицию элементы: изустная традиция, алфавит, правила письменности и грамматики затрудняют объединение языков и даже делают его совершенно невозможным при современном ходе их дальнейшего развития.

При общем распространении грамотности и образования, сила и влияние языковой традиции тем более возрастает.

Существующие формы построения аппаратов — орудий передачи мыслей и понятий — различных языков становятся поперек пути дальнейшей языковой интернационализации.

Между тем современное состояние техники, культуры и мирового хозяйства содержат в себе несомненные предпосылки появления всеобщего интернационального языка. Во всем мире, со все возрастающей быстротой, на базе общих методов использования сил природы и машинного оборудования, создаются единообразные трудовые навыки и приемы. Нет такой части света и такой страны, которая бы не участвовала в обще-мировом хозяйственном обороте. Этому сопутствует колоссальное развитие международных сношений и средств связи. Телефон и телеграф, радио-телефон

и радио-телеграф могут передавать мысли человека, облеченные в слово на тысячи верст с одного края света на другой.

Средства сообщения, электрические дороги, теплоходы, автомобили и аэропланы делают все, чтобы сблизить материальную сторону человеческого быта.

Техника и культура, производственные методы и организация связи перепахали развитие языка.

Проблема международного всеобщего языка встает во весь рост перед современным человечеством.

И если мы приходим к выводу, что, несмотря на все имеющиеся объективные предпосылки, в настоящий момент мы не можем рассчитывать на скорую ассимиляцию существующих языков и на образование единого интернационального языка, то нам следует выяснить, представляется ли возможным какими-либо мерами искусственного воздействия и регулирования ускорить этот процесс созревания новых языковых форм.

Поставленный вопрос следует отчетливо разграничить и рассматривать в двух отличных плоскостях: 1) возможно ли содействовать языковой интернационализации и 2) возможно ли уже сейчас создать какой-либо интернациональный язык, соответствующий современной культуре и технике и современному быту.

Уже одно наличие в наших языках искусственных регуляторов в виде алфавита, письменности и правил грамматики — говорит за то, что не исключена возможность организованного воздействия на языки в сторону их интернационализации. С этой целью в первую очередь должно быть устранено и по возможности ослаблено тормозящее интернационализацию влияние: 1) языковой традиции, 2) обособленных алфавитов и 3) грамматики. Следующие мероприятия, во всяком случае, могут быть проведены в отношении всех языков и в мировом масштабе:

1) упрощение грамоты (по отношению ко всем без исключения языкам);

2) унификация шрифтов на международной основе латинского алфавита;

3) интернационализация и сближение терминологии разных наук и научных дисциплин и

4) введение единых обозначений (номенклатур), мер, стандартов разного рода и т. п.

Проведению этих мероприятий, конечно, должны предшествовать изыскания и исследования соответствующих научных органов.

Что перечисленные мероприятия действительно необходимы и вполне удобоосуществимы — свидетельством этому является как частичное проведение их в разных странах и у разных народов, так и попытки их дальнейшего осуществления. В русском языке существенное упрощение грамоты и правописания было достигнуто и осуществлено на наших глазах, и результатом этого получилось

облегчение изучения этой самой грамоты. В Англии общество упрощенного правописания ведет борьбу уже не первый десяток лет за проведение подобной же реформы английской грамоты.

Многообразные алфавиты разных языков всего мира постепенно начинают вытесняться латинской азбукой. На ряду с сербами, пользующимися до сих пор «Кириллицей», родственные сербам хорваты используют для своего языка латинскую азбуку. Японские и китайские тексты, равно как и санскритские, также начинают печататься латинской азбукой. За самое последнее время в Азербайджане актами государственной власти осуществлена замена арабского шрифта — латинским.

Не так благоприятны и не так показательны достижения в области интернационализации терминологии и установления единых международных стандартов. Но и тут некоторые шаги уже предприняты. Ряд национальных комиссий по стандартам, а также ряд международных конгрессов уже увязывают и согласуют свой опыт. Согласование же этого опыта неизбежно приведет, как к единообразным стандартам, так и к единообразной технической номенклатуре.

Перечисленные здесь сравнительно легко осуществимые мероприятия, несмотря на свою относительную незначительность, ускорят процесс интернационализации существующих языков. Но ускоряя этот процесс мы все же не можем и не должны рассчитывать на близость окончательного языкового объединения. Окончательная интернационализация и объединение языков последуют все же только в итоге окончательной интернационализации и объединения существующих до сих пор многообразных трудовых бытов.

И вновь мы возвращаемся ко второму, нами выше поставленному вопросу: возможно ли уже сейчас создать какой-либо интернациональный язык, соответствующий современным потребностям, современной культуре и технике?

Принимая во внимание все вышесказанное о зависимости языка от определенных бытовых условий и трудовой обстановки, мы должны сразу же прийти к выводу, что если таковой интернациональный язык и возможно создать, то ни в коем случае не в качестве единого и единственного общемирового языка, для существования какового достаточных предпосылок еще не имеется. Речь может идти лишь о создании исключительно языка вспомогательного, предназначенного исключительно для интернациональных сношений. Подобный вспомогательный язык должен был бы явиться своеобразным организационным приспособлением к существующим, непрерывно усиливающимся сношениям между отдельными странами и народами.

Сама жизнь неоднократно при тесном соприкосновении двух или нескольких народов вырабатывала некоторые смешанные «вспомогательные» наречия — «жаргоны». К таковым смешанным

наречиям следует отнести средневековый жаргон побережья Средиземного моря «Lingua Franca» (смесь французского, итальянского, греческого, турецкого, арабского) и современные — южно-китайский, чиноок, пиджи - инглиш и тот русско-китайский язык, который, несмотря на кажущуюся нелепость, обладает своими грамматическими правилами и даже исключениями.

В течение последних трех столетий возникло не менее 250 проектов создания или введения в международный обиход некоего интернационального языка.

Теоретически подобный проект вполне осуществим и, даже больше, его осуществление является логическим следствием развивающихся международных сношений и интернационализации человеческой культуры.

Каковыми же должны быть формы подобного международного языка?

На этот вопрос дает вполне точный ответ изучение постепенной эволюции идеи международного языка от отвлеченных утопических проектов XVII века вплоть до современных изысканий, строящих свои выводы на базе сравнительного языкознания и реального материалистического миропонимания.

Э. Дрезден.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИДЕИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЯЗЫКА.

Идея общего языка не так нова, как это кажется. При сношениях с другими народами люди часто встречали непреодолимую преграду в разноязычии. Совершенно очевидными и ясными были для каждого все те выгоды, которые могли бы получиться от существования общего языка, который бы все употребляли и который бы все понимали. Соответственно этому создавались многообразнейшие проекты, имевшие своей целью установление такого языка. Нет возможности в ограниченной по своим размерам статье передать всю историю этих попыток и перечислить все эти проекты.

Наша задача более ограничена и более скромна: показать какими путями и через какие этапы шла творческая человеческая мысль в исканиях способов утверждения единого всеобщего языка.

I. Философские проекты всеобщего языка.

Если оставить в стороне отдельные смутные и неоформленные мечтания о всеобщем языке, то появление первых конкретных предложений, сводящихся к созданию такового языка, совпадает с периодом отмирания средневековой схоластики. Ряд крупных и блестящих мыслителей XVII столетия, положивших начало эмпирическим и практическим наукам последующего времени, останавливал свое внимание и работал над вопросом создания всеобщего языка.

XVII век — был веком беспощадной критики всего ранее существовавшего. Наступали великие перемены в средневековом обществе. Лучшие умы человечества судорожно искали путей возможно-лучшего устройства человеческой жизни. Молодая, стремившаяся основываться не на абстракциях, а на реальной действительности, наука была проникнута верой в свои силы и в свои возможности. Ученые того времени, из которых каждый, в силу относительной ограниченности человеческих знаний, обладал почти-что универсальными знаниями, были одновременно и техниками, и физиками, и математиками, и философами, и лингвистами-языковедами.

Они остро воспринимали все недостатки существующих языков, росших стихийно и в слабой степени подвергавшихся организующему воздействию человеческого разума. Им представлялось вполне возможным заменить стихийно-созданные языки более совершенным и рационально построенным аппаратом передачи человеческой мысли. Такой более совершенный язык, по их мысли, уже в силу одних своих качеств и совершенств должен был бы вытеснить языки естественные и их заменить.

Рене Декарт, первый по времени, в 1629 г. набрасывает общую схему рационального общечеловеческого языка: «следует установить методическое расположение всех мыслей-идей, подобно методически установленному порядку естественного ряда чисел. Подобно тому, как можно в один день научиться на каком-нибудь неизвестном языке называть и писать все числа до бесконечности, числа, которые, во всяком случае, представляют собой бесконечный ряд словесных комбинаций, — таким же образом должна быть найдена возможность сконструировать все слова, необходимые для выражения всего, что приходит и может притти в человеческий ум... Изобретение этого языка зависит от истинной философии. Только она сможет перечислить все мысли-идеи людей и расположить их в стройном порядке, делая, одновременно, их ясными и простыми. Все зависит от нахождения тех простых идей, которые свойственны представлению каждого человека и из которых складывается все то, что люди думают... Искусственный язык возможен, и можно установить науку, от которой он зависит. С помощью его крестьянин будет судить легче о сущности вещей, чем ныне судят философы».

Также и второй великий ученый XVII века — Лейбниц требовал от создаваемого нового языка наибольшей философичности. Он мечтал о языке — «орудии разума». Слова должны были не только передавать идеи, но и делать наглядными их соотношения, т.-е. давать возможность выводить их путем алгебраических превращений; рассуждения должны были быть заменены вычислениями.

Основы построения этой «Логической алгебры» Лейбница заключались в аксиоме: все сложные идеи являются комбинациями простых идей, точно так же, как все делимые числа являются произведениями неделимых чисел.

Соединение идей между собой аналогично арифметическому умножению, а разложение идеи на ее простые элементы — аналогично разложению числа на его первые производные. Если простые идеи изобразить посредством неделимых чисел, то сложные идеи получатся от всякого рода их произведений. Ясно, что всегда найдется достаточное количество неделимых чисел для какого угодно большого количества основных простых идей. Таким образом, все логические истины передавались бы посредством истин арифметических.

Если Декарт давал одну, необлеченную в реальные формы, идею построения логического, философского языка, то Лейбниц уже указывал на конкретный способ его построения.

Но так как математический способ выражения понятий еще не давал звуковой формы языка, то Лейбниц одновременно предполагал свои логические цифровые выкладки облекать в определенные звуковые комбинации. Предполагалось 9 значащих цифр заменить первыми девятью согласными латинской азбуки: b, c, d, f, g, h, l, m, n, а последовательные разряды (единицы, десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч) — пятью гласными — a, e, i, o, u. Единицы более высоких разрядов предполагалось обозначить двугласными приставками. Чтобы при подобной замене выговорить или написать любое число, достаточно в последовательном порядке выговорить согласные чисел единиц каждого разряда в сочетании с гласными, характеризующими данные разряды. Например, число 81 374 писалось и выговаривалось бы по проекту Лейбница «Mubodilefa».

Декарт и Лейбниц явились основоположниками идеи создания философского языка. Их идеи нашли ряд сторонников и поборников. Значительное число проектов и предложений более позднего времени исходят из тех же основных предпосылок нелогичности построения существующих языков и возможности сведения всей суммы человеческих понятий и представлений к некоторому числу основных «мысле-понятий» и «мысле-корней».

Лейбниц в своих конкретных предложениях исходил из мысли использовать ряд простых неделимых чисел и числовых комбинаций, получающихся от их умножения. Принимая во внимание, что орудие связи и взаимопонимания — язык должен обладать возможностью быть устно передаваемым, Лейбниц облек свои логические цифровые выкладки в определенные звуковые формы. По этому же пути следовал и ряд других более поздних изобретателей математического языка. Однако, основное требование Декарта и Лейбница — философичность и логичность языка и языковых комбинаций — могло осуществиться и без использования цифровых математических формул.

Сущность задачи сводилась либо к образованию сложных понятий из некоторых основных простейших, как это делал Лейбниц, либо же к осуществлению некоторой возможно точной и исчерпывающей классификации всех понятий, соответственно некоторым основным признакам.

В качестве примера философски сконструированного «не математического» языка — можно привести проект Ро — Э. Форстера (С. Штаты Сев. Америки. 1907 г.). В проекте Ро каждая буква англо-латинского алфавита имеет свое значение (основную идею). Слова, определяющие понятия, образуются из сочетания букв, характеризующих «составные» элементы данного понятия.

Например:

- b — существование, материя,
- c — реально существующее,
- d — пространство, протяжение.

Из основной буквы — b — получаются следующие производные: bod — вселенная, bodac — небо, bodaf — туманность, bodak — комета, bodal — планета, bodalab — планета Меркурий, bodam — луна, bodar — звезда, bodas — солнце, bodeb — воздух, bodef — туча, bodek — ветер, bodic — океан, bodid — пролив, bodif — озеро, bodob — земля (суша) и т. д.

Отличной от только-что приведенного проекта — является система философского языка Дальгерно (Лондон. 1661 г.), основанная на логической классификации идей и понятий. В проекте Дельгарно все идеи и понятия разбиты на 17 основных классов, обозначаемых 17 буквами. Каждая из этих букв служит заглавной буквой для всех слов своего класса. Приводим часть перечня этих классов, являющегося одновременно и алфавитом языка: A — существа, предметы, H — субстанция, вещества, E — явления, J — конкретные бытия (соединение A и E), O — тела, T — явления рассудочные, K — явления политические, S — явления общественные.

Каждый из 17 основных классов делится на подклассы, отличающиеся друг от друга в зависимости от второй буквы. Например, подклассы класса K (явления политические): Ka — служебные отношения, Kη¹ — судебные отношения, Ke — предмет, подлежащий суду, Ki — роль сторон, Ko — роль судьи, Ku² — проступки, Ki — логика, ska — религия (приставная буква s является вспомогательной в случаях отсутствия точного логического смысла.)

Каждый подкласс дробится дальше: skam — благодать, skap — блаженство, skaf — обожать, skab — судить, skad — просить, skag — жертва и т. д.

Проект Дельгарно должен быть отнесен к классификационным системам человеческих понятий, каковых в разное время и в разных науках появилось весьма много. Имеется целый ряд подобных классификационных систем — цифровых, исходящих из дробления понятий по десятичной системе.

Наиболее известная и распространенная из них — это система классификации Международного Библиографического Института (1897 г.).

По системе М. Б. И. совокупность человеческих познаний разделена на 10 больших классов, обозначенных десятью цифрами от 0 до 9. Каждый из этих классов в свою очередь содержит в себе 10 разделов, помечаемых также одной из цифр от 0 до 9, справа,

¹ η — греческая буква («эта»).

² υ — греческая буква («инсилон»).

после цифры данного класса. В каждом разделе — 10 секций и т. д. В итоге этого получается такая нисходящая лестница:

6 — прикладные науки,
61 — медицина,
612 — физиология,
6123 — пищеварение,
61231 — рот,
612313 — слюнные железы,
6123136 — патология слюны,
61231363 — микробы слюны.

Ясно, что таким образом можно достигнуть классификации самых детальных понятий и представлений. Соответственно своим достоинствам эта система получила широкое применение в крупнейших мировых библиотеках.

Отличие цифровых классификационных систем от философских языков заключается в отсутствии возможности их звуковой передачи. Однако, как мы видим из проекта Лейбница, при обозначении цифр теми или другими буквенными сочетаниями — цифровой письменный язык возможно превращать в язык звуковой. При этом, конечно, следует иметь в виду еще обязательное существование необходимых каждому языку грамматических форм. Классификационная система Международного Библиографического Института этих грамматических форм не дает. Это — номенклатура понятий (существительных и прилагательных, без глаголов и без грамматических флексий). Но и элементы грамматики возможно выражать теми же цифровыми обозначениями.

В проекте М. Пеца (М. Paic. Землин. 1859 г.) числа от 1 до 999 обозначали грамматические формы, а числа выше 1000 — отдельные идеи и понятия.

Обобщаемые понятия по системе Пеца соединялись знаками сложения или вычитания; например, 3243 — означало «купло покупку», 3243 + 10 — покупатель, 3243 + 20 — покупательница, 3243 + 101 — покупатели и т. д.

М. Пец эти цифровые грамматические обозначения также переводил на звуковой язык, заменой цифр определенными буквами.

Прочие, когда-либо созданные проекты философских систем представляют собой различные вариации двух основных принципов: 1) комбинирования некоторого числа основных корневых понятий, или же 2) классификации существующих идей — понятий. Отдельные мечтатели и утописты вплоть до сего времени занимаются разработкой подобных проектов, но реальной цены и реального применения эти проекты не находят и не могут найти.

Основным недостатком философских систем является их отвлеченность и умозрительность, то, что элементы подобных языков не имеют никакой базы в современном быту. Язык-орудие является

производным от существующего быта и экономики. Философские же проекты искусственного языка от реального быта совершенно оторваны и являются производными от одного личного усмотрения их изобретателей.

Такова конкретная причина неуспеха всех подобных проектов и полная для них историческая невозможность получить какой-либо успех и какое-либо реальное применение.

Кроме этого недостатка, философские языки обладали еще рядом других, совершенно неизбежных, органических дефектов. Все они строились на ошибочном предположении, что общее количество человеческих основных понятий можно свести к сравнительно незначительному числу понятий элементарных и что можно создать абсолютную классификацию идей и понятий, бесспорную и совершенно точную, независимую от личного усмотрения и от субъективного подхода отдельных изобретателей.

В результате же системы философских языков представляют собой целый ряд ребусов, разрешить которые и уловить точный смысл которых не всегда возможно. Кроме того ряда слов, подобных вышеприведенным словам из проектов Фостера и Дальгерно, крайне трудно запоминаться. Они противостоят основному свойству человеческой памяти: чем более слова схожи по смыслу, тем более они должны различаться по форме.

Идеалистические теории, положенные в основу проектов общечеловеческого философского языка, не могли ни к чему другому привести, как только к полному их неуспеху и провалу.

Классификационные же системы понятий и идей могли оказаться полезными и смогли найти применение только в специальных областях — в роде системы Библиографического Института. Служить же всеобщим орудием передачи мысли они, согласно принципам своего построения, не могли и никогда не смогут.

II. Проекты универсального письма (пазиграфия).

Проект Лейбница явился по времени не только первой попыткой создания всеобщего языка («пазилалии»), но и первой попыткой создания всеобщего универсального письма («пазиграфии»).

Пазиграфией называют всемирный, исключительно письменный язык, — систему знаков, предназначенную для выражения и передачи мысли.

Система цифровых обозначений и логическая алгебра Лейбница была цифровой пазиграфией. Такой же цифровой пазиграфией является выше описанная система десятичной классификации Международного Библиографического Института и система М. Пеца.

Если порядок обозначений, присвоенных отдельным понятиям, стремится, по примеру проекта Лейбница, следовать некоторой логической классификации — получается пазиграфия философская. В противном же случае мы будем иметь пазиграфию эмпирическую.

Кроме пазиграфий цифровых могут существовать и пазиграфии другого вида, получающиеся комбинациями любых букв или знаков. Сущность и основы их построения остаются одни и те же.

Основываясь на примерах китайской письменности и египетских иероглифов, многие изобретатели «общечеловеческого письма», начиная с современников Лейбница, полагали совершенно излишним и, во всяком случае, не обязательным, чтобы орудие междучеловеческой связи облекалось также и в звуковые формы.

Поэтому отнюдь не во всех проектах пазиграфий авторы таковых устанавливали замену пазиграфических цифр и знаков удобопроизносимыми буквами.

В качестве характерного примера построения эмпирической не цифровой пазиграфической системы приводим перечень знаков «Практической Пазиграфии» д-ра Дамм (Лейпциг. 1877 г.).

Система Дамма обладает сравнительно весьма незначительным количеством основных знаков — всего 100. Но по существу такое положение ошибочно, ибо каждый из 100 знаков первого ряда, в зависимости от предшествующей ему цифры ряда третьего, — дает 40 особых отличных понятий.

Если сочетание цифры 1 и круга (1-й знак 1-го ряда) означает вселенную, цифра 2 с этим же кругом означает человека, цифра 3 с ним же — землю и т. д. Таким образом, фактически получается всего $40 \times 100 = 4000$ основных идеографических знаков, соответствующих корням слов в наших языках.

Используя 7 знаков 2-го ряда можно получить из этих корневых идей и понятий соответствующие их логические и грамматические изменения. Каждый из значков 2-го ряда может быть поставлен над, под, справа и слева от основного знака. Таким образом получается всего $4 \times 7 = 28$ основных грамматических форм и вариаций.

Точки — слева, наверху, внизу и справа — основного знака означают изменения основного понятия, соответствующие: 1) именительному, 2) винительному, 3) родительному и 4) творительному падежам.

Горизонтальные черточки в этих же расположениях означают изменения соответствующие: 1) приставке определенного члена, 2) существительному, 3) прилагательному и 4) наречию.

Совершенно очевидно, что усвоить подобную систему знаков и их сочетаний представляет огромные трудности.

Основной недостаток всех систем пазиграфий — полная искусственность и умозрительность их построения, их несоответствие

реальным потребностям жизни и существующим формам человеческого общения.

В этом отношении объективная оценка попыток создания систем пазиграфии целиком совпадает с оценкой попыток создания философских языковых систем.

Язык, предназначенный для международного применения, подобно всем существующим национальным языкам, должен быть равно применим как для письменных, так и для устных сношений.

Принятие, в качестве общечеловеческого, языка исключительно письменного, а не разговорного, явилось бы на пути развития техники сношений несомненным шагом назад.

Но подобно тому, как цифровые системы классификации в известных случаях и в ограниченных областях (например, в библиотечном деле) были применены со значительной пользой, подобно этому и пазиграфические принципы нашли свое применение в других соответственных отраслях.

Если мы условимся понимать под пазиграфией всякий не звуковой, зрительный способ взаимопонимания, то в этом случае мы сможем считать пазиграфией «международную систему световой маячной сигнализации» и еще в большей степени «Морской Сигнальный Код» (1871 г.). Последний содержит в своих разноцветных сигнальных комбинациях самую настоящую и вполне к месту приспособленную систему пазиграфии. Вскоре после принятия этого кода всеми морскими державами, на каждом судне уже имелся словарь «всеобщего морского языка».

Это было первым по времени во всемирном масштабе, хотя и частичным, разрешением вопроса о всеобщем орудии взаимопонимания.

III. Проекты применения одного из естественных языков в качестве международного.

При общем обзоре этапов развития идеи международного языка — нет возможности установить какие-либо точные и определенные хронологические разделы этих этапов. Первыми по времени проектами всеобщего языка были одновременно и системы философского языка и системы пазиграфии. В течение XVII и XVIII вв. и первой половины XIX в. появлялись исключительно подобные проекты. Но впоследствии, когда невозможность разрешения данной проблемы методами философской классификации и пазиграфии уже выяснилась с исчерпывающей полнотой, отдельные прожектеры и идеалистически настроенные авторы продолжали работать над созданием универсального письма и универсального логического языка. Так как по принципам своего построения все эти проекты более или менее сходны и уже выявили свою прак-

тическую неосуществимость, мы переходим к рассмотрению следующего этапа развития идеи международного языка.

После неудачных попыток создать новый *логический язык* и новое универсальное письмо, должна была наступить естественная реакция. Последующие изыскания в области установления всеобщего языка должны были естественно направиться в сторону выяснения того, возможно ли использовать с этой целью какой-либо из естественных языков.

При подобной постановке вопроса сразу же выявлялись два возможных решения: языком для международных сношений может быть принят либо один из существующих живых языков, либо же какой-нибудь язык «мертвый» — язык исчезнувшего народа.

Нет ничего удивительного в том, что англичане желали бы видеть общепризнанным интернациональным языком английский, французы — французский, немцы — немецкий и т. п. Вполне естественно, что каждый человек предпочел бы использовать в качестве всеобщего языка тот язык, который он знает лучше всего, которым он чаще всего пользуется и к которому он лучше всего приспособился.

Прививку своего родного языка в качестве общего мирового пытаются осуществить все империалистические державы, стремящиеся расширить в пределах возможного свое влияние и свои прибыли. Идеологами и пропагандистами этих идей являлись и являются во всех странах руководители грабительской, империалистической политики.

Несомненно, что введение одного из существующих языков в качестве общеобязательного создало бы определенной нации ряд привилегий. И, вследствие этого простого соображения, те же причины, которые побуждают в целях экономического преобладания и извлечения больших прибылей стремиться насаждать «свой» язык, те же причины заставляют всячески сопротивляться насаждению и прививке «чужого» языка. Сумма всех действий равняется сумме всех противодействий.

Для империалистических держав отказаться от «родного» языка значит одновременно отказаться от «родного» барыша. В условиях господства буржуазии, разъединенной империалистическими противоречивыми интересами, создавался особого рода языковый «шовинизм». Буржуазное мирозерцание могло еще в крайнем случае мириться с проектами и попытками создания искусственных, а поэтому «нейтральных» всеобщих языков, но, во всяком случае, со всяким конкурирующим естественным языком отечественной буржуазией неизбежно велась и ведется неустанная борьба.

Это, так сказать, момент политический, заранее парализующий в условиях господства буржуазии все попытки признания какого-либо национального языка — общеобязательным языком международных сношений.

Но отбросим все соображения национального соревнования и конкуренции. Посмотрим, представляется ли возможным технически осуществить, будь это решено, введение, например, французского языка в качестве международного. Французский язык не легче и не труднее всех прочих естественных языков. В нем много путаницы, много неразберихи, излишних трудностей, исключений и пр.

Для обучения всех и вся французскому языку — придется мобилизовать французов и разослать их по всему земному шару. Мобилизованные французы потеряют родную почву и подвергнутся воздействию местного быта и местного языка. Различные народы будут кое-как (и очень скверно) французить. В результате же совершенно неизбежна новая языковая дифференциация. В этом отношении характерна история английского языка в собственно Англии и в Соединенных Штатах Сев. Америки. Несмотря на относительную недавность колонизации Америки и несмотря на общую литературу и общую языковую традицию — уже и сейчас англо-американский «диалект» обладает некоторыми элементами, существенно отличными от «англо-британского» языка. Время, средства и энергия, которые были бы истрачены на обучение всего мира французскому языку, оказались бы израсходованными впустую. Зависимость языка от форм быта и существования отдельных народов предопределяет в настоящих условиях неуспех всякой попытки привить в качестве общемирового язык одного народа.

Сознание этого факта и, пожалуй, еще в большей степени сознание факта неизбежного противодействия всех народов, «обойденных» при выборе интернационального языка, — породило в свое время ряд оригинальных предложений.

Шапелье в 1905 г. выступил горячим сторонником установления в качестве международных равноценных языков — французского и английского. Немецкий профессор Дильс в развитие этого предложения выступил с проектом образования некоторого языкового триумвирата из французского, английского и немецкого языков.

Собственно говоря, проекты языкового дуумвирата или триумвирата фактически не разрешают задачи о всеобщем языке. Моменты соревнования и конкуренции прочих обойденных народов все равно и в этом случае сохраняют свою силу и значение. Повсеместное распространение двух или трех «всеобщих» языков затруднительно и неосуществимо в еще большей степени, чем распространение какого-либо одного из них. Поэтому серьезного к себе внимания эти предложения не вызвали и вызвать не могли.

Однако, если проблему интернационального языка ни один из современных языков и никакие их «комбинации» разрешить не могут, то, быть-может, возможно воспользоваться в качестве тако-

вого формами какого-нибудь мертвого языка. Ведь латинский и древне-греческий языки — нейтральные и, во всяком случае, никаких особых преимуществ ни одному народу не дают.

Еще в 1867 г. некто Ле-Гир выступил с пропагандой латинского языка в качестве международного. В конце XIX и начале XX вв. ряд ученых выступил в качестве защитников этого проекта. В 1888 — 1892 гг. среди ученых кругов Германии и Франции велась усиленная подобная же пропаганда в пользу древне-греческого языка. В 1900 г. в Нью-Йорке издавался с этой целью на древне-греческом языке журнал «Атлантис». Вплоть до 1914 года ряд подобных же журналов выходил и на латинском языке.

Таким образом и среди «нейтральных» древних языков создавалась своеобразная конкуренция. Фактически же эта конкуренция была совершенно излишней.

Латинский и древне-греческий языки умерли вместе с бытом той эпохи, когда они были еще языками «живыми». Воскресить эти языки невозможно, как бессмысленно пытаться и невозможно воскресить быт времен Цицерона или Сократа.

В обоих языках нет выражений для понятий самых элементарных: для понятий носового платка, телеграфа, паровоза и всего того, что является сущностью всей нашей цивилизации. Вместо фразы: «вынь из кармана носовой платок и вытри брюки» на этих языках можно сказать только: «вынь да вытри».

Чтобы оживить эти языки, чтобы вернуть их к жизни — необходима слишком решительная и коренная ломка структуры окаменелого языка, необходимо слишком значительное их пополнение новыми недостающими терминами и выражениями. Придется больше пристраивать и пополнять, чем, собственно, брать из прежних форм мертвого языка. И все же, даже такой искусственно пополненный язык будет чужд нашей современности, нашему быту. Длинные грамматические периоды Цицерона, наилучшим образом соответствовавшие общему складу жизни древнего Рима, будут казаться нелепыми в наше время машин, хронометров и точно рассчитанных минут.

Оживлять мертвое не стоит труда, тем более, что все равно эти попытки не смогут иметь никаких положительных результатов.

Безуспешные попытки интернационализации и воскрешения мертвой латыни и мертвого древне-греческого языка подтвердили это положение наилучшим образом.

IV. Проекты «смешанных» языковых систем.

Из всего имевшегося опыта и из всех предшествовавших экспериментов к середине XIX века каждому критически мыслящему человеку должно было стать совершенно ясным:

1) что действительным всеобщим языком не может стать ни один проект философского языка и ни одна пазиграфическая (не разговорная) языковая система, и

2) что международным языком никогда не станет ни один естественный (живой или мертвый) язык.

Оставался неиспробованным путь создания всеобщего разговорного и письменного языка по примеру и образцу существующих языков, со всеми необходимыми грамматическими правилами и со всем необходимым словарным материалом; при чем этот словарный материал должен был быть скомпанован по примеру естественных языков, то-есть без каких-либо особых претензий на установление логической классификации его элементов.

Первым автором, вступившим на путь самостоятельной разработки новой языковой системы, учитывавшей схемы построения естественных языков, был француз Сюдр, опубликовавший в 1868 г. (Париж) проект языка «solresol». В основу языка «solresol» было положено использование 7 основных музыкальных нот. Из этих нот, представлявших одновременно буквы и слоги языка, составлялись слова, грамматические флексии и, наконец, целые фразы. Других слов и звуков, помимо нот, не было. Несмотря на подобную отвлеченную схему построения, язык Сюдра не был языком философским, так как он не основывался на каком-либо принципе логической классификации. Слова состояли из 1, 2, 3, 4 и 5 слогов, соответственно числу элементов комбинации нот 1, 2, 3, 4 или 5, благодаря которой получалось слово-комбинации 1, 2, 3, 4 или 5 нот.

Комбинации из 1 и 2 нот образовывали частицы и местоимения: *si* — да, *do* — нет, *re* — и, *mi* — или, *sol* — если, *dore* — я, *domi* — ты, *dofa* — он, *redo* — мой, *remi* — твой и т. д. Наиболее употребительные слова образовывались комбинациями из трех нот: *doredo* — время, *doremi* — день, *dorefa* — неделя, *doresol* — месяц, *dorela* — год, *doresi* — столетие.

Комбинации из 4-х нот делились на классы, согласно начальной ноте, так, например, класс «*do*» относился к человеку физическому и моральному, класс «*re*» к семье, хозяйству и туалету, «*mi*» — к действиям человека и его недостаткам и т. д.

Когда слово представляет глагол, то имя вещи, лица, прилагательное и наречие, производные от этого глагола, образовывались ударением на 1-ом, 2-ом, 3-ем или 4-ом слове слова.

Например, *sirelasi* — учреждать,
sirelasi — конституция,
sirélasi — составляющий,
sirelàsi — конституционный,
sirelasi — согласно с конституцией.

Противоположная идея выражалась обратным порядком слогов соответствующего слова, например: *misol* — благо, *solmi* — зло, *sollasi* — подниматься, *silasol* — опускаться.

На этом языке можно было писать, говорить, можно было играть его на любом инструменте. Семь основных цветов, приравненных к соответственным музыкальным нотам, давали возможность цветной на нем сигнализации.

Solresol обладал большими преимуществами по сравнению с предшествовавшими философскими и пазиграфическими проектами. Он был проще философских систем. Это был разговорный язык. Но он не обладал элементами, взятыми из реальной действительности и этой действительности соответствовавшими. Поэтому, несмотря на сравнительную простоту своей грамматики, он был труднее любого из естественных языков. Это предопределяло фактическую невозможность для проекта Сюдра стать языком международным.

Французский генеральный штаб и командование французского флота рекомендовали введение и частично даже ввели изучение сигнальных и световых сочетаний solresol'я во французские армию и флот. Работам Сюдра выражали симпатии и его поощряли Виктор Гюго, Ламартин и Александр Гумбольд.

Тем не менее практического значения и распространения этот язык не получил.

Дальнейшим шагом вперед по сравнению с языком Сюдра явился созданный католическим прелатом И. Шлейтером «волапюк», первый учебник которого вышел на немецком языке в 1880 г.

Азбука волапюка состоит из 28 букв: 8 гласных — а, е, i, о, u, ä, ö, ü и 20 согласных. Каждая буква произносится всегда одинаковым образом (читается, как пишется). Ударение ставится всегда на последнем слоге каждого слова. Существительные склоняются все по одному правилу.

Единственное число.

Именит. dom — дом.
Родит. doma
Дательн. dome
Винительн. domi

Множественное число.

Именит. doms — дома.
Родит. domas
Дательн. domes
Винительн. domis

Множественное число во всех падежах образуется прибавлением буквы *v*. Женский род образуется приставкой *ji* (ши) — она: blod — брат, jiblod — сестра, gok — петух, jigok — курица.

Прилагательные образуются приставкой *ik*: gud — доброта, gudik — добрый, glet — величина, gletik — большой. При помощи особых приставок образуются степени сравнения.

Из числительных количественных: bal — 1, tel — 2, kil — 3, fol — 4, ful — 5 и т. д. особыми приставками можно получить числительные порядковые, множительные, дробные, наречия и т. д. Также сконструированы и все производные от местоимений: ob — я, ol — ты, om — он, of — она, ohs — мы, ols — вы, и т. д.

Все глаголы спрягаются по одному и тому же правилу: время обозначается приставкой в начале слова — корня; лицо — личным местоимением — приставкой в конце корня, например, *lōfōn* — (неопределенное наклонение) любить.

Настоящее время:

lōfōl — ты любишь,
lōfōm — он любит,
lōfōf — она любит,
lōfōbs — мы любим,
lōfōls — вы любите,
lōfōms — они любят,
lōfōfs — она любят,
lōfōb — я люблю.

Другие времена образуются при помощи других приставок к формам настоящего времени. Например: *alōfob* — я любил, *elōfob* — я полюбил, *ilōfob* — я прежде любил, *olōfob* — я буду любить и т. д.

В таких же стройных, но совершенно отвлеченных и искусственных формах выдержана вся остальная часть грамматики волапюка.

Следует признать, что эта грамматика проще грамматик естественных языков уже благодаря тому, что ей чужды какие бы то ни было исключения. Современные грамматические правила в естественных языках являются в значительной степени продуктом искусственного регулирования и к тому же регулирования не организованного, не проникнутого единым планом и духом. Одновременно с изучением многочисленных грамматических правил естественных языков приходится изучать еще большее число исключений, и это изучение дается с большими трудностями.

В связи с этим искусственность грамматики волапюка сама по себе не являлась каким-либо непреодолимым препятствием на пути его развития и практического применения.

Иначе обстояло дело со словарем волапюка. Как правило, слова волапюка брались из словарных запасов английского языка и частично из языков латинского, немецкого и французского. Однако, от форм этих языков в волапюке осталось очень мало неискверканного и неизуродованного. Причиной этому являлся ряд произвольно установленных стеснительных ограничений. Слова волапюка не оканчиваются на свистящие (*с, ш, з, ч*), чтобы избежать смешения с окончанием *s* — признаком множественного числа. Корни все по возможности односложные и обязательно начинаются и оканчиваются согласной буквой. Буква *r* (*p*) совершенно исключена и заменена буквой *i*, в виду трудности произношения *p* для китайцев, стариков и детей.

В результате этого по волапюкским словам совершенно невозможно узнать, из каких языков и каких слов они произведены.

Например, из латинского	dol (dolor)	— боль
	nim (animal)	— животное
из немецкого	vun (Wunde)	— рана
	hel (Berg)	— гора
из английского	nol (Knowledge)	— знание
	plim	— комплимент
	yel (year)	— год и т. д.

Приводим в качестве образца текст волапюка с переводом на русский язык:

«Züpels mödik isibinoms in taladils valik lul alim, kele Volapük no binom pesevik, okapälom püked at, if ukösekom timi stude pülka at».

«Насчитывалось много последователей волапюка во всех пяти частях света. Каждый, который не знает волапюка, все-таки поймет эту фразу, если только пожертвует временем на изучение этого языка».

Язык волапюк сразу же после своего появления достиг значительного распространения и применения. Это был первый проект искусственного языка, завоевавший такое относительно значительное число сторонников. Годом наивысшего расцвета волапюкистского движения был 1889 год. К этому времени во всем мире существовало 283 волапюкистских общества, 25 журналов на волапюке и свыше 1000 дипломированных учителей этого языка. Учебники волапюка были изданы на 25 языках. Волапюкских книг, брошюр и пр. всего к этому времени было выпущено 384. Волапюк преподавался в ряде высших школ Европы (Париж, Вена, Бордо, Мадрид), Северной и Южной Америки.

Подобный успех волапюка обуславливался тем, что он казался удовлетворяющим назревшей остро ощущимой потребности.

Полная проработанность системы, сравнительная простота грамматического построения — давала возможность применения и начального распространения языка.

Волапюк заинтересовал и привлек внимание к проблеме всеобщего языка ряда специалистов и мыслителей, до того времени этим вопросом не занимавшихся. Движение в пользу введения всеобщего языка вышло за пределы узко ограниченного круга авторов и составителей различных языковых проектов и систем. Последнее содействовало внесению в новое движение новых более рациональных идей и принципов. Основной из этих новых идей явилось признание за искусственным языком возможности существования исключительно в виде *международного вспомогательного языка*, второго для всех, а не языка всемирного, всеобщего и единственного.

Вследствие причин, на которых нам уже неоднократно приходилось останавливаться, вследствие многообразия форм существования и многообразия бытовых условий, в настоящее время думать о возможности введения единого всеобщего языка не приходится.

Подобное положение сохраняет свою действительность как в отношении философских и пазиграфических систем и попыток интернационализации естественных языков, так и в отношении искусственных языков, сконструированных по образцу и подобию языков естественных.

Большинство волапокистов совершенно определенно смотрело на свой язык, как на язык вспомогательный, искусственно регулируемый и призванный не вытеснять существующие языки, а служить в качестве вспомогательного дополнительного средства связи при международных сношениях.

При этом в пользу волапока говорило то соображение, что вспомогательным языком в виду уже проделанных опытов ни естественные живые, мертвые языки, ни философские, ни пазиграфические проекты явиться не смогут: естественные языки — в виду моментов конкуренции, имеющиххся несообразностей и грамматических сложностей, мертвые языки — в виду несоответствия их современной жизни, философские и пазиграфические проекты — в виду этого же несоответствия и трудностей их изучения.

Такие взгляды и такое отношение к вопросу давало новый смысл и новое практическое обоснование всему движению в пользу всеобщего международного языка. Международный язык нашел свое место в общей схеме орудий связи человечества и соответственно этому волапокистское движение начало быстро расти.

Но точная и ограниченная формулировка целей и задач, стоящих перед международным языком, не могла еще сама по себе обеспечить окончательный успех именно за данной «смешанной» системой искусственного языка.

Практика и более длительное применение волапока обнаружили ряд недостатков, которые, в конце концов, привели к его падению и гибели. Совершенно искусственный подбор и произвольные искажения слов волапока лишали возможности пользоваться существующей интернациональной терминологией, связанной с современной культурой и техникой.

Волапок не использовал представлявшиеся ему возможности пополнения своего словаря интернациональными словами, которые более тесно связали бы его с существующими формами быта и с существующими языками.

Недостатки строения и отдельные трудности изучения тормозили дальнейшее распространение и предопределили последующее вытеснение волапока другой, более совершенной системой.

Среди волапокистов росло определенно критическое настроение, как в отношении отдельных языковых элементов волапока,

так и в отношении принципов его построения вообще. Вслед за быстрым ростом наступил еще более быстрый распад движения. Появился целый ряд других проектов, подобных волапюку. Совершенно отвлеченные, измышленные правила подбора слов волапюкского словаря любой автор другого проекта мог заменить отличными правилами своего собственного изобретения. Открывался безграничный простор для конструирования искусственных языков различнейших типов. Невозможность сделать выбор и отдать предпочтение какой-либо определенной системе, грамматический и словарный материал которых были в равной степени необоснованными, сводила на нет все попытки установления единого международного вспомогательного языка. Ценность же идеи международного языка заключается, главным образом, конечно, не в простоте грамматики, а в том, что подобный язык — единственный.

Волапюк на примере своего роста и практического применения доказал, что искусственный язык может быть применяем. Опыт волапюка непреложно установил, что международный искусственный язык может и должен быть только языком вспомогательным и что грамматика такого языка может быть значительно проще сложных грамматик существующих естественных языков. И в то же время опыт волапюка показал, что рассчитывать на успех и широкое распространение может только язык, словарный материал которого более естественен и более пропитан интернациональными элементами, имеющимися в существующих языках.

По этому пути и направились дальнейшие попытки создания единого, уже не всеобщего единственного, а вспомогательного международного языка.

V. Проекты создания вспомогательного языка на базе реформирования и упрощения естественных живых и мертвых языков.

Трудность изучения естественных языков зависит, в значительной степени от сложности и трудности их грамматических правил, от огромного количества исключений и неправильностей. Поэтому вполне понятны попытки упрощения естественных языков, сводящиеся к установлению некоторого единообразия форм их построения. Естественным выводом из признания невозможности создать идеальный логический удобоприменимый язык, были попытки введения хоть некоторой частичной логичности в нелогичные и путанные естественные языки.

Говоря об универсальном всеобщем языке, Декарт еще в 1629 году обрисовал следующим образом его грамматические свойства: «Такой язык имел бы только один способ спряжения, склонения и построения слов. Он вовсе не имел бы форм не-

полных и неправильных, возникающих вследствие привычки к искажению. Изменения глаголов и словообразования производились бы при помощи приставок, добавляемых к началу или концу коренных слов. Эти приставки находились бы в общем словаре».

Другой провозвестник рационального всеобщего языка, известный геометр Мопертюи, в 1756 г. писал: «Если бы все существительные имели одно окончание, если бы числа и падежи (род не важен) отличались также одними и теми же буквами, заменяющими нынешние склонения, если бы все прилагательные имели одно постоянное окончание, а наречия — другое, если бы все глаголы имели одно неопределенное наклонение, прибавляя к которому отдельные буквы можно было бы образовать все времена; если бы существовал подобный язык, вся грамматика свелась бы к крайне небольшому числу правил. Все слова были бы легко понятны по своему построению и окончанию. Нет сомнения, что такой язык был бы несравненно легче всех современных языков. С помощью грамматики, которую можно усвоить в течение одного часа, и с хорошим словарем, можно будет читать, понимать и писать на таком языке».

Таковы были взгляды Декарта и Мопертюи на грамматику. Все смешанные проекты и искусственные языки имели подобные простые грамматики.

Рационализировать грамматики уже существующих языков, конечно, значительно труднее. Вследствие этого авторы подобных улучшений естественных языков часто волею-неволею ограничивались более мелкими исправлениями и в первую очередь исправлениями правил правописания и произношения.

Первыми проектами упрощения естественных языков были: проект И. Шипфера (упрощенный французский язык 1839 г.) и проект Бредшоу (упрощенный английский 1847 г.).

Но эти первые проекты не привлекли к себе никакого внимания. Ряд новых проектов подобного же рода появился уже впоследствии, в итоге краха волапука. За короткое время между 1888 и 1893 гг. появились проекты реформ английского, французского, немецкого и итальянского языков. Авторы всех этих проектов тщетно пытались превратить в международный вспомогательный язык один из существующих.

Действительно, грамматику любого языка можно упростить в весьма значительной степени. Можно уничтожить многочисленные исключения, из общих правил, крайне затрудняющие изучение любого языка. Вместо нескольких видов склонения и спряжения можно оставить один вид, приспособив к этому виду сохраняемые корни языка. Можно, наконец, усовершенствовать правописание, введя полную согласованность между письмом и звукопроизношением.

Но все это вместе взятое настолько исковеркает и изменит естественные формы любого языка, что, по существу, от прежних форм останется очень мало. Он станет почти неузнаваемым. Балансируя между двумя крайностями: стремлением сохранить естественные формы языка и желанием их упростить и рационализировать, реформаторы попадали в весьма затруднительное положение.

Реформированные языки становились непонятными даже для знающих естественные формы соответствующего языка. Их приходилось изучать заново. С другой же стороны, несмотря на все грамматические реформы, эти языки не становились от этого более международными по своим составным элементам. Не устранялись причины, вызывавшие оппозицию прочих народов, чьи языки не подлежали реформированию и интернационализации.

Еще в 1858 г. французское лингвистическое общество произнесло решительный приговор всем подобным проектам «язык, усовершенствованный таким образом, стал бы неузнаваем и вместе с тем оставался бы иррациональным, нелогическим, производным и трудным».

Если к этому прибавить общую оценку подобных реформных проектов, как интернационализированных не в достаточной мере, станет очевидным неизбежный их провал и неуспех. Заменить у своего народа естественный язык — эти проекты не могли. Стать же вполне удовлетворительным орудием международного общения — мешали им их «ограниченно национальные» формы.

Собственно говоря, все соображения, выдвигаемые против реформированных естественных языков, сохраняют свою силу и при анализе попыток реформы какого-либо из языков мертвых. Таких проектов упрощения древне-греческого, латинского и санскритского (древне-арийского) языков было несколько. При этом следует иметь в виду еще одно обстоятельство: несмотря на все упрощения, древние языки остаются в значительной степени органически чуждыми современному человеку и современному быту.

При производстве же решительной и коренной их ломки, при введении в древний язык всех интернациональных терминов, при соответственном приспособлении его грамматики и т. д., — мы уже будем получать не реформированный древний язык, а совершенно новую и оригинальную языковую систему.

Получится уже не реформированный древний язык, а система языка из частей и отрывков, с корнями и звукоподражательными словами, взятыми из разных мертвых и живых языков, проникших в современный интернациональный обиход.

Получится нечто близкое современным «апостериорным» системам интернациональных вспомогательных языков, сконструированным на основе данных сравнительного языкознания.

VI. Проекты «апостериорные», построенные на базе интернациональных элементов современных языков.

Все последовавшие за волапоком «апостериорные» проекты использовали при своем построении имеющиеся в разных языках интернациональные элементы.

К таким образом сконструированному словарю затем приспособлялась логичная, легкая и простая грамматика, по возможности также состоящая из более-менее интернациональных приставок и вставок. Алфавитом подобных языков всегда являлся латинский, как наиболее интернациональный по своему характеру и распространению.

В результате такого подхода, в отличие от разных «смешанных» систем, языки апостериорные чрезвычайно близки и сходны между собой.

Если в разных апостериорных проектах могли существовать еще некоторые грамматические отличия, заключающиеся преимущественно в отличии форм разных частей речи и в отличии форм спряжения, то их словарный материал, во всяком случае, был более или менее единообразным и сходным.

Такова система языка «Идиом-нейтраль», выработанная прежней Волапокской Академией (1902 г.), таков же и язык эсперанто (1887 г.) и все его вариации (идо, антидо и пр.) Таковы же и все проекты современных нео-латинских систем, разработанных при соблюдении принципа «максимума международнойности».

Основу всех апостериорных языков образуют слова, ставшие вполне международными и встречающиеся во всех языках: *atom*, *aksjom*, *bark*, *form*, *fosfor*, *panter*, *teatr*, *tabak*, *tualet*, *vagon*.

Только в случаях, когда нет подходящего международного термина, приходится брать слова не международные, а общие наибольшему количеству языков и могущие рассчитывать на дальнейшее интернациональное распространение. К таким словам следует отнести слова в роде: *marmor* (мрамор), *flor* (цветок), *blind* (слепой), *trotuar* (тротуар), *mehl* (мебель) и т. д.

Исходя из этих же соображений возможной грядущей их интернационализации некоторое ограниченное количество слов приходится также заимствовать из латинского языка.

Используя различные грамматические приставки и вставки, возможно значительное сокращение основного словарного материала. Например, в эсперанто: *in* — приставка, определяющая женский род: *patro* — отец, *patrino* (вместо *matro*) — мать, *viro* — мужчина, *virino* — женщина, *bovo* — бык, *bovino* — корова, *id* — потомок, *bovido* — теленок, *koko* — петух, *kokido* — цыпленок, *ar* — собрание чего-нибудь, *vorto* — слово, *vortaro* (вместо *leksikono* или *vokabulario*) — словарь, *vagono* — вагон, *vagonaro* —

поезд, arbo — дерево, arbaro — лес, ist — профессия, занимающаяся чем-либо, boto — сапог, botisto — сапожник и т. д.

Широкое использование подобных приставок облегчает усвоение языка, делает его более демократичным по построению и более доступным широким массам, хотя и уменьшают количественно число интернациональных терминов: например, patrinio — вместо matro, vortaro — вместо leksikono или vokabulario.

Идиом-нейтраль, эсперанто и прочие им подобные проекты являются конечными достижениями теоретической разработки проблемы международного вспомогательного языка.

Можно с уверенностью сказать, что при наличии всех уже произведенных опытов и попыток и при условии современных человеческих знаний и потребностей, всякий новый апостериорный проект будет либо повторением одного из прежних, либо компромиссным смешением нескольких предшествовавших систем и проектов.

Так, между прочим, определила в 1923 г. нынешнее положение и комиссия по международному языку, созданная в Вашингтоне при знаменитом комитете по научным изысканиям (International Research Council).

Этим объясняется, что, несмотря на наличие целого ряда апостериорных проектов международного вспомогательного языка, с частичными отличиями, достоинствами и недостатками, только один из них пользуется практическим применением и что это применение непрерывно ширится и растет. Практическое осуществление и проведение в жизнь идеи международного языка, при соблюдении основных принципов его построения, в конце-концов, не зависит и не должно зависеть от отдельных мелочных и второстепенных элементов.

Пропитанный интернациональными элементами, искусственно сконструированный язык в роде эсперанто, оказывается вполне приспособленным к современным потребностям и к современному быту. Благодаря простой схематической грамматике и соответствующему подбору словарного материала, в значительной мере упрощается и облегчается его изучение.

Существование эсперанто в качестве «второго языка», в виде определенной языковой надстройки, удовлетворяющей наличным потребностям в интернациональном языке, ставит его вне зависимости от воздействия отличных бытов и условий существования различных народов. Вспомогательный, «второй для всех» язык получает возможность правильного и планомерного развития без примеси каких-либо посторонних стихийных воздействий. В дальнейшем решения авторитетных научных инстанций по вопросу о формах регулирования «вспомогательного» языка будут только содействовать утверждению окончательных языковых форм и внесению в них необходимых дополнительных корректив.

Введение международного вспомогательного языка, построенного на учете моментов интернационализации современных языков, ускорит сближение всех народов, явится необходимой промежуточной связующей ступенью между культурами разных народов и ускорит, диктуемый ходом истории человечества, процесс интернационализации.

Э. Дрезен.

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ВСЕМИРНЫЙ ЯЗЫК.

Узость и замкнутость наций становится день за днем все более и более невозможной; из многочисленных национальных и местных литератур образуется универсальная литература.

К. Маркс.

«Язык есть важнейшее средство человеческого общения», — говорит В. И. Ленин (т. XIX, стр. 98). Именно, как средство, как орудие, как определенное техническое, материальное изобретение, созданное первобытным человеком в силу насущной потребности соглашения со своими сородичами, язык человеческий впервые возник путем звукоподражания и уже позднее развился путем условных ассоциаций. Язык — не организм, но, будучи необходимым фактором общественной жизни человеческого рода, он развивался по условным традициям и по определенным правилам, установленным той или иной человеческой группой. Язык развивался, будучи связан той или иной системой слов и выражений, закрепленных в обиходе данной группы и редко подвергался резким произвольным разрывам, так как это нарушало бы его цель — взаимопонимание.

Глубоко ошибочным является то мнение, что все существующие в мире языки и наречия произошли от одного общего источника или, по крайней мере, от нескольких основных пра-языков, путем разветвления и распада на диалекты (моногогенезис). Ничего подобного! Языковые группировки произошли путем длительного подбора вначале родовых, затем племенных, наконец, народных образований и человеческих коллективов, а также путем постоянного взаимного влияния и подражания между родами, племенами, народностями. Развитие языка ведет не к распадению на отдельные разновидности, но к соглашению этих бесчисленных разновидностей между собою, к установлению подобных методов развития, к отпадению излишних и слабейших форм, к их преодолению фор-

мами более сильными и жизненными, и к определению между ними преобладающего типа.

Точно также ошибочно мнение, что определенная группа сходных между собою языков есть нечто, характеризующее расу, как таковую. Мы знаем, например, что болгары, явно не славянского происхождения, говорят, тем не менее, на славянском наречии. Классическим примером этого является еврейский жаргон. Здесь первоначальный язык целиком, или, по крайней мере, почти целиком, отступил в сторону под слишком сильным напором более удобных, более сильных и более совершенных языковых форм. Если же мы просмотрим лексический состав современных культурных языков, то мы будем поражены невероятно разношерстным происхождением их элементов, чересполосицей примесей и наслоений и явным отсутствием настоящей национальной чистоты.

Процесс пурификации, с нашей точки зрения, особенно важен. Конечно, мы говорим не о пурификации в отношении выявления чистой национальной физиономии языка из-под наслоений языков иноплеменных. Мы подразумеваем совершенно иной процесс пурификации, который знаменует собою не только естественное самопроизвольное отпадение излишних языковых сложностей, но также и определенно сознательное очищение человеком своего языка от ненужного балласта и его упорядочение. Человек строго-рационально и критически подходит к языку, подчиняет его своему контролю, упрощает, регулирует и систематизирует его.

Здесь пурификация (очищение) переходит в рационализацию (совершенствование). После изобретения письменности, т.-е. усвоения человеком умения передавать свои мысли другому не только звуковым, но и зрительным (письмо), а также даже осязательным (шрифт для слепых Брайля) способом, язык определился как явно искусственное явление, явно рациональное изобретение. После изобретения письменности человек перестал пользоваться языком полубессознательно, язык перешел во власть человека и подвергся большим изменениям. Письменность создала орфографию (правописание). Орфография изменила произношение первоначальных слов и дала возможность создания новых.

Вся история человеческой культуры говорит о неустанной последовательной борьбе человека против природы, против стихии, которую он все более и более подчиняет себе. В то время, как остальные животные применяются к условиям природы, человек ею не удовлетворяется, но стремится посредством искусственных орудий овладеть ее силами и приспособить их к своим потребностям. Среда, в которой человек вращается с первых ступеней культуры, не естественна, не природна, но целиком искусственна, целиком создана его руками. Не довольствуясь естественными средствами передвижения, человек изобретает неслыханные технические приспособления, которые с необычайной быстротой носят

его по воздуху, под водой и т. д. Все, что отличает человека от других животных, искусственно с начала до конца. Безусловно искусствен также и человеческий язык.

Еще более ярко выявляется искусственная сущность языка, когда мы сравниваем язык литературный и язык разговорный. Принято «настоящим» национальным языком считать именно литературный язык. Но какая грань лежит между языком «книжным», языком «канцелярским» и языком «простонародным»!

Выявляя все эти ступени развития языка от индивидуального к племенному и общенациональному, от произвольного, «естественного» к рациональному, «искусственному», от хаотического, бескультурного к грамматизованному, нормализованному, цивилизованному, — мы можем прийти к широким обобщениям, всецело обоснованным на предыдущих выводах.

Рассматривая язык общенациональный, как индивидуальный — мы отчетливо можем подойти к вопросу об языке интернациональном, общечеловеческом. Это — непреложная перспектива эволюции человеческого языка. Национальные языки возникали и оформлялись вследствие языкового общения в пространстве и во времени определенных народных масс. Под влиянием же постоянного трения наций и национальностей между собою, под давлением быстрого роста технических достижений человеческого ума и победы человека над временем и пространством, под влиянием новых быстрых средств сообщения между странами и широкого роста всемирного общения, существующие национальные языки подвергаются взаимному воздействию, обобщению — унифицируются.

Ход интернационализации идет во всю и гораздо более интенсивным путем, нежели это кажется. Даже те национальности, которые в результате войны и политической революции вышли из-под национального гнета, получили свободу и в настоящее время преисполнены шовинистическим патриотизмом, — даже эти национальности в своих попытках выявить собственную национальную культуру неизбежно принуждены пользоваться языковым материалом других народов для пополнения зияющих в родном языке пробелов. Влияние более сильного языка и влияние его более простых форм неизбежно вытесняет формы более сложные, трудные и менее удобные. Язык народа перерождается и интернационализируется, празднуя Пиррову победу своего политического освобождения.

Язык письменной литературы на основе естественного, «натурального» материала создает безусловно «искусственные» формы. Используя традицию, используя перспективу развития, — литературный язык развивается в двух направлениях: 1) в сторону индивидуальной своеобразности, отмирающей на стороне и остающейся как историческое разветвление, и 2) в сторону интернациональ-

ного единообразия, все более и более требовательно вызываемого к жизни все большим и большим количеством привходящих в разных языках интернациональных элементов.

Итак, перспектива интернационализации, унификации совершенно отчетливо говорит о том, что развитие всемирной литературы, несомненно, приведет и к единому, общему языку, ибо вопрос о грядущей всеобщей литературе есть вопрос языкового оформления, вопрос формального объединения всемирной литературы, вопрос обобщенной формы, очищенной от наслоений. Вопрос о всемирном литературном языке есть вопрос «языкового сгущения», вопрос вмещения более обширного идейного содержания в наименьшее количество языкового материала.

Таким образом, все бесконечное разнообразие и многочисленность всевозможных национальных языков безусловно обречены на отмирание в будущем по мере роста и увеличения предпосылок интернационального языка.

Однако, было бы большой ошибкой вывести из сказанного заключение, будто возникновение всеобщего языка есть процесс чрезвычайно длительный, по крайней мере, на несколько тысячелетий, который мы не могли бы ускорить и который придет сам по себе. Пока-то что будет, а сейчас, дескать, не до этого. Конечно, это неверно. Подобно тому, как в области социальной, осуществление коммунизма есть прежде всего вопрос организации всемирной социальной революции, так и в области интернациональной (тоже социальной) осуществление общего языка есть вопрос именно организационный. Организуются экономические условия жизни человечества, организуются формы человеческих общественных взаимоотношений, организуется и язык. Определяется и необходимость революции в области языка.

Литература зарождается в первичной стадии в порядке индивидуальной инициативы. Литература оформляется в зависимости от наличия той или иной реальной традиции в обществе. Литература стремится к обобщению, как нечто среднее, связующее, организующее все вместе, передающее в общественное достояние индивидуальное произведение, почерпнутое из коллективного источника. Всемирная литература, как всеобщее достояние, выработает и всеобщий язык, как среднюю форму для всеобщего усвоения. И этот процесс выработки всеобщего интернационального языка, как языка всемирной литературы, уже идет, и даже легко поддается ускорению, зависящему от громадного роста интернационализации и технических завоеваний, во всех областях человеческой жизни.

Разумеется при этом, вся масса национального исторического литературного творчества, навеки закрепившаяся в своеобразных народных выражениях и оригинальных языковых формах, не передаваемых на ином языке, не поддающихся переводу и пересказу, — все это навеки останется в сокровищнице человеческой мысли как

ненарушимые и заботливо оберегаемые красноречивые свидетели прошлого человечества.

Разумеется, для изучения этих подлинных документов мы будем изучать все их формы, все их детали, подобно тому, как изучая Горация — мы изучаем латинский язык, изучая Гомера — греческий, изучая Гете, Шиллера, Гейне — немецкий. Но это — специальная задача для немногих любителей, для ученых, знатоков, специалистов, для исследователей.

Всю же литературу всех народов в целом, всех времен и всего человечества из первоисточников мы никогда не сможем усвоить. Знать все языки на свете со всеми их историческими вариациями — вещь недоступная и непосильная даже для гениально-одаренной личности. Литературу разных народов, как и сейчас, мы всегда будем знать только по переводам, т.е. на одном языке, наиболее понятном для нас. Мы усваиваем по переводам содержание, мы усваиваем мысль и до некоторой степени форму, но многие детали формы, мелочи, иногда даже очень значительные, при этом неизбежно отпадают. При переводах языковая форма оригинала переливается в совершенно другую языковую форму, контуры и очертания ступеньются и втискиваются в другие, часто им не вполне соответствующие. Тем не менее, представление о вещи мы таким образом получаем, но, конечно, только «до известной степени». В будущем, после введения всеобщего языка, все наиболее ценные исторические произведения будут переведены на него заново. Это — очевидно.

Здесь нельзя не обратить внимание в этом отношении на картину, которую мы имеем в настоящее время. Стоит только призадуматься над следующим обыденным явлением. Каждое сколько-нибудь ценное произведение, появившееся на одном национальном языке, переводится обыкновенно на бесконечное количество других языков, всецело завися от совести переводчиков и от их индивидуального понимания произведения. Бывает, что перевод на один язык значительно разнится от перевода на другой язык и еще более разнится от самого оригинала. Случаются преступные искажения против подлинника. Часто переводят не с оригинала, а с перевода на другой язык; так, например, книгу португальского автора переводят на русский язык с французского перевода, потому что трудно найти русского переводчика, обладающего знанием португальского языка — и наоборот. Особенно большие трудности встречаются при необходимости перевода с языков малых народов и на эти языки, несмотря даже на большую их культурную разницу.

Здесь выход может быть только один: надо переводить как следует только на один определенный язык, удобоприспособляющийся и достаточно гибкий, избранный в качестве вспомогательного международного языка, оставляя неприкосновенными все

национальные языки, роль которых еще не кончилась. Далее: надо все произведения общечеловеческого, не частного значения писать прямо на этом языке, благодаря чему они станут сразу общедоступными для всех национальностей. Таким образом, необходимость в интернациональном языке оказывается чрезвычайно насущной и актуальной и настоятельно требует международного соглашения в целях его реального проведения в жизнь уже теперь, в самое ближайшее время.

Кто хорошо усвоил ранее изложенные положения и освободился от предрассудков в своем отношении к языку, как к чему-то неприкосновенному, для того не может быть сомнений, что интернациональным литературным языком может быть только совершенно новая языковая конструкция, воспринявшая в себя все основные, элементарные, наиболее жизненные традиции современных культурных языков, — конструкция в наиболее возможной степени интернациональная, упрощенная до последних пределов в своей технической структуре и доступная для широких вариаций.

Неверно мнение, что такой международный вспомогательный язык, созданный таким конструктивным, искусственным способом, не годится для художественной литературы. Как раз наоборот! Мы уже говорили, что каждый язык, и тем более литературный, в значительной мере искусствен. Язык есть творчество, язык есть искусство, и само слово «искусство» указывает на его искусственную, творческую, не «натуральную» сущность. А искусственность «искусственного» интернационального языка представляет собою лишь сознательное содействие тому, что так или иначе совершается «естественным» путем. Интернациональный язык раскрывает широкий путь для художественного творчества.

Ясно само собою, что не всякая выдумка жизненна, практична. Она становится жизненной и популярной лишь в том случае, если она соответствует существенным общественным потребностям, если она проста и удобоприменима, если она необходима. В противном случае она просто отмирает.

Законы жизненной эволюции все более и более выталкивают на поверхность ростки грядущего всеобщего литературного языка. Правда, до всеобщего, всечеловеческого языка еще очень и очень далеко. Роль национальных языков еще далеко не окончена. Им еще предстоит выполнить громадную задачу в течение десятков и сотен лет прежде, чем по мере роста интернационального общения все больших и больших масс вырастет и всеобщий язык. Но если сейчас всеобщий язык неосуществим, то вполне возможен язык международный. Отсутствие всеобщего языка требует замещения его хотя бы в форме суррогата. При остром голоде и недостатке естественных припасов выработка удачного суррогата играет неоценимо спасительную роль, а зачастую ведет к открытиям колоссального значения, совершенно устраняющим потре-

ние предыдущих «естественных» материалов и вводящим в обиход искусственную «химическую фабрикацию».

Все это прекрасно нам подтверждает замечательный пример использования в области литературы искусственных проектов международного вспомогательного языка. Попытки создания художественных литературных произведений делались в пределах языковых форм самых различных проектов искусственных языков: волапюка, идо и др. В связи с индивидуальными особенностями каждой отдельной системы эти попытки удавались в различной степени. В частности, несмотря на, казалось бы, достаточное наличие всех необходимых данных, проект реформированного эсперанто — идо оказался весьма слабо приспособленным для поэтических произведений. Наоборот, система языка эсперанто, несмотря на некоторые свои до известной степени грубоватые (по мнению одних), но зато простые и крепкие, а, следовательно, живучие и особенно ценные для языка (по мнению других) элементы, за время своего сорокалетнего существования настолько выросла во всех областях применения, что создала целую собственную художественную литературу и поэзию. Ни один из многочисленных в истории «соперников» эсперанто не имеет ничего подобного, даже в малой степени.

Остановимся на эсперанто поподробнее.

Прежде всего, надлежит отметить, что эсперанто сегодняшнего дня не представляет собою индивидуальный проект одного какого-то изобретателя, выдумавшего собственный язык. Основатель этого языка, д-р Эсперанто (Л. Л. Заменгоф), в сущности, явился лишь инициатором языка, давшим вначале лишь 900 основных корней слов, 30 грамматических частиц для словообразования и 16 грамматических правил, легших в основу языка. Корни слов и прочие основные элементы языка были выработаны согласно наблюдений над естественными языками и даже прямо из них взяты. В дальнейшем язык развивался путем коллективной обработки, путем сорокалетнего практического применения и использования в жизни его сторонниками.

В настоящее время эсперанто представляет собою живой язык, разговорный и письменный, язык, на котором говорит множество людей, на котором издаются журналы и газеты, пишутся романы и стихи, которым пользуются на практике, в деле, в науке и даже в домашнем обиходе, который распространен во всех пяти частях земного шара, даже на Востоке (Китай, Япония, Персия), который скреплен многочисленными деятельными организациями, научными, литературными, общественными — нейтрально-буржуазными всевозможных оттенков, но также и определенно пролетарскими, рабочими и революционными.

Чем объяснить это необычайное явление? Не тем ли, что язык эсперанто оказался достаточно нужным в жизни, оказался соответ-

ствующим известной международной потребности, попал на верный путь развития человеческого общества, оказался в области межнациональных взаимоотношений, достаточно общедоступным для широких масс? Не тем ли, что эсперанто в своей внутренней структуре выявил определенную жизненность и гибкость и что механические его качества гарантируют возможность дальнейшего непрерывного развития и совершенствования в нужном направлении? Ответ один: да, да, да...

Возможно, в языковой структуре эсперанто имеются отдельные детали, которые некоторыми авторами других проектов искусственного языка разрешаются иначе или даже в той или иной степени лучше. Безусловно, еще много проектов всемирного языка будет создано. Но все это уже не изменит одного: наличия большого, организованного, уже сильного (относительно) движения, идущего под единым знаменем эсперанто. Фактически эсперанто уже включает в себя элементы, образующие основу, переходную форму грядущего международного языка. В стремлении к международному языку уже нельзя обойти эсперанто, как нельзя в стремлении к всемирному государству трудящихся, к международной социальной революции, обойти наличие такого мощного фактора, как Коммунистический Интернационал.

Два следующих обстоятельства еще более увеличивают значение эсперанто. Во-первых, почти все без исключения системы и проекты международного языка, появившиеся за последние десятилетия и появляющиеся еще теперь, в большей или меньшей степени базируются на той же самой интернациональной языковой основе и на тех же самых принципах, как и эсперанто, разнясь между собою только в орфографии, формах грамматических частиц и правилах словообразования. Во-вторых, наиболее значительный из всей массы этих проектов — идо — настолько родственен языку эсперанто, отступая от него лишь в некоторых принципиально-спорных деталях, что он имеет известное количество сторонников только благодаря этому сходству с эсперанто.

Несомненно, эсперанто в процессе своего развития еще подвергнется большим изменениям в будущем вместе с ростом технических завоеваний человечества, подвергнется обработке целых поколений. Популяризация стенографии (краткописи) и стенолялии (краткоречи)¹ изменит эсперанто, очень возможно, до неузнаваемости. Но в условиях наших сегодняшних потребностей и возможностей язык эсперанто приходится в самый раз, он в порядке вещей, он — неизбежная стадия, ступень, этап, фаза. Мост эсперанто через бурный поток языков и наречий построен в нужном месте и достаточно крепко, чтобы целое поколение благополучно перешло на другой берег по пути к всечеловеческой культуре.

¹ Напр., в русском языке — рабкор, совхоз, губоно и т. д.

Тогда эсперанто останется позади, но сейчас, хотя мы можем и броситься вплавь, и попытаться перепрыгнуть, и поискать броду, для нас будет проще всего, и легче всего, и умнее всего идти прямо через мост, услужливо открытый перед нами.

Если мы рассмотрим технические ресурсы эсперанто в отношении литературного творчества, то здесь мы сможем обнаружить превосходные свойства языка эсперанто, как в отношении его фонетики, способной передавать даже звукоподражаемые аллитерации, так и в отношении гибкости оборотов, передачи сложных выражений, интонаций и стилизаций. Эсперанто звучит необыкновенно выразительно, звонко, четко и крепко. В переводных произведениях свободная конструкция эсперанто допускает максимум приближения к оригиналу, безусловно превышая этим качеством натуральные языки, имеющие более однородный характер. Элементарное разнообразие эсперанто оказывается в данном случае прекрасным качеством, соответствующим действительному разнообразию человеческого рода, но не нарушающим, однако, общую цельность языка и возможность стилизации в ту или иную сторону.

В литературе эсперанто мы встречаем очень хорошие переводы почти всех важнейших произведений Шекспира, Пушкина и многих других классиков.

Так, например, из крупных произведений мировой классической литературы мы можем найти на эсперанто переводы из следующих авторов: Гомер, Гораций, Байрон, Мольер, Свифт, Ибсен, Сенкевич, Ожешко, Реймонт, Андерсен, Стриндберг, Поэ, Бальзак, Рескин, Немоевский, Лессинг, Шиллер, Гете, Мицкевич, Уайльд, Метерлинка, Мопассан и мн. др. Очень много существует на эсперанто переводов русских писателей, как, например: Андреев, Чехов, Дорошевич, Достоевский, Гаршин, Гоголь, Горький, Короленко, Куприн, Мамин-Сибиряк, Л. Толстой, А. Толстой, Потапенко, Серафимович, Тургенев и др. Переводная эсперантская литература обогащается с каждым днем, и — что особенно важно — появляется много переводов, сделанных непосредственно с языков малых народностей, далеко отстоящих от общего русла международной литературной жизни.

Самым же характерным и знаменательным является появление оригинальной художественной литературы на эсперанто. Ряд талантливых романистов выпускает один за другим большие томы произведений, написанных непосредственно по-эсперантски.

Так, например, еще до войны 1914 года д-р Валльенн явился автором двух любопытных авантюрных романов, положивших начало оригинальной эсперантской романистике. За ним выступил Люйкен, давший тоже два романа более глубокого содержания и — главное — написанных более совершенным языком. Еще в период войны появляются новые два романа: интересный утопический роман с социологической подкладкой — Тагульо — и юмористиче-

ский роман, описывающий приключения трех эсперантистов «по заграницам» — Мерчанта. И уже в период послевоенный, в течение каких-нибудь четырех лет появляются: бойкий криминальный роман на романтической почве — Аргуса, один значительный психологический роман — Бультуиса; два романа Форж-Фетке, обнаруживающего большие писательские способности. В то же время уже признанный корифей оригинальной эсперантской литературы Люйкен, не удовлетворившись появлением еще двух своих романов, сейчас работает уже над пятым большим произведением. Фельетон в периодической эсперантской печати идет еще несколько произведений, в частности приключенческие романы Шварца и Баги.

Конечно, не приходится оценивать названные выше эсперантские романы, как произведения, оставляющие позади себя лучших современных авторов, пишущих свои произведения на национальных языках. С точки зрения действительной литературной ценности этих вещей можно, пожалуй, подобное утверждение легко опровергнуть. Но, во всяком случае, эти полтора — два десятка эсперантских романов, если и не лучше, то, во всяком случае, и не хуже среднего достоинства обычной текущей литературы на любом языке. Тем не менее их значение в десять раз повышается, если мы примем во внимание, что эти эсперантские писатели выносят особо трудную и ответственную работу по созиданию совершенно нового литературного языка; их работа — черная работа, и, конечно, она в будущем будет оценена по достоинству.

Так или иначе оригинальная эсперантская литература растет и достигает все больших и больших завоеваний. Она имеет свой крут читателей, что доказывает хотя бы тот факт, что некоторые книги указанных выше авторов выходят уже повторными изданиями. Резко заметен рост и в других областях литературного творчества на эсперанто.

Еще в раннюю пору эсперантского движения выступила целая плеяда эсперантских поэтов. Если появление солидных эсперантских романов ознаменовало зрелость языка эсперанто, то молодая эсперантская поэзия воспела его юность. Еще сам основатель эсперантского движения Заменгоф явился автором целого ряда классических поэм, выразивших горячий энтузиазм первых пионеров языка, с громадным трудом преодолевших царившую вокруг них косность и инертность. Братство всех народов мира, общий язык, единое человечество, вселенская гармония — вот тема этих оригинальных произведений. В произведениях Заменгофа, да и других эсперантских поэтов, выявлялся известный пацифистско-идеалистический уклон, заключавшийся в утопической надежде на международный язык, как на нечто примиряющее, объединяющее всех людей без различия их национальной принадлежности, религиозных верований, социального положения и политических убе-

ждений. Эта переоценка значения нейтрального языка, как нейтральной базы для взаимного понимания и соглашения всех людей, сыграла большую роль в первый период эсперантского движения и не могла не отразиться в поэзии эсперанто.

К счастью, значительная часть первых пионеров эсперантской литературы преимущественно занималась переводами и лишь частично давала оригинальные вещи. В числе наиболее удачных произведений этого периода мы можем назвать стихи даровитого Грабовского, со своей «двухструнной лирой», энергично выступившего на защиту эсперантской поэзии и показавшего на ней действительно виртуозные возможности. Гольдбергом была написана поэма о Вавилонском столпотворении, смешении языков и новом воссоздании единого языка. Домбровский высокопарными словами проповедывал о всеобщем языке. Интересную фантазию о грядущей чудесной эсперантской стране написал Девятник, высказав в этом произведении ряд прямо-таки замечательных прозрений.

Позднее появились более реальные вещи. Любовными и нежными словами описал Станислав Шульгоф, рано умерший, но чрезвычайно талантливый эсперантский поэт, мечту об эсперанто, как об утопии. Душа его разорвалась между горячей любовью ко всему человечеству и домашним уютом, засосавшим поэта в своей тине. Космическую меланхолию, универсальную тоску раскрыли стихи Чеслава Козловского. Элегантные, музыкальные поэмы вылились из-под пера Эдмонда Прива, видного эсперантского оратора и литератора. Легкие, звонкие, чистые любовные стихи на эсперанто писал Дешкин. А в стихах Френкеля, не вполне гладких и несколько шероховатых, билось настоящее человеческое сердце. Сборник замечательных оригинальных басен дал Беля Манто.

Поэтические произведения всех этих, а также и многих других авторов всевозможных национальностей сделали очень много для развития эсперанто, как языка художественной литературы. И в настоящее время, после мировой войны, эсперантская литература вступила в период бурного развития. Появился целый ряд новых авторов: Баги, Калочай, Браун и др. Наконец, помимо общего «нейтрально-классического» направления эсперантской литературной мысли, группирующейся вокруг своих органов «Литературный Мир» (Будапешт), «Литература» (Лондон, «Эсперанто» (Женева), Центральное Эсп.-Издательство (Париж), Издательство «Хирт и Сын» (Лейпциг) и др., образовалось определенно революционное, пролетарское течение в области эсперантской литературы, закрепившееся вокруг «Новой Эпохи» (Москва) и Кооперативного Издательства «САТ» (Лейпциг).

Прекрасные, бодрые, революционные стихи пишет талантливый Евгений Михальский, в совершенстве владеющий музыкальной инструментовкой языка эсперанто. Автором интересных новелл, написанных в стиле импрессионизма и отражающих тяжелую клас-

совую борьбу, является юный, но многообещающий Генрих Септик. Не менее замечательным, но выступающим в юмористическом духе беллетристом оказывается Л. Ивн, показавший в ряде своих рассказов большую оживленность и близость к самой гуще революционного быта. Плохо владеет формой, но зато в малое пространство этой формы умеет вложить необычное богатство содержания, громадную глубину мысли Норберт Бартельмесс. Эсперанто в оригинальных произведениях этих авторов действительно выявляется как действительный революционный интернациональный язык, язык пролетариата, ибо никому, как именно пролетариату, интернациональный язык более всего нужен.

Скажем несколько слов о других областях литературы, кроме художественной. Характерно, что эсперанто, будучи изобретением научным и техническим, гораздо меньше проявил себя в области научной и технической литературы, нежели в области художественной литературы. Однако, и в этом отношении уже существуют на эсперанто не мало произведений. Особенно за последнее время эсперантская литература обогатилась рядом книг по различным научным и всевозможным политическим вопросам. Большой рост проявляет периодическая эсперантская пресса специального назначения: журналы профессиональные, медицинские, педагогические и др.

Так на наших глазах осуществляется величайшая революция в области человеческого языка. Старые реакционные буржуазные профессора с недоумением покачивают своими седыми головами. Утопия вчерашнего дня становится истиной завтрашнего. Сколько великих писателей в своих произведениях говорили о грядущем, всемирном языке. Герберт Уэльс, Жюль Верн, Лев Толстой, Фридрих Ницше в прошлом, а в настоящее время Ромэн Роллан, Анри Барбюсс, Эрнст Толлер, Максим Горький и мн. другие высказывали о международном языке и в частности об эсперанто самые восторженные мнения. Предвидя впереди еще не мало неожиданных во всех областях жизни достижений всемирного языка, мы закончим следующими словами Анри Барбюсса:

«Да будет мне дозволено сказать, что истинное рождение всемирного самосознания кладет свое начало с эсперантских литературных произведений. Обороты речи тесно связуются с оборотами мысли. При достигнутом теперь состоянии культуры и состоянии современной мысли мы не в состоянии уже отделить идею от ее выражения. Вот почему действительно глубокое сближение народов произойдет благодаря общему употреблению одного языка».

Н. В. Некрасов.

ЭСПЕРАНТО И ПЕЧАТЬ.

Мировая пресса, как правило, использует в настоящее время для своих потребностей в области международной связи три главных европейских языка: французский, английский и немецкий. Но уже сейчас в области международной связи появляется четвертый конкурент — пока еще количественно очень слабый и даже малозаметный — *вспомогательный международный язык эсперанто*. Однако, конечная победа зависит от качества, которое даст возможность выиграть и количество и время.

Посмотрим же, каков темп развития эсперантского движения в интересующей нас области.

Эсперанто появился недавно, всего лет около 40 тому назад. Первые практически осязательные шаги эсперанто начало делать только лет 20 тому назад. Вычеркнув годы мировой войны, на время почти убившие эсперантское движение, мы получим: эсперанто, как язык, практически применяемый, существует всего лет 15 — 20.

За этот короткий период язык сделал колоссальные успехи. Появилась собственная пресса. По данным Э. Дрезена,¹ в 1900 г. эсперантская пресса имела во всем мире только 3 журнала. В 1914 году по умеренному подсчету того же автора, отбросившего десятки незначительных бюллетеней, эсперантская пресса насчитывает уже 118 периодических органов. За 14 лет увеличение на 3.930%!¹ Такой же темп роста мы имеем и в отношении эсперантской литературы.

После войны рост сильно упавшей эсперантской прессы снова пошел вперед быстрыми шагами, но здесь мы имеем, в связи с переходом центра тяжести эсперантского движения от буржуазии к рабочему классу, движение не только вширь, но и вглубь: после войны эсперантская пресса количественно растет медленнее, но качественно она неизмеримо выше. Однако, на этом мы остановимся ниже.

¹ Э. Дрезен. «В поисках всеобщего языка». Изд. «Земля и Фабрика», 1925 г. М.

Итак, четвертый конкурент на службе у международной прессы, повторяем, еще мало замечен, но он обладает совершенно небывалыми качествами, между прочим, невероятным темпом развития.

Нужно отметить еще одно явление, ставящее международный язык в совершенно особую плоскость: международный язык распространяется все больше и больше среди мирового пролетариата. Это полностью обеспечивает эсперанто его будущность.

Международный язык имеет настолько достаточную практику, что нам нет нужды в дальнейшем изложении подходить к интересующему нас вопросу о международном языке и печати чисто теоретически. Мы исследуем уже имеющуюся практику в области обслуживания языком эсперанто печати (газетной и журнальной) и на основе наблюдающихся тенденций сделаем, в заключение, соответствующие выводы.

Опыт единственной в мире страны, где пролетарская пресса существует в вполне развернутом виде (т.е. соответствует всем потребностям и возможностям рабочего класса), опыт СССР показал, что пролетарская пресса находит свои особые пути, дающие ей, и только ей одной, возможность стать в невиданно близкие отношения к широчайшим массам трудящихся.

Старые методы организации обслуживания прессы при помощи специалистов журналистов здесь в целом совершенно непригодны. Пролетарская пресса нашего Союза впервые в широком размахе выявила новый тип массового обслуживания прессы, так называемое *рабкорство*.

Опыт развития рабкорства у нас в СССР, а затем и развитие рабкорства международного показал, что здесь мы имеем ту форму обслуживания пролетарской прессы, которая глубоко отлична от буржуазных методов организации ее, глубоко чужда этим методам и является тем ядрышком будущего, которое, развиваясь и вширь, и вглубь, будет характеризовать будущую мировую пролетарскую прессу.

Но развитие международного рабкорства во всем мире сразу же встретило огромное препятствие: различие языков и невероятная трудность их изучения для широких пролетарских масс. А между тем именно рабкорство, как таковое, и предполагает участие широких масс. Без масс, и масс широчайших, без «низов» не может и быть рабкорства.

Вот почему столь назревшая у нас и назревающая все больше и больше среди толщ мирового пролетариата потребность в естественном проявлении и выражении пролетарской интернациональной и вненациональной солидарности, вылившись в форму международного рабкорства, натолкнулась с самого же начала на трудности разрешения языковой проблемы.

В самом деле, вообразим, что обучение какого-нибудь из главных национальных языков поставлено на должную высоту.

Даже при этом условии, смогут ли достаточно широкие массы рабочих в ближайшее время изучить иностранный язык (так, конечно, чтобы владеть им)? И именно в ближайшее время, в ближайшие годы. Ведь массы не могут ждать (как им это рекомендуют противники полуискусственного международного языка) не только сотни лет, но даже десятилетия. Раз появилась порожденная центростремительными процессами мировой экономики потребность в международном языке, она требует выхода именно теперь же.

Жизнь уже нашла выход. И выход такой, который разрешил, или, вернее, сразу же разрубил вместе с целым рядом проблем, связанных с областью языковой связи, и проблему международного рабкорства.

Бурно развивающееся во всем мире после империалистической войны, а у нас после Октябрьской революции рабочее эсперантское движение именно в международном рабкорстве и нашло свое практическое выявление и выражение.

Но наиболее совершенное в наше время языковое орудие, полуискусственный вспомогательный международный язык, именно благодаря своему совершенству придал самому международному рабкорству более сложные и более дифференцированные формы, чем мы это наблюдали при использовании для этой цели бюро переводчиков.

Международное рабкорство при помощи вспомогательного международного языка выливается в ряд переходных форм от простой личной переписки до индивидуального рабкорства и в своем уже развитом виде тоже имеет несколько форм: индивидуальное рабкорство, коллективная переписка предприятий и кружков, обмен экспонатами для рабочих выставок, рабкорство посредством центрального рабкорского органа и т. д. Все формы тесно связаны между собою и быстро переходят одна в другую. Рассмотрим эти формы международного рабкорства в их развитии, начиная с личной переписки между рабочими.

Личная переписка является первой ступенью международного рабкорства. Ведется она наиболее широкими слоями рабочих эсперантистов буквально обо всем. В еженедельной рабочей газете «*Senpasiulo*» почти в каждом номере имеется отдел переписки, где желающие вступить в переписку за 25 коп. помещают свои адреса и вкратце желательные темы переписки. Перелистав несколько номеров газеты, мы видим следующие, напр., темы переписки (в случайном порядке): рабочее движение, коммунизм, профдвижение, технические вопросы своего производства, рабочий быт, положение, обычаи, просвещение рабочих, рабочий туризм, движение «свободомыслящих» (безбожников), женский вопрос и т. д. и т. д.

Личная переписка сама по себе не является рабкорством. Но она совершенно незаметно переходит в рабкорство, как только

переписывающийся начинает знакомить с письмами своих корреспондентов, окружающих его знакомых рабочих. А это всегда бывает. Ведь переписка с «заграницей» у нас еще чрезвычайно редкое дело. Полученные из-за границы письма читаются целыми группами рабочих. Начинается вскоре прочитывание и своих писем, отправляемых за границу.

Наконец, полученное письмо попадает в *стенгазету* предприятия. И, наконец, даже в местную газету. Международное рабкорство здесь уже налицо.

Переписывается наш начинающий рабкор сразу с несколькими лицами и сразу с несколькими странами. Это его, обычно, не очень затрудняет, так как свою информацию он, обычно, повторяет отчасти, а иногда и целиком, и поэтому по крайней мере половина работы превращается у него в простое переписывание.

Очень часто личная переписка или рабкорство выливаются в форму *обмена*. Обмениваются журналами, газетами, книгами, рисунками, различными экспонатами, даже вещами. Наиболее распространенный вид обмена — снабжение организуемой на предприятии корреспондента или в его клубе выставки соответствующими экспонатами, знакомящими в наглядной форме с положением рабочих в другой стране или у нас.

Личная переписка и ближайшие к ней виды международного рабкорства наиболее распространены среди рабочих эсперантистов всех стран. В СССР в нее втянута уже не одна тысяча человек.

Уже одна только возможность переписки со всеми странами мира является такой привлекательной вещью, что очень многие рабочие из-за этого только и начинают учить эсперанто. Переписку начинают обыкновенно (посылают первую открытку) уже на 2 — 3 уроке. Через месяц — два учащийся, обычно, бывает уже втянут в переписку.

Мы видели, как личная переписка и рабкорство переходят в *коллективную переписку*. Однако, коллективная переписка предприятий, клубов, кружков и т. д., обычно, с трудом разворачивается в длительную переписку (также как и переписка посредством центрального переводческого бюро — обычно всегда коллективная). Для этого она очень суха, если не сказать, официальна. Поэтому среди рабочих эсперантистов она очень часто ведется в виде той же личной переписки хорошо списавшихся между собою корреспондентов, пишущих от имени своей группы, регулярно знакомящих один другого с жизнью своего предприятия и помещающих полученные письма в своих стенных или местных газетах.

Одной из высших форм международного рабкорства является помещение корреспонденции в специальном международном рабковском органе, откуда ее могут уже перепечатать десятки (если не сотни) рабочих газет и журналов. Такова по своим задачам еженедельная эсперантская рабочая газета «*Sennaciulo*», дающая

в каждом номере большое число рабкоровских статей, писем и заметок.

По имеющимся статистическим данным, число пролетарских газет и журналов, использующих материал, даваемый «*Seppaciulo*», достигает (в 1925 г.) внушительной цифры 200. К сожалению, Советский Союз стоит в этом списке не на первом месте. Однако, число газет и журналов СССР, использующих рабкоровский материал «*Seppaciulo*», все же достигает нескольких десятков. Советских газет и журналов, сообщивших в редакцию «*Seppaciulo*» о помещении перепечаток из него, насчитывается за 1925 г. девятнадцать. Однако, это только часть, так как многие газеты и журналы, к сожалению, совсем не делают этого.

Приведем список вышеупомянутых 19 газет: «Путь Молодежи» (Ново-Николаев), «Коммунист» (Астрахань), «Тверская Правда» (Тверь), «Псковский Набат» (Псков), «Пролетарский Путь» (Ульяновск), «Наш путь» (Кременчуг), «Коммуна» (Самара), «Молодая Гвардия» (Благовещенск на Амуре), «Власть Труда» (Иркутск), «Наш Путь» (Вел. Луки), «Знамя Пионера» (Благовещенск на Ам.), «Молодой Пролетарий» (Киев), «Амурская Правда», «Савецкая Беларусь» (Минск), «Мартакош» (Тифлис), «Ларек» (Харьков), «Советская Сибирь» (Ново-Николаевск), «Красноармейская Правда», «Молодая Гвардия» (Одесса).

Почему международное рабкорство путем эсперанто, часто даже уже в то время, когда корреспонденция пишется заведомо для напечатания в газете, все еще продолжает носить форму личной переписки? Потому что рабочие не привыкли писать статьи для газет и журналов. Они чувствуют себя много проще и легче, переписываясь с отдельными лицами. Здесь их не стесняет сознание своей малограмотности или просто неопытности писать. Особенно это относится к рабочему Запада, который привык считать дело газетное делом спецов. Западному рабочему именно его, в общем, более культурный уровень, в сравнении с массой наших рабочих, отрезает (как это ни странно) пути к дерзновению написать и самому в газету. Целый ряд наших газет и журналов пытался вовлечь в рабкорство западных товарищей, и в большинстве случаев это удавалось делать, лишь начав с частной переписки. По тем же самым соображениям и использование рабкорских заметок в стенгазетах также развивается из личной переписки.

Иллюстрируем приведенное описание различных видов международного рабкорства несколькими примерами, взятыми из различных газет и журналов нашего Союза, расположив примеры в порядке развития рабкорства из частной переписки.

Одесская «Молодая Гвардия» (10 февраля 1925 г.) сообщает, как пионеры школы № 50 начали переписку с заграничными детьми. «Получены письма из Европейских стран, из Сев. и Южной Америки, ждут ответа из Японии и Китая. В письмах иностранные

товарищи прислали фотографии детских коммунистических групп, революционные песни всех стран на языке эсперанто». . . Переписка используется в стенных газетах и в «Молодой Гвардии». «Некоторые работы детей школы были доставлены на выставку в Испанию. Они вызвали интерес как своим исполнением, так и методами преподавания».

Таким образом из личной переписки детей возник ряд видов рабкорства: коллективная переписка, обмен экспонатами, писание для газеты.

Редакция «Молодого Пролетария» (Киев, 1 мая 1925 г.) помещает несколько писем своих эсперантских рабкоров. Любопытна присланная и напечатанная фотография с надписью: «Я работаю на шахте, вход в которую показывает эта карточка. Прошлою неделю здесь погибло 136 рабочих при взрыве в шахте «Мистер Штейн». Карл Гернер, Бир-Ассель, Германия». Редакция «Молодого Пролетария», выдвинув лозунг: «Рабкормолы Киевщины должны стать рабкорами КИМ'а», взяла на себя организацию в широком масштабе международной переписки и рабкорства комсомольцев.

Не отстает и красноармейская пресса: перед нами, напр., несколько номеров «Красноармейской Правды» (Смоленск). Вот «письмо бойцу 6 полка Чуракову из Норвегии»; пишет комсомолец о положении в норвежской армии. Вот письма от солдат французской и эстонской армий. Пишут все о том же: «мы, служа в буржуазных армиях, учимся держать винтовку, чтобы в нужную минуту вставить штык в глотку капиталистам». (Красноармейская Правда, 16 ноября 1925 года.)

Целый ряд корреспонденций-писем дают провинциальные газеты. Вот, например, любопытный образчик тех возможностей, которые открывает в области международного рабкорства эсперанто: «Тверская Правда» (14 авг. 1925 г.) дает корреспонденцию из Марокко с приложением трех фотографий, изображающих окопную жизнь. «Наш собственный корреспондент» французский солдат описывает положение в Марокко и настроение французской оккупационной армии. Внизу примечание редакции: «Да не подумает читатель, что «наш корреспондент» в Марокко сидит где-нибудь за одним из столов редакции. Нам в действительности, при помощи эсперанто и редакции одного из эсперантских журналов за границей, удалось связаться с товарищем — унтер-офицером французской службы, служащим в 1-м Иностранном полку в Марокко. От него мы получили уже вторую, сегодня помещаемую корреспонденцию, а также помещаемые сегодня фотографии».

Вот, астраханский «Коммунист», «Тверская Правда», Одесские «Известия» и др., дающие фейерверк корреспонденций из разных стран: Португалии, Германии, Чехо-Словакии, Франции, Австрии и др.

Этих примеров, мы думаем, достаточно, чтобы иметь некоторое представление о только-что начинающем разворачиваться у нас международном рабкорстве, вообще, и при помощи эсперанто в частности.

Хотя у нас, в СССР, практически используют международное рабкорство при помощи эсперанто, главным образом, провинциальные газеты, однако, в своей работе они не остаются без поддержки и важнейших центральных газет. Так, напр., «Известия ЦИК СССР» в статье от 13 авг. 1925 г. пишут: *«Использование его (международного языка эсперанто) для усиления солидарности, для облегчения общения между трудящимися разных стран — это та задача, к которой мы подходим, которую разрешить мы должны и которую мы разрешим»*. А вот что пишет орган ЦК КП (б) Украины «Коммунист» (Харьков) в статье от 5 мая 1925 года: *«Надо развивать и укреплять массовое международное рабкорство путем широкого использования для этой цели языка эсперанто, который должны изучать все рабкоры, благо язык легок и не отнимает много времени»*.

Если пресса газетная имеет чрезвычайно развитые аппараты международной связи, полностью или почти полностью использующие современную технику, вплоть до все более и более ширящегося применения в наиболее передовой пролетарской прессе, вспомогательного международного языка, то пресса журнальная в этом отношении отстала, по крайней мере, на десятки лет. Причины кроются как в самом характере журнальной прессы, так и в данных обслуживающего ее кадра людей. Если газеты являются сейчас достоянием широчайших масс, то журналы, за исключением массовых литературно-общественных, имеют читателя в известном отношении квалифицированного и специализированного. Кадры работников, обслуживающих журналы, являются лицами высокообразованными, включая, конечно, в их образовательный багаж и главные европейские языки. Поэтому при использовании международного материала здесь до сих пор еще прочно царят французский, немецкий и английский языки.

Однако, и в эту область начинают все больше и больше заглядывать и понемногу захватывать ее куртки низовых интеллигентов, от которых еще пахнет рабочим потом и маслом. И заглядывают не с тем, чтобы только поучаться, но и с тем, чтобы творить. Новые научные силы не столь хорошо вооружены знанием иностранных языков, как их избранные предшественники из буржуазного мира. А между тем строить науку, не стоя на уровне мировой науки, мировых достижений нельзя. Поэтому и тут возникает насущная потребность в вспомогательном международном языке.

Сейчас жадно рвутся к науке народы мелкие и народы цветные, колониальные. Русские ученые постоянно жалуются, что для того,

чтобы творения русских ученых стали известны миру, они должны быть написаны на одном из главных языков Европы, что очень редко бывает возможно. Благодаря этому для мировой науки погибло не мало гениальных произведений русских ученых. А что же говорить об ученых мелких европейских народов, или, наконец, об ученых таких стран, как Япония, Индия и Китай?

Таким образом, растущая все более и более демократизация науки насущно требует принятия вспомогательного международного языка. Того же требует рационализация и объединение мировой научной терминологии и, наконец, вообще научной работы. А проведение этого в жизнь, в первую голову, введет международный язык в практику работы журналов.

Обычно, сейчас научные журналы, желающие ознакомить мировую науку хотя бы с названием и назначением своего журнала, печатают на обложке свое название на одном из 3 главных языков (а иногда даже, невольно вспоминая счастливую старину, когда наука имела единый международный язык, — по-латыни). Изредка наиболее значительные журналы снабжены приложением краткого резюме или конспекта содержания номера на одном из упомянутых языков. Но этот паллиатив малого достигает и чрезвычайно односторонен.

Проникновение и постепенное принятие эсперанто в области журнальной прессы выражается, обычно, в следующих формах: 1) замена национального языка, или, по крайней мере, параллельное применение международного языка на титульной странице научного журнала, или книги; 2) приложение краткого резюме или конспекта содержания журнала или книги; 3) издание на международном языке центральных органов международных организаций — политических, научных, технических, профессиональных и др.

Из журналов СССР, дающих на эсперанто краткое содержание, нам известен один только «Радио-Любитель»... Однако, с января 1926 г. один из крупнейших в нашем Союзе педагогических журналов «Путь Просвещения» (Харьков) дает на эсперанто в виде отдельного приложения к каждому номеру специально для иностранных педагогов краткое изложение важнейших статей и материалов номера. Этот почин «Пути Просвещения», в прежние годы издававшего подобные конспекты-приложения на немецком и французском языках, вызван, с одной стороны, односторонним характером использования одного из национальных языков и большой стоимостью параллельного издания конспекта на нескольких языках, с другой — успешным распространением эсперанто за послевоенные годы среди революционных учителей. В Интернационале работников просвещения эсперанто является одним из наиболее применяемых практически языков в сношениях между представителями разных стран; кроме того, международный рабо-

чий педагогический журнал, издающийся на эсперанто, «Novaĵ Temporo» в течение нескольких лет своего издания объединил вокруг себя многочисленный круг революционного учительства.

Приложение к журналам резюме их содержания на эсперанто начинает сильно развиваться за границей. В этом отношении на первом месте стоит Япония, сильнее европейских стран чувствующая свою оторванность от мировой культуры, вследствие изолированности японского языка. Так, напр., по сообщению «Международного Языка» (№ 3, 1925 г.), «все японские медицинские журналы регулярно, за редким исключением, помещают на языке эсперанто краткое изложение содержания важнейших статей».

Несмотря на то, что движение в пользу международного языка еще очень молодо, на Западе уже начинаются попытки придать приложению к научным журналам эсперантских конспектов более организованный планомерный характер. Так, например, происходивший в Париже в октябре с. г. первый международный конгресс технической прессы, принявший эсперанто в качестве официального языка для своих конгрессов, рекомендовал помещение в технических журналах мира краткого изложения статей на эсперанто. Упомянутое уже нами применение эсперанто для этой же цели в журнале «Радио-Любитель» является следствием подобного же постановления последнего международного конгресса радио-любителей.

Применение эсперанто в качестве языка журналов, носящих международный характер, вытекает из самой сущности и назначения эсперанто. Поэтому обследование применения эсперанто в области издания на нем международной прессы, естественно, приводит нас к обозрению эсперантской прессы.

В начале статьи мы уже отметили бурный темп развития эсперантской прессы. После войны этот темп несколько замедлился, но все же он чрезвычайно велик. Так, по данным Э. Дрезена, в 1918 г. эсперантских журналов было около 35, а в 1923 г. — уже 76. По позднейшим данным Е. Ланти¹ в 1925 г. это число уже дошло до 105.

Чрезвычайно характерен сравнительно с довоенным послевоенный рост рабочей эсперантской печати (по Э. Дрезену): до войны — в 1905 г. — 1, в 1909 г. — 3, в 1914 г. — 7. После войны — в 1918 г. — 2, в 1923 г. — 15 и в 1925 г. (Е. Ланти) — 17.

Приведенные данные отмечают послевоенное увеличение темпа роста пролетарской прессы сравнительно с буржуазной. Однако, эта статистика еще недостаточно показательна для характеристики послевоенного роста пролетарского эсперантского движения. Это объясняется: 1) недостатком у пролетариев-эсперантистов денежных средств, что заставляет их не разбрасываться на издание большого количества разных журналов, а поддерживать существую-

¹ E. Lanty. «La langue internationale». Paris. 1905.

щие, обращая внимание преимущественно на их качество, и 2) значительным количеством классово-малосознательных пролетариев, все еще поддерживающих буржуазные эсперантские журналы и газеты.

Из пролетарских органов большое значение имеют еженедельная газета, орган международного рабкорства «*Sennaciulo*» и ежемесячный литературно-научно-педагогический журнал «*Sennacieca Revuo*». Это наиболее распространенные рабочие органы печати. Имеется несколько профессиональных журналов, например: «*Fervojisto*» (Железнодорожник), «*La Interligilo de P. T. T.*» (Связь Работников Почт и Телеграфа), «*Internacia Stenografisto*» и др.

Международное Бюро при Лиге Наций также издает свой орган на эсперанто «*Bulteno de la Internacia Laborista Oficejo*».

Из научных журналов, будущее которых, как интернациональных органов науки, чрезвычайно велико, отметим: «*Scienca Bulteno*» (Научный Бюллетень), «*Int. Medicina Revuo*» (Международное Медицинское Обозрение), «*Farmacio kaj Hemio*», «*Internacia Radio-Servo*» (Международная Радио-Служба), «*Liberpensulo*» (Свободомыслящий) — орган Интернационала Безбожников, педагогический журнал «*Novaj Tempoj*» (Новые времена) и др.

Имеется несколько специальных литературных журналов. Кроме уже упомянутого рабочего журнала «*Sennacieca Revuo*», отметим буржуазные: «*Literatura Mondo*», «*Literaturo*», «*Tra la literaturo*».

Эсперанто — живой язык, а поэтому он служит всевозможнейшим целям, как пролетариата, так и буржуазии. Вот несколько названий разных журналов, хорошо иллюстрирующих это положение: «*Laborista Movado*» («Рабочее Движение»), «*Laborista Sporto*», «*L'Antinacionalisto*», «*Esperantista Junularo*» («Эсперантское Юношество»), «*Internacia Komercio*», «*Vegetarano*» («Вегетарианец»), «*La Eklezia Revuo*» («Церковное обозрение»), «*Reklamo*», «*Policisto*» («Полицейский») и т. д. и т. д.

Разнообразие международных журналов, издающихся на эсперанто, вытекает из самой сущности международного языка. Конечно, эсперантская пресса, несмотря на очевидную практическую пользу, приносимую ею большому числу людей, еще не охватывает всех видов и сторон международной деятельности человечества; более того, она находится еще только в начальной стадии своего развития.

Все указанные журналы в своем настоящем состоянии являются конкретным выражением этой, все более и более растущей, потребности в международной прессе, обслуживающей всевозможные интересы человечества.

Кроме прессы, имеющей международный характер, на эсперанто издается еще несколько десятков журналов, посвященных попу-

лярно-научному освещению вопросов международного языка и пропаганде его. Этого рода журналы обычно издаются на национальных языках и эсперанто. По данным Е. Ланти такие журналы издаются в 25 странах.

Решительный откол эсперантского рабочего движения от буржуазного выразился в некоторых странах (Германия, Франция, Япония, Швеция, Норвегия) в издании пропагандных рабочих эсперантских журналов на ряду с буржуазными. В последние годы также быстро идет распространение эсперанго в странах внеевропейских и, что особенно показательно, в колониальных: ряд пропагандных журналов издается в таких странах, как Япония, Китай, Бразилия, Мексика, Персия, Египет, Палестина (Е. Ланти).

У нас в СССР издается на русском языке популярно-научный журнал «Международный Язык» с приложением журнала-самоучителя эсперанто.

В заключение отметим наблюдающиеся в послевоенное время основные тенденции развития прессы на вспомогательном международном языке. Это, 1) преобладающее развитие пролетарской прессы, 2) дальнейший охват эсперантской прессой различных сторон экономики, политики, науки, 3) в области прессы, посвященной вопросам международного языка, переход от агитации к научному освещению и изучению проблемы.

Решение проблемы вспомогательного международного языка является *величайшим техническим достижением* современности. Решение этой проблемы, совершающее революцию в области основного орудия человеческого общения — языка — сразу разрешает большое количество трудностей, с которыми сталкиваются в настоящее время экономика (в противоположность нарастающему единству экономики наблюдается огромная языковая разобщенность человечества) и наука (вынужденная преодолевать основные трудности — языковую разобщенность, бедность и логическую нестройность современных языков).

В области печати внедрение вспомогательного международного языка также совершает переворот, который коснется целого ряда сторон организации и содержания современной прессы. Так, принятие во всем мире международного языка, устраняющего языковые перегородки, ведет к созданию *подлинной мировой прессы*, охватывающей не только несколько избранных стран, но весь мир. Только одно это, не говоря уже об уничтожении массы переводческой и печатной работы, ведет к *огромному удешевлению* произведений печати.

Вследствие величайшей, мыслимой в наше время, легкости международного языка в сравнении с национальными языками, проникновение его в широчайшие массы трудящихся, как показал уже опыт с изучением эсперанто, происходит без всяких затруднений. Принятие вспомогательного международного языка ведет

к максимальному приближению печати к трудящимся массам всего мира, без различия национальностей.

Такова огромного масштаба техническая (здесь язык выступает в роли высшего орудия связи) революция, которую несет миру принятие вспомогательного международного языка.

Но даже, не забегая особенно далеко вперед, мы уже сейчас имеем возможность отметить, как этот язык, еще очень мало распространенный, находящийся только в самом начале своего развития, уже в эту зародышевую эпоху своего существования начинает служить делу более глубокого проникновения международной прессы в рабочие массы и расширению непосредственной международной связи между рядовыми рабочими разных стран.

Научная пресса помимо всех отмеченных преимуществ, даваемых международным языком, чрезвычайно много выигрывает и от внутренних качеств этого языка, так как он в десятки раз богаче, неизмеримо стройнее и логичнее и к тому же обладает изумительной гибкостью. Широкое развитие международной научной прессы на международном языке, начатки которой мы уже видели, завершит развитие единства мировой науки.

Международный язык уже сейчас, в эпоху только начала своего распространения, дает большие практические выгоды и преимущества для знающих и практически применяющих его. Мы же знаем, что все дающее миру экономию энергии, все технически ставящее человечество на высшую ступень неминуемо победит.

Е. Ф. Спиридович.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЯЗЫК — ОРУДИЕ БОРЬБЫ ЗА ЕДИНСТВО РАБОЧЕГО КЛАССА.

Международный язык вообще, и в частности эсперанто, как единственный международный язык, серьезно используемый на практике, — является продуктом капиталистического общества, достигшего известной степени международного переплетения. Во все предыдущие эпохи всемирный искусственный язык мог быть лишь игрушкой философов без практической ценности, так как число народов, принимавших участие в культурной жизни, не было значительным, а взаимоотношения между народами ограничивались относительно незначительным количеством лиц, принадлежавших большей частью к богатым классам, для которых усвоение нескольких иностранных языков было легким и едва-ли не шуточным занятием.

Но все большее и большее развитие всемирного капитализма создало новые условия: во-первых, возросло число народов, участвующих в международном разделении труда; во-вторых, развились сношения всякого рода — экономические, общественные, политические, культурные, личные — между нациями, живущими наиболее отдаленно друг от друга, но сближенными благодаря мощным техническим завоеваниям; в-третьих, увеличилось участие широких народных масс в международной жизни. Таким образом, количество языков, подлежащих изучению, беспрестанно множилось. Знание же иностранных языков в той же пропорции делалось все более необходимым для большего количества людей. Необходимость овладения иностранными языками становилась ощутительной и для слоев народа, не имеющих времени и денег для столь длительных и дорогих занятий. Из этого противоречия необходимо было найти выход. Развитие капитализма поставило вопрос — и языковедение, основательно усовершенствованное в эпоху капитализма, принесло подходящее разрешение. Международный язык совершил эволюцию от утопии к науке. Возник эсперанто.

Объективно, эсперанто является, таким образом, продуктом капиталистической мировой экономики, выявившей необходимость

международного языка и возможность его осуществления. Силой же, вызвавшей рост его на этой благодатной почве, была идеология международного пацифизма, которая играла в период зарождения и развития капиталистического общества важную и заметную роль. Революционной энергией разбивая оковы феодального хозяйства, государства и идеологии, нарождающаяся буржуазия объявила международную солидарность одним из своих священнейших принципов. Извлекая свое преуспеяние из мирного международного обмена всяких товаров, капитализм прошлого века защищал не только свободу торговли против монополий и протекционных пошлин, но равным образом также пацифизм против воинственной, империалистической политики.

Так эсперанто родился под пацифистским флагом, будучи, по убеждению и желанию своего основателя и первых своих пионеров, сильнейшим средством для умиротворения человечества, разъединенного большими «стенами тысячелетий». Действительно, в первую эпоху существования эсперанто, большинство его тогдашних приверженцев пришло к нему вследствие своих пацифистских, интернационалистических чувств; и именно таким образом в ранний период эсперантского движения сложилась идеология так наз. «эсперантизма», сложился культ — «внутренней идеи» эсперанто, который хотел сделать из этого языка универсальную панацею от всех зол, вообще, якобы единственно действенное средство умиротворения народов.

Волшебные феи утопической страны сопровождали первые шаги только-что родившегося дитяти и волеяли его в мире прекрасных иллюзий: эсперанто превращали в великого мессию современности, предназначенного для осуществления того, что другой мессия две тысячи лет тому назад не смог исполнить. Эсперанто должен был привести к примирению не только народы, но также религии и классы, изгнать из мира всякую вражду — национальную, религиозную и даже социальную. Каждая нация имеет свою страну, но пацифистский народец эсперантистов, рассеянный по всей земле, хотел тоже иметь свой собственный угол, рай вечного мира, над всеми нациями благодаря эсперанто. И точно так же, как мессия древнего времени, заявлял, что его царство не принадлежит к этому миру, современные мессии под зеленой звездой построили свою «Эсперантию» над облаками, на горделивой высоте, онисходительно смеясь над человеческим несовершенством, от которого они сами, владельцы всемогущей панацеи, уже не страдали. Витая в воздухе, они не прикасались ногами к твердой почве реальных фактов.

Долгий тридцатилетний путь должен был быть пройден от того времени и до сегодняшнего пролетарского эсперантского движения.

Зарождаясь, эсперанто имел уже мелкобуржуазную классовую идеологию, но все же не классовое тело. Вся его мощь заключа-

лась в нескольких первоначально изданных, небольших скромного вида книжках. За исключением группки усердных пионеров, никто не говорил на нем, никто на нем не писал, никто им не пользовался. Но работа этого «прилежного товарищества» увеличила число сторонников эсперанто. Со времени начала двадцатого столетия и, главным образом, со времени начала ряда международных конгрессов эсперантистов, язык все более и более проникал в различные социальные слои. Он оставил свой надоблачный рай и воплотился в живую реальность социальных фактов. Язык эсперанто начали применять фабриканты и лавочники, коммерсанты и лица умственного труда, крупные и мелкие буржуа, а мало-помалу и рабочие тоже примкнули к возрастающему числу эсперантистов.

Но все еще покров общей идеологии «эсперантизма», прикрывал разнородные интересы различных общественных классов, сотрудничавших под одним флагом эсперантского движения. Быстро и без особого труда преодолевались случайные антагонизмы, проявлявшиеся изредка в приглушенной и затуманенной форме. В этих малых конфликтах, как бы только украдкой намечавшихся, основное классовое противоречие капиталистической эпохи — между буржуазией и пролетариатом — определялось только в очень неясном виде.

Относительная численная слабость рабочих эсперантистов в этом первом периоде была причиной того, что классовые инстинкты проснулись, «классовая идеология» восторжествовала над эсперантскими иллюзиями сперва на буржуазном полюсе. Антагонизм выявился вначале не между пролетариями и капиталистами, не между социалистической и буржуазной идеологиями, но между определенными крупно-буржуазными шовинистическими тенденциями, с одной стороны, и мелко-буржуазным пацифистским идеалом эсперантизма, с другой. Под аплодисменты значительного большинства делегатов, сам основатель языка эсперанто д-р. Заменгоф на 2-м всемирном съезде эсперантистов в Женеве в 1906 году выступил против аргументации тех делегатов, которые предлагали лишить эсперанто и эсперантское движение его «внутренней идеи» и которые хотели сделать эсперанто бездушным орудием исключительно для достижения ограниченных, специальных целей. В этой борьбе немногочисленные рабочие эсперантисты естественно были на стороне пацифистского фронта совместно с мелко-буржуазными элементами против капиталистических утилитаристов. Таким образом, классовый антагонизм был с самого начала затуманен, и весь вопрос был поставлен на ложную основу.

Когда же возникли, наконец, в последние годы перед мировой войной первые признаки жизни независимого пролетарского эсперантского движения, когда была основана «Звезда Освобождения» и другие революционные и классовые эсперантские организации,

когда отдельные рабочие эсперантисты начали действовать согласно своему классовому сознанию, — в это время уже все пролетарское эсперантское движение было окутано пацифистским туманом «эсперантизма», туманом «внутренней идеи» и убеждения, что эсперанто освободит мир и даже осуществит социализм. Подобно тому, как при своих первых политических выступлениях пролетариат боролся под руководством, под идеологическим влиянием и на службе демократической буржуазии, точно так же при своем первом выступлении в эсперантском движении рабочие прикрывались чужими, мелко-буржуазными, идеалистическо-пацифистскими идеями.

Эта группировка сил в эсперантском движении яснее всего проявилась во время мировой войны и непосредственно вслед за нею. С первого момента империалистической бойни многие эсперантисты решительно стали усерднейшими сторонниками войны. Некоторые из них даже пропагандировали при помощи эсперанто шовинистические идеи! Первые громы орудий рассеяли во все стороны нежно взлелеянные иллюзии «внутренней идеи» и «эсперантизма». Остались на сцене лишь усмехающиеся утилитаристы — националисты, для которых эсперанто был лишь орудием для достижения их определенно классовой цели: приобретения прибыли и завоевания стран.

Кучки «идейных» эсперантистов противников войны, — рабочие и группа мелко-буржуазных интеллигентов, — тщетно пытались под зеленым знаменем «внутренней идеи» отразить и отеснить шовинистических эсперантистов. Но рабочие в этой борьбе не нашли еще своей собственной идеологии, они продолжали бороться под флагом и влиянием чуждого им класса, противопоставляя идеалистическое, утопическое миросозерцание прямолинейной утилитарности шовинистов, сумевших сделать даже эсперанто орудием их прибыльного национализма.

Только после окончания войны, когда обострение всех социальных противоречий, революционный период и продолжительная углубленная классовая борьба несколько прояснили мозг рабочих, только тогда пролетарское эсперантское движение смогло окончательно осуществить свою организационную независимость, к которой до войны оно безуспешно стремилось.

Обманчивый туман рассеялся, и обнаружились реальные противоречия современности. Эсперантисты пролетарии, в конце-концов, осознали, насколько обманчива теория, согласно которой эсперанто якобы сам собою, посредством особой чудесной силы, в нем заключающейся, может освободить человечество. Рабочие эсперантисты, в конце-концов, признали, насколько правы были те утилитарные буржуа, которые с самого начала считали эсперанто только орудием для достижения своих классовых целей. Эсперанто перестал витать в далекой стране Утопии или Эсперантии.

Эсперанто стал живой реальностью, средством взаимопонимания, служащим всем людям и всем классам, которые вполне естественно используют его в самых разнообразных целях. И рабочие эсперантисты признали вполне естественным факт использования языка эсперанто буржуазией в шовинистических целях, а клерикалами — в реакционных. Рабочие эсперантисты решили, что не приходится жаловаться и горевать о потерянной рае всемирной гармонии и «единодушия» и что, вместо старых фраз о всечеловеческой любви и «внутренней идее», против буржуазной утилитарности пролетариат должен противопоставить свою собственную пролетарскую утилитарность.

Подобно тому, как империализм разорвал буржуазное общество на три лагеря: воинственную и империалистическую буржуазию — с одной стороны, революционный пролетариат — с другой стороны, и, проливающую слезы из-за кровопролития, пацифистскую мелкую буржуазию — посередине; точно так же и эсперантское движение разделилось на буржуазных утилитаристов на правом крыле, пролетарских утилитаристов на левом крыле, одинаково признающих эсперанто исключительно орудием для достижения классовых целей, и на приверженцев эсперантизма, пребывающих в отчаянии и проливающих слезы о погибающих иллюзиях — посередине.

Итак, пролетарское эсперантское движение выделилось и стало самостоятельным. Буржуазные эсперантисты открыто заявили: «Нам не нужно ни внутренней идеи, ни эсперантизма, ни какого-либо пацифизма: для нас эсперанто является просто полезным средством, которое помогает нам сберечь деньги для корреспонденции и прочих международных сношений, прибыльных для нас, и который поможет полиции действовать в международном масштабе против проклятых революционеров». Пацифистски настроенные мелкие буржуа плакали: «Не будем грешить против святого духа нашего трижды святого дела! Эсперанто полюбнет и рассыпется в прах, если вы измените его внутренней пацифистской идее! О, прекратите ваши пагубные деяния и оставайтесь пацифистами!» И против этих двух воззрений, из коих первое контр-революционно, а второе импотентно, пролетарские эсперантисты в 1921 году на учредительном съезде своего всемирного союза (*Senmuciesca Asocio Tutmonda*) в Праге объявили: «Так как наши классовые враги открыто отбросили пацифистскую маску и так как они используют эсперанто для своих классовых интересов, мы, эсперантисты-пролетарии, должны использовать наш язык для наших классовых целей, а не для какой-то пацифистской иллюзии. Для нас эсперанто должен быть одним из наших орудий в нашей борьбе против капитализма и за пролетарскую революцию!».

После этого рабочее эсперантское движение окончательно вступило на свой собственный путь, с собственной организацией, соб-

ственной идеологией, собственным классовым сознанием и собственными целями. Оно стало частью общего рабочего движения. Эсперанто проник в рабочее движение. И, обратно, пролетарский дух, пролетарская идеология, пролетарская воля все более и более проникали в эсперантскую литературу, прессу, языковедение и т. д., так что в настоящее время пролетарское эсперантское движение является высшей интеллектуальной силой и важнейшим инициативным и направляющим фактором в эсперантском движении вообще.

Таким образом возникают два вопроса, очень важных для эсперантского пролетарского движения: какое значение имеет эсперанто для рабочего движения? Какое значение имеет рабочее движение для эсперанто?

Мы уже указали, что эсперанто является продуктом капиталистического общества, продуктом сложных международных отношений, созданных капиталистическим мировым хозяйством, и что международный язык стал практически осуществимым лишь на известной ступени культурного развития. Эти условия победы эсперанто теперь стоят под угрозой самого капитализма. Готовятся империалистические войны, возвещающие разрушение всей современной цивилизации, разрыв отношений и связей, соединяющих все народы. В руках класса, являющегося первым и главным фактором империалистической политики, класса, исключительно пользующегося выгодами этой политики, эсперанто может лишь играть роль своего собственного могильщика. Будучи используем для национальных целей, для поддержки империалистической пропаганды, для националистских эксцессов, эсперанто сам разрушает основу своего существования: интернациональность эсперанто может восторжествовать лишь как оружие класса, интересы которого имеют целью теснейшее сближение всех народов; устранение империалистических войн, развитие, а не уничтожение, материальных и идейных культурных достижений современности. Торжество эсперанто, следовательно, тесно связано с торжеством рабочего класса и пролетарской революции. Перефразируя выражение Плеханова, можно сказать, что эсперанто победит в пролетарском, социалистическом обществе, или же совсем не победит.

Но, разумеется, не только пролетарская революция необходима для эсперанто, но и эсперанто был бы полезной помощью рабочему классу в его борьбе за завоевание государственной власти. Более, чем какой-либо другой общественный класс, рабочий класс заинтересован в международной связи и в международном согласовании своих классовых выступлений. Стоит ли долго распространяться о трудностях, проистекающих из-за различия языков, именно для пролетарского движения? Сколько времени и средств теряется на переводы во время международных рабочих съездов! Сколько выдающихся сил, способных для пропагандной, агитационной или иной самостоятельной работы, неэкономно растрачивается

на одни только переводы! А когда рабочие делегации прибывают в страну Советов, то они лишь при помощи переводчиков могут разговаривать со своими советскими братьями, будучи неспособны непосредственно выражать свои и воспринимать ответные чувства и мысли. Прямая связь от рабочего к рабочему, от фабрики к фабрике через границы стран — эта связь, более чем что-либо иное может облизить пролетариев всех наций и вырвать последнюю искру националистического образа мыслей из их душ, но эта прямая связь уже теперь страдает и останется навеки неосуществленной вследствие отсутствия общего языка.

Между тем использование языка эсперанто при первых попытках организации подобной связи уже дало весьма успешные результаты. Там, где иные должны были ограничить свои сношения с иностранными собратьями трогательными немymi объятиями и разговорами при помощи переводов, — «разговорами, точно на костылях», — в подобных случаях эсперантисты без затруднения могли объясняться между собою и, почти играя, преодолевать упорные языковые преграды, китайской стеной окружившие и разъединившие их братьев по труду.

До тех пор, пока пролетарии разных стран не станут понимать друг друга, лишь их собственная нужда, собственная борьба и собственные страдания будут напоминать об аналогичной борьбе иностранных товарищей. Растущее же распространение языка эсперанто создает среди них личные взаимоотношения, все более и более тесные, так что объективно существующий общий классовый интерес будет еще более усилен тысячьо других, субъективных факторов. Пусть посылают их в траншеи — они не пойдут. Пусть рассказывают им, что по ту сторону границы живут варвары, достойные глубочайшего отвращения, заслуживающие смерти и наказания, пусть рассказывают им всевозможные шовинистические враки — они не поверят, так как по собственному опыту они уже будут знать, что это неправда! Интернационализирующая, антимилитаристическая сила, «внутренняя идея», которую мелко-буржуазные пацифисты тщетно пытались придать эсперанго, делается реальностью, когда эсперанто является орудием в руках всемирного рабочего класса, когда он действует в качестве добавочного вспомогательного средства на прочном фундаменте величайшего, всемирно-исторического движения революционного пролетариата.

Таким образом, историческая диалектика допускает, что эсперанто все же будет содействовать достижению цели, которую ему наметили его первые мелко-буржуазные поборники: освобождения человечества от ужасного бича войн. Конечно, он не осуществит вечного мира именно так, как этого желали эсперантисты-утописты: посредством какой-то таинственной силы, именуемой эсперантизмом и внутренней идеей; но он будет содействовать борьбе за прогресс человечества, будучи орудием на службе пролетариата,

единственного класса в нынешнем обществе, который способен разрешить эту гигантскую проблему и чей острый меч разрежет гордиев узел всех капиталистических противоречий.

Вслед за своим первым появлением в утопическом тумане пацифизма, вслед за своим постепенным вхождением в живую реальность социальных фактов, эсперанто в настоящее время все более и более становится орудием действия, осуществления, борьбы, — оружием всемирного рабочего класса в борьбе за интернациональное единство, за общую борьбу всех пролетариев против грозного врага: империализма и империалистической войны.

Люсьен Рево.

ДВИЖЕНИЕ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЯЗЫК.

История международного языка захватывает ряд столетий, в течение которых человеческая мысль, в лице таких своих представителей, как Лейбниц и Декарт, уделяла значительное внимание вопросам создания международного языка.

На всем протяжении этих столетий, начиная с 1629 г., когда Декарт намечал первые вехи построения всеобщего языка, и кончая 1925 г., когда наш академик Н. Марр настойчиво продолжает ставить перед наукой этот же самый вопрос, на всем этом протяжении мы видим работу отдельных представителей человеческой мысли, отдельных крупных умов над попытками создания искусственного языка. История этих попыток богата проявлениями глубины человеческой мысли и изобретательности человеческого разума, но все же она остается историей замкнутой кабинетной работы отдельных индивидуумов.

Этой истории попыток мы противопоставляем историю движения за международный язык, при чем это движение, как и всякое другое, мы называем движением только с того момента, когда в нем появляются первые признаки массового характера, когда идея, подхваченная массами, воплощается в реальном движении.

Несомненно, движение за международный язык могло появиться только тогда, когда развитие техники, сопровождаемое соответствующими изменениями экономической, а вслед за ней и политической жизни, преодолевая пространство и раздвигая жизнь за пределы границ каждой страны, породило соответствующую потребность в таком языке.

Если предпосылкой для возникновения международного языка является фактическая потребность в нем, то основным содержанием движения может быть только реально существующая система языка. Основным же условием жизнеспособности и непрерывного развития движения за этот язык является соответствие языка и соответствие форм движения за него существующим экономическим и политическим формам человеческого общежития.

История движения за международный язык как нельзя лучше подтверждает эти теоретические положения.

Первой вспышкой движения за международный язык явилось волапукистское движение, быстро расцветшее и почти также быстро угасшее.

Возникнув вскоре после появления волапука (1878 г.) это движение своим быстрым расцветом показало выросшую и уже проявляющуюся наружу потребность в средстве международного общения.

Но будучи построено на иерархических началах с государственными правами своего автора — католического священника Шлейера, — будучи связано с искусственной структурой волапука и, таким образом, будучи оторвано и от живых языков, и от политическо-экономической жизни Европы, уходившей быстрыми шагами от феодального иерархизма к капиталистическому парламентаризму, — волапукистское движение не могло дальше развиваться и, начиная с момента своего наивысшего расцвета в 1889 году, быстро угасает, оставляя к 1900 году только полторы сотни своих приверженцев на всем земном шаре.

Эсперанто появился в годы наивысшего расцвета волапука. 1887 годом пометила царская цензура вышедшую в Варшаве первую книжку д-ра Заментафа, содержащую грамматику эсперанто и основной словарь его. Казалось бы, в ту пору блеска волапука новый язык должен был обречь себя на определенный неуспех. Но вместо этого мы наблюдаем нарастание движения как раз вокруг эсперанто и твердый рост сторонников его, зачастую даже за счет сторонников волапука.

Так, уже в декабре 1888 года одно из крупнейших волапукистских обществ — Нюрнбергское — переходит, вслед за своим руководителем Эйнштейном, от волапука к эсперанто. Вслед за этим, в сентябре 1889 года, по инициативе того же общества возникает и первый эсперантский журнал «La Esperantisto». А вышедший в октябре того же года первый адресник лиц, изучивших эсперанто, насчитывал уже 1000 эсперантистов, располагавших 31 учебником эсперанто, книжками на нем и об нем на разных языках. Это — в 1889 году, на второй год существования эсперанто, в год кульминационного волапука.

И если причиной угасания волапука была его оторванность от живых языков, если причиной замирания волапукистского движения были отсталость и несоответствие его форм системе и формам современного ему общества, то причину первоначальных успехов эсперанто мы прежде всего должны искать именно в соответствии эсперанто и форм эсперантского движения степени развития человеческого общества в его целом.

Это как нельзя лучше подтверждает эпизод с лингвистической комиссией Американского Философского Общества (Филадельфия). Избранная им в октябре 1887 года комиссия для «изучения научной ценности волапука», не будучи знакома с только-что вышед-

шей книжкой Заменгофа, осудила волапюк и установила ряд принципов построения международного языка, более или менее сходных с теми принципами, на которых Заменгоф построил свой, опубликованный несколькими месяцами раньше, язык. Получив же первую брошюрку Заменгофа, комиссия определенно высказывается, что эсперанто воплощает те принципы, к которым комиссия подошла теоретически.

В противовес Шлейеру, объявившему себя единственным законодателем языка, как бы самодержцем его, д-р Заменгоф с первых же шагов отказывается от авторских преимуществ и привилегий, заявляет себя «только инициатором, а не творцом» языка, представляя своему детищу «жить, расти и развиваться, следуя тем же самым законам, на основе которых выработались все живые языки».

Опубликованные Заменгофом грамматика из 16 правил и словарь из 900 корней и были в действительности только толчком к дальнейшей коллективной творческой работе над языком, приведшей к современному нам эсперанто с его сохранившейся простотой и легкостью первых 16 грамматических правил, но расцветшему, благодаря принципам своего словообразования, своей внутренней языковой технике, до богатства и выразительности живых языков.

Эта творческая работа над языком могла быть коллективной только потому, что она неразрывно была и остается тесно связанной с применением языка определенным массовым коллективом. И это сочетание работы над языком с его применением, творчество языка в процессе практического применения его, проходит через всю историю эсперантского движения, обуславливая жизнеспособность и жизнеспособность самого эсперанто.

Правда, сам Заменгоф, сознавая значение применения языка в деле его развития, не учитывал или не вполне учитывал, что это применение имеет не меньшее значение и для распространения языка. Поставив эпиграфом своего первого учебника скромный постулат — «Чтобы язык был всеобщим, недостаточно назвать его таковым», он наивно думал добиться всеобщего признания языка посредством своего рода плебисцита — в конце своей брошюры он дает читателю для подписания текст обязательства изучить язык в том случае, если будет доказано, что десять миллионов людей дадут такое же письменное обязательство. Но Заменгоф не успел собрать и первой тысячи этих обещаний, когда язык уже вступил в полосу практического применения; на втором году существования эсперанто начинается литературное применение его, — появляются в переводе А. Грабовского «Мятеж» Пушкина и «Братья» Гете.

Заменгоф считал, что основной движущей силой эсперантского движения является не практическое применение его, а некоторая

внутренняя идея, идея умиротворения человечества через языковое взаимопонимание. Но само движение перерастает рамки этой идеалистичности и, как движение за международный язык, все больше и больше переходит на рельсы всестороннего практического применения языка.

Этот процесс перехода движения от идеализма к практицизму позволяет нам разбить историю эсперантского движения на три отдельных периода: первоначальный период, когда работа первых эсперантистов сводилась по существу к осведомлению окружающих об эсперанто и когда, несомненно, первых пионеров языка связывал их, еще не оформленный, идеализм; последующий период — наружное оформление идеализма, организационный рост движения и только-только пробивающийся практицизм; и, наконец, третий период, — восходящий до наших дней — период несомненного перевеса практицизма над идеализмом.

Каждый из этих периодов носит свои характерные черты. Первому периоду присущи элементы романтизма, когда первым пионерам языка приходилось работать в действительно трудных условиях. Возникающие уже с 1889 года эсперантские группы и общества еще не связаны между собой организационно, движение мечется в поисках материальных средств как для издания учебников языка, так и для поддержания издания журналов. Идет первоначальное накопление сил, и, естественно, язык собирает вокруг себя наиболее идеалистические элементы, готовые жертвовать всем за распространение языка в те годы, когда практическая ценность его в силу слабой степени распространенности еще очень и очень невелика.

Первые образующиеся крупные организации даже принимают названия, характерные для этого периода — Французское Общество пропаганды эсперанто (1899 г.), Испанское Общество пропаганды эсперанто (1903 г.). Самое направление работы выражается в таких актах, как представление докладов о международном языке Французской Академии Наук (Э. Навиллем в 1899 г., Себэром в 1901 г.), т.-е. направление работы характеризуется именно осведомлением окружающих об языке.

Этот первоначальный период заканчивается 1905 г., когда в Булони (Франция) собирается первый международный конгресс эсперантистов, насчитывающий 800 участников. Этот конгресс дает толчок широкому организационному оформлению движения. Как следствие его, возникают одна за другой национальные эсперантские ассоциации: Британская и Бельгийская (1905 г.), Германская и Шведская (1906 г.), Бразильская, Польская и Румынская (1907 г.), Венгерская и Датская (1908 г.) и т. д. Появление этих ассоциаций в свою очередь усиливает рост отдельных эсперантских групп и обществ, плечет за собой и рост эсперантской прессы. Насколько мощным оказался толчок, данный движению

Булоньским конгрессом, показывают цифры роста эсперантского движения: число местных групп и организаций с 308 в 1905 г. выросло до 1447 в 1909 году, число журналов за те же годы увеличилось почти втрое (с 36 до 91), а количество эсперантских изданий — более чем в шесть раз (с 211 до 1330).

В свою очередь и сами конгрессы, происходящие начиная с 1905 года ежегодно в различных странах Европы и в Америке, непрерывно растут по числу участников: второй конгресс в Женеве собирает уже 1200 участников, третий (в Кембридже) — 1324, четвертый (в Дрездене) — 1500, а седьмой (в Антверпене) — 2107, при чем на этот конгресс 14 государств делегировали своих официальных правительственных представителей.

Движение широко разрасталось, крепло и ширилось вплоть до 1914 года — начала мировой войны. Это был период интенсивного роста движения в ширину. И с началом этого периода движения (1905 г.), с началом его роста начинается и наружное оформление идеализма его. Первоначальный романтизм, присущий трудному первому периоду, в силу укрепления движения должен был потерять свое значение и свою роль. На втором международном конгрессе (1906 г.) оформляется так называемая внутренняя идея эсперантизма, по своему характеру мелко-буржуазная идея спокойного умиротворения народов и мирного изжития национальной и классовой вражды. Идея эта становится преобладающей, ее проводят везде и всюду официальные руководители движения, она начинает неразрывно связываться с самими языком.

На первый взгляд это кажется странным. В самом деле, почему этот романтический идеализм оформляется именно тогда, когда надобность в самом романтизме в силу укрепления движения уже миновала?

Но это кажется только на первый взгляд. По существу же иначе дело и не могло обстоять. Поскольку первый период осведомления о языке достиг определенных результатов, поскольку стали общеизвестными легкость и доступность языка, поскольку стало очевидным, что благодаря своей легкости язык может стать достоянием широких масс, а, следовательно, и революционизирующим орудием единения именно широких трудовых масс, которым он наиболее нужен, для которых он имеет наибольшую притягательную силу, — постольку для буржуазно-капиталистического общества являлось необходимым парализовать это революционизирующее значение языка приклеивкой к нему туманной пацифистской идеологии.

Эта приклейка в 1906 году стала уже настоятельной необходимостью для буржуазного общества, так как еще в 1903 г. начинается образование рабочих и революционных эсперантских групп и организаций, так как в 1906 г. начал выходить революционный эсперантский журнал «Международное Социальное Обо-

зрение», и так как в апреле того же года эсперанто рекомендуется Испанским конгрессом социалистической молодежи, а во время самого второго конгресса эсперантистов заседает его фракция «Красных Эсперантистов».

Нет, буржуазия не могла не приклеить этой пацифистской идеологии к эсперанто!

И хотя, буржуазные руководители движения начинают уже отлично понимать, что ценность международного языка, конечно, не в этой туманной идеологии, а в практическом применении языка, и хотя они уже делают первые шаги в этом направлении, все же они вынуждены даже неестественным образом приклеивать эту идеологию и там, где дело идет о чисто утилитарной стороне языка.

Основываемая в 1908 г. «Универсальная Эсперанто-Ассоциация», имеющая своей целью именно организовать практическое применение языка в международной торговле и в туризме включает в свой устав пункт о воспитании в своих членах, «без различия расы, национальности, религии и языка» (заметьте, как обходится молчанием различие классовое!), «понимания и уважения к чужим народам».

Этот пункт буквально образом приклеен к уставу, детально предусматривающему только и исключительно организацию практического применения языка. Этот пункт нужен только как сеть для улавливания рабочих-эсперантистов и для их обработки в духе мелко-буржуазного пацифизма. Он должен привлекать рабочих-эсперантистов в единую эсперантскую «нейтральную» организацию, так как, конечно, для рабочего эсперантиста торговое и туристское использование языка, — основная цель организации, — имеют нулевое значение.

А между тем практическое значение языка начинает быстро выявляться с первых же шагов Универсальной Эсперанто-Ассоциации. Число консулов ее растет с каждым годом, захватывая к 1914 году 1288 крупных городов и населенных местностей по всему земному шару, а количество практических услуг, оказанных этим консульским аппаратом, еще в 1912 году достигло 11 296 при движении деловой корреспонденции в количестве 66 637 писем.

Практическое значение языка быстро оценивается и начинается возникновение эсперантских организаций по принципу профессиональности, как международные лиги: почтовых чиновников (1911 г.), учителей (1911 г.), врачей, ученых и т. д. А вслед за этим — как новое предохранительное средство от непрерывно растущего в эсперантском движении революционного лагеря — появляются черные приспешники буржуазного мира: Церковная эсперантская лига (1913 г.), Христианская эсперантская лига (1913 г.), Международное католическое объединение эсперантистов и т. д.

Их появление — несомненный признак того, что движение выросло и расширилось до той степени, когда оно неминуемо отразит в себе состояние человеческого общества, когда оно неизбежно пойдет по пути того же классового расслоения, которое пережило человеческое общество, — это расслоение уже не в силах сдерживать никакие теории нейтрализма и пацифизма.

Вспыхивает война 1914 года. Еще не замолкли на устах буржуазных руководителей движения разговоры о братстве народов, о их примирении посредством эсперанто, а уже германские эсперантисты опешат выпустить на эсперанто «Белую книгу» своего правительства и еженедельный информационный бюллетень о германских военных успехах с самым откровенным проявлением зоологического шовинизма и раздувания национальной вражды.

Это было торжеством практицизма, утилитаризма над идеализмом в движении. Маска нейтрализма поневоле была сброшена буржуазной частью эсперантского движения. Начало третьему периоду движения было заложено.

И как только замолкли последние выстрелы мировой бойни и не успели еще высохнуть чернила на подписях Версальского трактата как уже начинается широкая волна практического применения эсперанто: международные ярмарки в Падуе (Италия) и Франкфурте на Майне начинают в 1919 году успешно применять эсперанто для своей международной рекламы и деловой международной переписки. Вслед за ними по тому же пути идут ярмарки в Бордо, Лионе (Франция), Бреслау, Лейпциге, Данциге (Германия), Вене (Австрия), Рейхенберге и Праге (Чехо-Словакия), Барселоне и в Валенсии (Испания), в Милане (Италия), Будапеште (Венгрия), Мальме (Швеция) и др. Применение эсперанто этими ярмарками достигает достаточно крупных размеров: одна только Франкфуртская ярмарка за период с октября 1919 г. по октябрь 1922 г. выпустила на эсперанто 15 различных проспектов и изданий с тиражом от одной до восемнадцати тысяч экземпляров каждый, а в общей сложности 107 000 экземпляров. Не менее показательны и результаты применения — уже первый проспект этой ярмарки вызвал появление осенью 1919 г. 35 газетных заметок на 9 языках, а количество заметок, переведенных с эсперанто, о весенней ярмарке 1921 г. достигает уже 188 на 23 языках. Также быстро растет переписка ярмарочного комитета на эсперанто, достигая к осенней ярмарке 1920 г. 1650 писем, обмененных с 37 странами. В международной деловой корреспонденции другой ярмарки — Рейхенбергской — эсперанто занимает уже четвертое место. Не отстают и отдельные торговые и промышленные фирмы, также начинающие все шире и шире применять эсперанто в своей международной корреспонденции. Среди этих фирм имеются такие всемирно известные, как Бюро Путешествий КУК и С-н (Англия). И здесь успех и пригодность языка выявляются со всей очевид-

ностью — фирма Mouchel & Partners Ltd. (Англия) сообщает следующий интересный пример использования языка: известный германский инженер прислал фирме рукописи своей брошюры о новом изобретенном им математическом инструменте. Хотя он позаботился дать эти рукописи и на английском, и на французском языках, однако, его познания в этих языках были недостаточны, и фирма довольно долгое время билась над некоторыми пунктами рукописей, пока не получила от автора эсперантского перевода. «Последний тотчас сделал ясным для нас все пункты брошюры», которых мы не могли понять ни по английской, ни по французской рукописям — заключает фирма.

Неудивительно, поэтому, что применение эсперанто в международной торговле непрерывно растет и что даже такие крупные фирмы, как германская фирма Рудольф Моссе (Издат. «Berliner Tageblatt») выпускает в 1925 году свой многотомный «Адресник промышленности и ремесл» с текстом на эсперанто в ряду 6 других национальных языков. А торговая палата Парижа редактирует свои официальные документы параллельно на эсперанто и на французском языке.

Торговая и промышленная буржуазия крепко ухватилась за эсперанто, стремясь использовать его на службе у себя.

Рост техники создает все большую и большую нужду в международном языке. Народившаяся и быстро расцветшая радио-телефония стала лицом к лицу с потребностью в международном языке, ибо без такого языка ее технические возможности охватить весь мир парализуются разноязычием земного шара. Да даже и в меньшем масштабе радио порой бессильно без международного языка. Характерный пример этому приводит в № 4 (октябрь 1924 г.) московский журнал «Радио-Любитель»: от проекта постройки радио-вещательной станции в Дельфи (Индия) пришлось отказаться; так как радио-станция эта должна была обслуживать область, население которой говорит на 170 различных языках!

Вполне понятно поэтому, что одна за другой европейские и американские радио-станции не только начинают уделять время для передач на эсперанто, но и по собственной инициативе начинают преподавание эсперанто по радио-телефону. Иногда они даже конкурируют на первенство открытия радио-курсов эсперанто, как это имело место весной 1925 г. в Париже между станциями Высшей школы почтово-телеграфного ведомства и фирмы Радио-Париж. Не отстают и радио-журналы, печатающие на своих страницах сначала курсы эсперанто, а затем и технические статьи на нем.

Этот практицизм не могли не учесть руководители буржуазного эсперантского движения, и за последние годы на наших глазах происходит характерное изменение направления их работы. Ежегодные «нейтральные» конгрессы эсперантистов продолжают, собирая свыше 400 участников (15-й конгресс в Нюрнберге), но

роль их чрезвычайно умалывается и сводится почти что только к упражнениям в «эсперанто-фокстротах» (слово «эсперанто» начинает применяться уже в целях рекламы не только танцев, но и всякого рода прочей европейской продукции, начиная от бритвенных ножей и кончая парфюмерией и спиртными изделиями). Параллельно с этими конгрессами ежегодно созываются деловые конференции по вопросам применения эсперанто в различных областях жизни. Вслед за международной педагогической конференцией по введению эсперанто в школы (Женева, 1922 г.) созывается в апреле 1923 г. в Венеции международная конференция по применению эсперанто в торговле и туризме. Она собирает свыше 200 представителей от 27 стран всех пяти континентов (среди них представители 8 министерств, 21 ярмарки, 87 торговых палат и 52 банковских, промышленных и проч. объединений). Характерно, что все дебаты на этой конференции ведутся на эсперанто. В результате трехдневного обсуждения вопроса конференция принимает резолюцию, рекомендующую введение эсперанто в коммерческие учебные заведения и предлагающую торговым палатам всемерно содействовать распространению эсперанто.

О «внутренней идее» эсперанто на этой конференции не было сказано ни слова. Здесь царил другой «внутренний дух» — делегат торговой палаты Бухареста заявил на последнем заседании конференции, что в течении ее делегаты успешно организовали летучую товарную биржу и таким образом «смогли получить путем немедленного применения эсперанто выгоду не только для человечества, но также и для своих собственных дел».

Наконец, в 1925 г. в Париже созывается конференция по применению эсперанто в науке и технике, в которой принимают участие представители 190 научных организаций.

Параллельно с этим идет принятие эсперанто рядом международных организаций и конгрессов. XI-я международная конференция Красного Креста (Женева 1921 г.), рекомендовала организациям Красного Креста ввести обучение своего персонала языку эсперанто. В 1922 году начинает применять эсперанто Международное Бюро Труда при Лиге Наций, постепенно расширяющее степень применения языка вплоть до выпуска на эсперанто регулярного информационного бюллетеня. Отметим, что и в отношении к эсперанто это Бюро Труда выявило свою социальную природу: во всей работе по использованию эсперанто оно держит связь исключительно с буржуазным крылом эсперантского движения.

В 1924 году применение и распространение эсперанто рекомендует Международная Техническая Радио-конференция в Женеве; в 1905 году — 1-й Международный Съезд Радио-Любителей в Париже, 1-й Международный конгресс технической прессы, Международный Радиологический Конгресс в Лондоне, 3-й Между-

народный Конгресс воздухоплавания в Брюсселе. И, наконец, в октябре 1925 г. эсперанто признается ясным языком для международного телеграфирования на Международной Телеграфной Конференции в Париже, а почти одновременно с этим Наркомпочтель СССР выпускает с официальным текстом на эсперанто почтовые марки (по поводу 30-летия изобретения радио инженером Поповым) и бланки открытых писем для международной корреспонденции.

Эти достижения и успехи эсперанто вне самого эсперантского движения, характеризующиеся также научно-медицинскими докладами на эсперанто китайских и японских ученых на VI конгрессе Дальневосточной Ассоциации Тропической медицины в Токио (сентябрь 1925 г.), обуславливаются, конечно, как свойствами самого языка, так и его распространенностью. Если эсперантские общества и организации существуют даже в Африке с прилежащими к ней островами — Мадагаскар, Мадерой и Канарскими, в далекой Океании, то в таких европейских странах, как Германия, распространение эсперанто характеризуется рядом весьма значительных цифр. Количество распроданных немецких учебников эсперанто превышает 750 000, что привлекает к эсперанто внимание крупных издательских фирм, как Хирт и Сын в Лейпциге, организовавшей даже специальный эсперантский отдел, или Изд-ва «Berliner Tageblatt», выпускающей с 1924 года еженедельное эсперантское приложение к своей распространенной газете. Статистика Германского Государственного Института Эсперанто, располагающего сетью из 30 экзаменационных комиссий, показывает, что 5% саксонских учителей владеет эсперанто и ведет преподавание его в 119 народных школах Саксонии. Почти все радио-станции Германии ведут преподавание эсперанто по радио-телефону. На эсперантских курсах организованных местными клубами и обществами в Германии за последние годы свыше 40 000 человек обучались эсперанто.

Меньшая по числу населения Англия сумела, однако, поглотить свыше 650 000 учебников эсперанто, введя также преподавание эсперанто в 37 народных школах. Целый ряд английских фирм широко использует эсперанто как в своей корреспонденции, так и в рекламе.

Воздержимся от приведения других данных распространения эсперанто, так как только один простой перечень их занял бы значительное число страниц. Отметим только, что едва ли не больше распространен эсперанто в странах Азии, особенно в Японии. Если в Китае, Корее, Индии эсперантское движение еще может брать пример с европейского, то у Японии уже есть чему поучиться и европейским эсперантистам. Картограмма распространения эсперанто в Японии, приведенная в ежегоднике Японской Эсперантской Ассоциации за 1924 г., показывает, что плотность «эсперантского населения» в Японии значительно выше, чем

в наиболее культурных европейских странах. Особенно прогрессирует эсперанто в научно-медицинских кругах Японии. Достаточно указать, что в 1925 г. ряд японских профессоров опубликовал на эсперанто в научных японских журналах 11 научных работ, в общей сложности обнимающих около 150 страниц, а японские медицинские журналы регулярно печатают на эсперанто резюме своих статей.

И при всех этих успехах эсперанто мы не можем не отметить отрицательного отношения к эсперанто в буржуазно-политических кругах Европы. Французский министр народного просвещения Берард в 1922 г. специальным циркуляром запрещает преподавание эсперанто во французских школах. Лига Наций, несмотря на усиленные хлопоты руководителей буржуазного эсперантского движения осперегается дать свою визу на введение эсперанто в школы. В Румынии запрещается преподавание эсперанто в Институте слепых. В Болгарии и в Юго-Славии эсперантисты зачастую преследуются вплоть до заключения в тюрьмы.

В чем же дело? Почему же буржуазия, с одной стороны, принимает горячее участие в практическом применении эсперанто в интересах и выгодах «человечества и самих себя», содействует даже распространению эсперанто в целях расширения коммерческих выгод радио-телефонии, а, с другой стороны, проявляет себя рядом актов, ставящих всевозможные преграды распространению эсперанто?

Разгадка проста. Перед нами одно из противоречий капиталистической системы. Для развития индустриализма буржуазии необходимо развитие техники и поднятие квалификации, а параллельно и культурного уровня рабочих. С другой же стороны, это самое развитие техники и повышение культурного уровня рабочего, как вооружающее и усиливающее рабочий класс, вредно для буржуазии в области политической. Подобно этому и в отношении эсперанто применение его для собственных целей буржуазии ей необходимо, а широкое распространение его в рабочих слоях вредно в силу того, что эсперанто ведет к росту взаимопонимания рабочих разных стран, к росту объединяющих тенденций среди всемирного рабочего класса.

Буржуазия, пожиная выгоды и барыши от использования эсперанто, не может спокойно смотреть, как в свою очередь и рабочие используют практически эсперанто для своих классовых целей. Отсюда, повторяем, и создание «внутренней идеи» эсперанто, предназначенной для затуманивания и одурачивания рабочих эсперантистов, отсюда и преследование рабочего эсперантского движения, отсюда и боязнь введения эсперанто в школы при все растущей необходимости в таковом.

Уже раньше мы отмечали зарождение первых рабочих и революционных эсперантских организаций. К 1914 г. существовали уже

крупные организации национального масштаба, как Нидерландская, Германская, Чешская. К указанным организациям во время войны еще прибавилась Британская, а после войны — Шведская, Норвежская, Северо-Американская, Финляндская и Венгерская. Одновременно с этим ростом рабочего эсперантского движения намечается и уклон его от целей исключительной пропаганды эсперанто и переход к революционному применению языка.

Основанное в 1910 г. Международное Эсперантское Революционное Общество «Освободительная звезда» ставит основной своей задачей «бороться при помощи эсперанто с милитаризмом, религией, всякими догматами и предрассудками для окончательной победы над капиталистическим классом и быть посредником между не-эсперантскими рабочими организациями в качестве переводчика для их корреспонденции». Общество это привлекает внимание и царской охранки в России, предписавшей циркуляром от 10 августа 1912 г. за № 104953 по Особому Отделу Департамента Полиции усиленное наблюдение за эсперантистами, работающими в духе этой организации. Характерно, что охранка содержала даже специальных агентов по слежке за эсперантистами, о чем свидетельствует донесение начальника жандармского управления Московско-Архангельской жел. дор. от 27 сентября 1912 г. за № 744, которым полковник Касаткин сообщает Департаменту Полиции о ценной для охранки деятельности некоего Татаренкова, указавшего ей ряд лиц, деятельно занимающихся пропагандой эсперанто в духе «Освободительной Звезды».

При этом достопочтенный полковник просит разрешения выплачивать Татаренкову ежемесячное вознаграждение, так как «в виду большого количества доставляемых Татаренковым сведений, находит убыточным платить ему поштучно»...

В 1913 году Орловское Губернское Жандармское Управление отмечает, что члены местной группы РС-ДРП озабочены созданием кружка эсперантистов. Все эти факты, почерпнутые из архива б. охранки, показывают, что даже в условиях царского режима России возникали революционные эсперантские ячейки.

Мировая война не могла не отразиться задерживающим образом на росте рабочего эсперантского движения, но она же помогла рабочим эсперантистам понять сущность буржуазного «нейтрализма», подлинное содержание и истинную ценность буржуазно-эсперантской идеологии. И уже в 1919 году возникает рабочий эсперантский журнал «Laborista Esperantisto» (Рабочий Эсперантист), в первом же своем номере публикующий декларацию, в которой рабочие эсперантисты заявляют, что они «в первую очередь социалисты и синдикалисты и только во вторую очередь — эсперантисты». Этим заявлением был подчеркнут намечающийся перевес классового характера рабочего эсперантского движения. Журнал этот на своих страницах начинает твердую кампанию за пол-

ное отделение рабочего эсперантского движения от «нейтрально»-буржуазного, проводя эту кампанию под лозунгом «Долой нейтрализм».

Журнал продельывает значительную работу по международному объединению рабочих эсперантистов и приводит к созданию рабочей фракции на XIII Универсальном эсперантском конгрессе в Праге, в 1921 г. Фракция эта оформляется в отдельный, одно-временно протекающий съезд рабочих эсперантистов под почетным председательством Анри Барбюса. На этом съезде кладется начало организации Всемирной Рабочей Эсперантской Ассоциации единого фронта под названием «Sennacieca Asocio Tutmonda» (SAT).

То, что только смутно намечалось в уставе «Освободительной Звезды» 1910 г., — вошло в августе 1921 года уже с полной отчетливостью в устав SAT, первый пункт которого говорит о задаче организации «использовать эсперанто в классовых целях всемирного пролетариата».

Начинается хотя медленный, но неуклонный рост этой организации, насчитывающей в настоящее время своих представителей уже в 769 городах 40 различных стран земного шара, в том числе в Китае, Японии и африканских колониях. Растет издаваемый организацией журнал, начинающий с 1924 г. выходить еженедельно и обслуживающий при помощи рабочих-эсперантистов в роли переводчиков также и не-эсперантскую рабочую прессу. С 1923 г. SAT основывает кооперативное рабоче-эсперантское издательство, выпустившее на Эсперанто ряд книг революционного характера, как «Коммунистический Манифест», «Документы Коммунизма» и др.; в том же году SAT начинает выпускать рабочий эсперантский литературно-научный ежемесячник.

Свое главное внимание SAT обращает на организацию практической службы эсперанто классовой борьбе пролетариата. Вся работа SAT пропитана практицизмом; SAT отказывается от работы по пропаганде эсперанто, оставляя за собою только работу по организации революционного использования языка.

И эта работа SAT дает ценнейшие результаты: в 1924 году III Конгресс Красного Спортинтерна, а также ЦК МОПР принимают практические услуги SAT, осуществляемые при помощи эсперанто и сети рабочих эсперантских ячеек. SAT оказывает поддержку, предоставляет убежище революционным борцам, укрывающимся в центрально-европейских странах от фашистского террора Италии, Юго-Славии и Венгрии. Во время своих конгрессов SAT организует интернациональные митинги, используя для этой цели съехавшихся на конгрессе товарищей из разных стран. SAT налаживает при помощи эсперанто широкую коллективную переписку между фабрично-заводскими и партийными рабочими коллективами разных стран. Получаемые этим путем письма широко

публикуются в рабочей прессе. Одним словом, широко организуется практическое служение эсперанто рабочему классу в его революционной борьбе.

Этой своей работой SAT привлекает внимание капиталистических правительств и в результате: — членский билет SAT в Венгрии, Юго-Славии, Польше угрожает владельцу его тюрьмой, журналы SAT запрещены в Венгрии и Румынии и распространяются там только подпольно. То и дело в органе SAT мелькают такие заметки, как «Миланская группа просит ничего не посылать по ее прежнему адресу, так как помещение группы захвачено фашистами» или «Нам запретили преподавать эсперанто в помещениях просветительных организаций; много наших членов заключено в тюрьмы», как сообщает корреспондент из Сплита (Юго-Славия). А на острове Гавайи, заброшенном посреди Тихого океана, два американских солдата, — Тремпбелль и Крауч приговорены один к 40, а другой к 26 годам каторги за организацию эсперантского кружка среди солдат и попытку связать этот кружок при помощи эсперанто с Коминтерном.

Но, несмотря на все это, использование эсперанто в рабочих кружках все растет: эстонский профсоюз транспортников, вступая в Международное Объединение Транспортников, всю переписку по вступлению ведет исключительно на эсперанто и в дальнейшем сносится с Международным Объединением только на эсперанто. Такая же переписка ведется этим Объединением и с Турцией. Когда летом 1925 г. начался поток массовых рабочих делегаций из Западной Европы в Советский Союз, — члены делегаций — эсперантисты широко применили эсперанто. Они обслуживались эсперантистами на всей территории СССР, и, по собственному признанию членов делегаций, делегаты владеющие эсперанто получили больше пользы от своей поездки нежели остальные. Непосредственная связь, установленная при посещении СССР, сохранилась и после отъезда на свою «родину» — в советских газетах то и дело печатаются письма делегатов эсперантистов об их дальнейшей работе в своей стране. В своих письмах им приходится сообщать, что по возвращении они не могут получить работы, что «обвинение в подкупе нас большевиками — это самое легкое из всех», как пишет социал-демократ жел. дор. рабочий Бенневиц, работающий по возвращении в Германию в так называемом «Русском Комитете» по созданию профсоюзного единства. Ответные письма из Советского Союза служат этим делегатам-эсперантистам моральной поддержкой в их нелегкой работе.

Благодаря этому рабочие начинают все больше и больше оценивать пользу эсперанто. Эстонский съезд Печатников в 1924 г. требует введения эсперанто в народные школы взамен преподавания закона божия. В сентябре 1925 г. Конгресс Испанской Национальной Федерации Металлистов принимает резолюцию, которая

ставит ~~не~~пременным условием для членов Центрального Комитета Федерации знание эсперанто и требует посылки на международные съезды только тех рабочих, которые владеют эсперанто. Целый ряд профессиональных рабочих организаций ведет на страницах своих органов курсы эсперанто, широко пропагандирует его. Весной 1925 г. ряд «крупных профсоюзных и политических деятелей Англии во главе с коммунистом Саклатлавой опубликовывает манифест в пользу эсперанто. Конгресс английских трэд-юнионов в Скарборо, заложивший твердый камень в деле установления международного профсоюзного единства, принимает 10 сентября 1925 г. резолюцию, предлагающую своему Генеральному Совету принять эсперанто в качестве официального языка для международных сношений и настаивать, чтобы эсперанто был включен в учебную программу каждой просветительной организации, опекаемой трэд-юнионами.

Лозунг «Долой нейтрализм» выполнил свою задачу. Создаваемая в течение ряда лет буржуазными эсперантистами, специально для улавливания рабочих в свои пацифистские сети, «внутренняя идея» не достигла своей цели. Рабочий твердо взял эсперанто в свои руки не как игрушку, не как мыльный пузырь пацифистских иллюзий, а как одно из мощных орудий своей классовой борьбы.

Эсперантское движение, сделавшись социальным фактором, не могло не отразить в себе состояния всей общественной жизни. Будучи частью этой жизни, органически связанное с ней эсперантское движение не могло не расслониться по классовому принципу. И в 1925 году каждый эсперантист может быть только по одну — ту или другую — сторону баррикад. Никакого среднего положения не существует, вместе с тем фактически уже не существует и особь эсперантской идеологии. Существуют только: буржуазное эсперантское движение, стремящееся поставить эсперанто на службу буржуазии, и рабочее эсперантское движение, уже поставившее эсперанто на службу революционного пролетариата.

Г. Демидюк.

ДВИЖЕНИЕ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЯЗЫК В СССР.

Первый учебник эсперанто появился в России на русском языке. В России же эсперанто нашел и большинство своих первых пионеров. Уже в июне 1889 г. в эсперантском журнале «La Esperantisto», единственном в то время, появляются сведения об организации кружка эсперантистов в Москве, а в 1892 году основывается эсперантское общество «Эсперо» в Петербурге. Да и сам журнал «La Esperantisto» существовал преимущественно на притоки подписок из России: русские эсперантисты составляли 75% всего числа подписчиков. В 1895 году, когда царская цензура из-за напечатанной в «La Esperantisto» статьи Л. Толстого «Вера и разум» запретила распространение журнала в России, он через несколько месяцев вынужден был прекратить свое существование.

Кто же, из какой среды были эти первые пионеры эсперанто в России, в стране с чрезвычайно низким *общим* уровнем культуры?

Буржуазии и помещикам для их международных сношений, совершенно не затрагивающих более или менее широкие массы, было достаточно знания некоторых иностранных языков. Рабочий класс и передовики-интеллигенты все силы обращали на основное: на революционную борьбу. Изучение эсперанто, в то время еще очень слабо распространенного и, следовательно, не могшего сразу же принести практическую пользу, лишь отвлекало бы их от главного, на что надо было обратить все силы и средства.

В то же время огромная группа разночинной интеллигенции, мелко-буржуазная по своему житейскому укладу, также немилосердно давимая царским режимом, была настроена пацифистски, толстовски, искала выхода в «царстве христове на земле». Этот слой интеллигенции увидел в эсперанто панацею от всех зол жизни: достаточно пропагандировать эсперанто, он распространится между всеми народами, и тогда люди перестанут быть злыми, поймут, что они братья и т. д. Сам Заменгоф, уроженец царской России, не был чужд, особенно в последние годы своей деятельности, такого же идеалистического взгляда на эсперанто и выразил это в своей

теории о «внутренней идее» эсперантизма. Здесь сказался интеллигент царской России. «Внутренняя идея» Заменгофа нашла своих приверженцев, главным образом, также в царской России.

Такова была в общих и главных чертах физиономия довоенного русского эсперантизма. Идеалистически-пацифистский характер довоенного российского эсперантского движения, главным образом, и влиял отталкивающе на наших революционеров, которые, вследствие полного незнакомства с действительной сущностью эсперанто и эсперантского движения, зачастую переносили свою борьбу с пацифистски мыслящей интеллигенцией на самый язык эсперанто.

Не мешает отметить, однако, и крупную положительную работу, произведенную российскими эсперантистами до войны и имевшую мировое значение. Могучее влияние на развитие эсперанто, как живого языка, оказала работа российских эсперантистов, давших огромное количество переводов с русского, украинского, еврейского и других языков народов царской России на эсперанто (переведены и изданы главные произведения всех классиков) и целый ряд оригинальных произведений, написанных на эсперанто (главным образом, беллетристика и стихи). Подобная работа в то время нигде в мире столь широкого размаха не принимала и имела поэтому для эсперантского движения мировое значение.

Гнет царского режима в довоенной России наложил свой отпечаток и на организационные формы эсперантского движения. В противовес Западу, где уже с 1898 года начали возникать эсперантские организации национального масштаба, в России все попытки создать общероссийскую эсперантскую организацию оканчивались неуспехом. Очень недолгое время существовала только «Российская лига эсперантистов», имевшая свои отделения в ряде городов и закрытая распоряжением министра внутренних дел в августе 1911 г.

Да и трудно было в условиях того времени организационно оформить движение. Порою немислимо было даже созвать обычное городское собрание эсперантистов: на прошении эсперантистов г. Ростова н/Д. о разрешении созвать собрание (март 1909 г.) местный прадоначальник наложил довольно лаконическую резолюцию: «по поводу эсперантистов и подобных обществ написано министру и до получения ответа подождать собираться эсперантистам» («Волна эсперанто», № 3, 1910 г.). Коротко и ясно: подождать!

Руководящим центром движения поэтому является не общероссийская организация, а издававшийся в Москве с 1909 г. до конца войны эсперантский журнал «Волна эсперанто». Давая подробную хронику эсперантского движения, предоставляя на своих страницах возможность обмениваться опытом работы, журнал сплачивал вокруг себя не только изолированных эсперанти-

стов, но и отдельные эсперантские общества, возникавшие после ряда хлопот и трудностей в различных городах страны.

Не лучше обстояло дело и с созывом всероссийских съездов эсперантистов. В 1910 г. петербургские эсперантисты с трудом добиваются разрешения на созыв первого всероссийского съезда. Разрешение дается только после того, когда организаторами съезда был дан ряд обещаний по поводу благонадежности съезда. Разрешение на созыв второго всероссийского съезда эсперантистов (Киев, 1913 г.) сопровождается следующей характерной надписью директора департамента полиции Белецкого: «Чтобы за заседаниями означенного съезда было установлено местной администрацией строгое наблюдение» (надпись департамента полиции от 6-го июня 1913 г. за № 16434).

За эсперантским движением ведется неустанное наблюдение, выясняется связь его с революционным движением и с заграничными революционными эсперантскими организациями. В деле № 102 особого отдела департамента полиции за 1913 г. имеется даже сообщение чиновника особых поручений в Париже Красильникова о собирании им сведений, касающихся революционной эсперантской организации «Освободительная звезда» (или, как она называется в документах охраны — «Звезда — Свобода»).

Несмотря на общий буржуазно-пацифистский характер эсперантского движения в довоенной России, все же то там, то здесь проявляются признаки, зародыши, рабочего движения. В 1910 году в Харбине организуется небольшая группа рабочих эсперантистов при главных железнодорожных мастерских («Internacia Socia Revuo», № 6, 1910 г.); по сообщению «Волны эсперанто» (№ 2, 1910 г.) во владивостокской тюрьме среди политических заключенных работает эсперантский кружок; в революционном эсперантском журнале «Int. Socia Revuo» (Париж) уже в 1910 и 1911 гг. печатается ряд корреспонденций русских эсперантистов, скрывающихся под различными псевдонимами.

Но, конечно, это только зародыши. В общем и целом довоенное эсперантское движение в России оставалось буржуазно-пацифистским с некоторым, постепенно растущим, уклоном в сторону практического использования языка в деловых сношениях коммерческого порядка.

Как и в Западной Европе, в довоенном российском эсперантском движении сказываются противоречия капиталистического строя. С одной стороны, идет слежка за движением, организации его ставятся рогатки, а, с другой стороны, торгово-промышленная буржуазия не прочь и оказать содействие языку, поскольку он практически пригоден ей: министерство торговли и промышленности делегирует в 1911 г. своего официального представителя на всемирный конгресс эсперантистов и издает отчет своего делегата о работах конгресса.

Революция коренным образом изменила картину эсперантского движения в России. Кадры эсперантистов, столь характерных для старой России — пацифистов и толстовцев — глубоко разочаровались в своем пацифизме во время империалистической войны и, особенно, во время войны гражданской. Их детские представления об эсперанто, как орудии осуществления их иллюзий, в обстановке войны выявили себя до конца.

В то же время революционно и пролетарски мыслящие эсперантисты с первых же дней революции (особенно с момента Октябрьской революции) поднимают головы, создают свои организации, стремясь к достижению международных целей нашей революции, и призывают массы трудящихся к использованию эсперанто для связи с международным пролетариатом. Здесь международный язык выдвигается уже только в качестве орудия мысли и общения между людьми, как и всякий иной язык. В руках революционных эсперантистов движение начинает очищаться от наносных «внутренних идей», и эсперанто становится в их руках только средством, а отнюдь не самодовлеющей целью. Само собою разумеется, что организационные формы эсперантского движения за время революции претерпевают всяческие изменения и, конечно, не сразу приобретают тот устойчивый вид, какой мы наблюдаем сейчас.

Первые годы революции, прошедшие в напряженной гражданской войне, менее всего, казалось бы, располагали к мирным занятиям эсперанто. Жестокая блокада отрезала нас от всего мира. Практика массовых сношений с мировым пролетариатом была еще впереди. Однако, именно в эти тяжелые годы мы имеем большой подъем эсперантского движения. Причины этого подъема лучше всего были выражены т. В. Керженцевым, который еще в январе 1919 г. писал в «Известиях ВЦИК» (14) I — 19 г. № 8) следующее:

«Первая в мире Социалистическая Республика имеет все основания для того, чтобы поставить на очередь дня вопрос о международном языке и приступить практически к его разрешению: она не только может, но и должна во имя идеалов, проповедуемых ею и движущих ее, взять на себя инициативу в практическом разрешении вопроса о международном языке, обратившись к другим народам с призывом последовать в этом вопросе за нею».

Этот призыв, не осуществленный тогда вследствие практической неподготовленности нашей и мирового пролетариата, явился ярким выражением огромного подъема у нас в эти годы (1918 — 1921 гг.) эсперантского движения. Эсперантские организации начинают быстро расти. Они встречают поддержку местных органов Советской власти. При местных отделах народного образования создаются эсперантские секции. При Наркомпросе работает специальная комиссия по введению эсперанто в школах, останавливающаяся на допущении эсперанто в качестве факультативного предмета. В 1920 г. при Главполитпросвете УССР организуется

эсперанто-секция, ставящая своей задачей всемерное распространение среди трудящихся Украины знания эсперанто и его практического применения. В 1921 г. группа членов Дальневосточного учредительного собрания вносит предложение собранию ввести в основные законы Дальневосточной Республики статьи о преподавании эсперанто в школах. Всероссийский съезд профсоюза Работников Связи принимает эсперанто официальным языком для международных сношений. Другой союз — Работников Искусств — включает в свой устав пункт об эсперанто, как своем официальном международном языке.

Период бурного роста эсперантского движения за первые годы революции выразился в издании в разных местах России целого ряда эсперантских журналов и бюллетеней. Так, в Кронштадте издавались «*Esperantista Movado*», «*Agitanto*», в Петрограде — «*Cirkuleraĵ Informoj*», в Саратове — «*Libera Torento*» в Нижнем-Новгороде — «*Rugha Esperantisto*» и ряд бюллетеней в других городах.

Однако, этот быстрый рост движения был только ростом вирирь. Одновременного укрепления движения не происходило. Оно могло крепнуть только на практическом использовании языка в деле международного объединения пролетариата. Возможности же такого практического использования языка в эти годы гражданской войны и блокады не было. Вполне естественно, поэтому, что с началом новой экономической политики, когда государство прекращает субсидировать местные эсперантские организации и когда еще не открылись возможности практически использовать язык, движение ослабевает, оставляя только отдельные ячейки.

В силу жизненности языка и несомненной потребности в нем, это ослабление движения продолжается, однако, недолго. Конец гражданской войны, конец блокады, возможность установления непосредственной связи с западными рабочими вновь создают предпосылки для развития движения. И оно снова начинает шириться и, главное, крепнуть, собственными силами, без чьих-либо материальных субсидий, становится на твердые ноги.

Пройдя через ряд попыток организационного оформления (Союзы и Бюро эсперантистов-социалистов в 1917 и 1918 гг., Всероссийская федерация эсперантистов, и т. д.) — движение принимает в 1921 г. твердые организационные формы на третьем всероссийском съезде эсперантистов в Петрограде. Основой эсперантистского движения в СССР этот съезд декларирует «всемерную поддержку посредством языка эсперанто Советского Правительства и помощь последнему в деле осуществления его международных задач», — т.-е. практическое служение языка рабочему классу. Эта декларация входит основным пунктом в устав образуемого съездом Союза эсперантистов советских стран (СЭСС),

За истекшие годы СЭСС проявил громадную организационную энергию. К 1925 году охвачено до 250⁰ местных организаций (см. А. Иодко. «Рабочий класс и международный язык». Москва 1925 г.) и в Союзе насчитывается несколько тысяч активных членов. Хотя это и далеко еще до эсперантских организаций Запада, но сравнительно с царской Россией, это — большой шаг вперед.

Довольно широко развилась за эти годы издательская деятельность СЭСС. Книги издавались как на русском языке, так и на эсперанто. На русском языке был издан ряд популярно-научных книг и брошюр, впервые у нас ставящих вопрос о международном языке на марксистскую почву. Большое значение для пропаганды идей нашей революции на Западе имело издание на эсперанто таких книг как: «Пятилетие Советской Власти» и «История РКП и Коминтерна».

Эволюцию эсперантского движения в СССР за последние годы (после образования СЭСС) особенно любопытно проследить по эволюции издаваемых СЭСС периодических органов. С 1922 года выходит ежемесячно в виде небольшой листовки «Бюллетень ЦК СЭСС», имеющий, главным образом, информационное значение. Рост движения позволил приступить с 1924 года к изданию ежемесячника «Советский Эсперантист», ставящего себе задачей не только информацию, но и, главным образом, пропаганду эсперанто. Журнал дешев и расходуется в нескольких тысячах экземпляров. Параллельно в Казани издается ежемесячный журнал-самоучитель для рабочих «Эсперанто на дому», расходящийся в количестве 5 000 экземпляров.

Второй всесоюзный конгресс СЭСС (лето 1925 г.) уже подымает вопрос об издании журнала, ставящего себе более широкие задачи, а именно: изучение проблемы международного языка в свете марксизма. Этот популярно-научный журнал выходит с осени 1925 г. два раза в месяц под названием «Международный Язык» по следующей программе: Теория и практика международного языка. История развития идеи международного языка и ее осуществления. Международный язык, как средство международной культурной связи. Хроника распространения и применения международного языка. Учебно-инструкторский отдел для изучающих эсперанто.

Организационная и пропагандистская работа СЭСС стала давать обязательные результаты, главным образом, за последние два года. Так за эти годы эсперанто принят в качестве международного языка (пока еще на ряду с французским, немецким и английским языками) такими организациями как МОПР, Спортинтерн, Международное бюро связи пролетарских писателей и др.

В 1924 году все Главки Наркомпроса УССР на заседаниях своих методкомов вынесли постановления, чрезвычайно благо-

приятные для эсперантского движения. Согласно этих постановлений эсперанто допускается во все школы, курсы, клубы и проч. учебные заведения и просветительные организации в качестве факультативного (открываемого по желанию учащихся, но не обязательного) предмета. Приводим чрезвычайно характерное постановление пленума методкома Укрглавпрофобра от 8-го октября 1924 г.:

«Считать желательным открытие при государственных курсах иностранных языков в Харькове курсов эсперанто на равных правах с курсами иностранных языков. Положение об открытии таких курсов распространить на курсы иностранных языков, имеющиеся в Одессе и Киеве. Признать желательным введение эсперанто в учебные заведения социально-экономической вертикали в качестве факультативного предмета».

В настоящее время уже функционируют госкурсы эсперанто в Киеве, Харькове, Твери, Одессе, и ведется подготовительная работа к открытию таких же курсов в Москве.

Наши мощные радио-станции в Москве — имени Коминтерна и МГСПС — систематически пользуются эсперанто для передачи международных докладов и информации. Этими станциями были организованы в 1925 г. курсы эсперанто по радио с целью приобщить наших радио-любителей к международному языку радио. Когда, в августе 1925 г. советские эсперантисты не были пропущены австрийским правительством в Вену на всемирный съезд рабочих-эсперантистов, через станцию Коминтерна был передан в Вену по радио-телефону приветственный доклад СЭСС. В ноябре 1925 г. через ту же станцию был передан на эсперанто приветственный доклад Председателя Общества Друзей Радио РСФСР т. Любовича всегерманской рабочей радио-выставке в Лейпциге. Московские журналы «Радио-любитель» и «Радио всем» используют эсперанто среди радио-любителей, вводят на своих страницах регулярный отдел эсперанто.

В результате быстро растущего развития международной переписки на эсперанто по данным Наркомпочтеля СССР корреспонденция на этом языке быстро растет, а количество пересылаемых печатных периодических изданий на этом языке в данное время занимает в СССР четвертое место после языков французского, немецкого и английского, перегнав за последние годы итальянский язык. Огромные успехи эсперанто среди международного пролетариата побудили Наркомпочтель СССР признать в 1925 г. эсперанто международным языком телеграфа. Как первое следствие этого решения, открытки нового формата, выпущенные в 1925 г. имеют надпись и на эсперанто (Posta Karto).

При энергичной поддержке СЭСС за последние три-четыре года у нас широко распространено членство в международной рабочей эсперантской организации единого фронта (SAT), ставшей

себе не пропагандные, а чисто практические задачи международной пролетарской связи. По количеству членов SAT СССР стоит на втором месте после Германии — страны, где больше всего развито пролетарское эсперантское движение.

Активность граждан СССР, членов SAT такова, что органы SAT газета «Sennaciulo» и ежемесячник «Sennacieca Revuo» почти целиком, можно сказать, завоеваны нашими рабочими, дающими на страницах этих органов богатейшую информацию об экономическом, политическом и культурном состоянии и росте нашего Союза. С другой стороны, большое количество рабочих замечаний из всех стран мира перепечатывается из «Sennaciulo» многими нашими газетами.

Большое значение имеет все более и более растущая при посредстве SAT непосредственная переписка на эсперанто как отдельных рабочих между собою, так и целых заводских коллективов.

Практика многих местных эсперантских организаций знает не мало примеров, когда к ним обращались рабочие местного завода или рудника с просьбой перевести на эсперанто и отправить за границу их письмо, а полученный ответ они уже читали сами и тут же сами же писали новое письмо за границу уже безо всяких посредников, так как находились товарищи, успевшие за это время выучить в достаточной степени язык.

В самое последнее время эсперантское движение у нас чрезвычайно оживлено посещением СССР многочисленными рабочими делегациями, при чем не было ни одной делегации, в составе которой не имелось бы эсперантистов. Члены делегаций, эсперантисты, имея с собой адресную книгу SAT, всюду, даже в самых небольших городках, имели возможность встречаться с нашими рабочими эсперантистами и беседовать с ними также, как и на своем родном языке. Все это не могло не влиять на многочисленных окружающих, убеждающихся в практической полезности эсперанто.

Практические завоевания эсперанто за последние годы таковы, что фетишисты «естественного» языка уже ни в коем случае не могут спрятать свой идеалистический подход к вопросу: истинный марксист подойдет к вопросу о международном языке лишь исходя из фактов, из богатой практики международного языка эсперанто. Попытки подойти к вопросу о международном языке чисто теоретически, минуя факты, обнаружат лишь безнадежное доктринерство, которое с марксизмом, конечно, уж никак невозможно согласовать.

Е. Спиридович и Г. Демидюк.

О ВВЕДЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

Международный язык эсперанто уже допущен к преподаванию в учебных заведениях Наркомпроса в качестве факультативного предмета. Однако, если расшифровать эту — «факультативность», можно с достаточной ясностью установить, что польза для рабочего класса и вообще трудящихся СССР от этой «факультативности» весьма и весьма проблематична. Конечно, это лучше, чем ничего, чем прямой отказ от всякой поддержки международного языка; конечно, очень хорошо, что в свое время специальная комиссия при Наркомпросе РСФСР занималась всесторонним выяснением вопроса о целесообразности факультативного преподавания эсперанто в учебных заведениях Наркомпроса и высказалась в положительном смысле по этому вопросу. Все это в той или иной мере содействует распространению международного языка, но и только. А ведь задача строителей новой жизни, строителей социализма сводится не только к тому, чтобы констатировать полезность того или иного явления для дела рабочего класса, но и к тому, главным образом, чтобы *активно* содействовать его внедрению в действительность. К сожалению, активности в этом вопросе со стороны руководителей народного просвещения в СССР как раз и не замечается. Наоборот, если одна часть их вполне положительно относится к идее международного языка, то другая часть их считает в *принципе* невозможным легкий «искусственный» вспомогательный язык, легко доступный для самых широких масс трудящихся. Эта часть работников просвещения рассматривает идею международного языка точно так же, как, например, мы рассматриваем идею изобретения «вечного движения» (*perpetuum mobile*): изобретение вечного движения невозможно, все попытки изобрести его заранее обречены на неудачу, и поэтому все комиссии и учреждения по делам изобретений заранее объявляют о своем отказе рассматривать какие бы то ни было проекты вечных двигателей, так как законы физики решительно говорят против самой возможности такого изобретения. — Но так ли обстоит дело с идеей международного языка? Так ли

уж незыблемы те законы, на основании которых некоторые работники приравнивают идею международного языка к вечному движению и на этом основании заранее отказывают в своем доверии даже такой системе международного языка, которая вот уже в течение десятков лет практически и широко используется десятками тысяч людей всего мира?

Таких законов, которые заранее обрекали бы идею международного языка на неудачу, не существует. Это доказано самым ярким и блестящим образом теперешней практикой международного применения и использования языка эсперанто, и возрождения против «искусственного» языка кажутся убогими по содержанию.

Одни из противников международного языка утверждают, например, что на эсперанто невозможно объясняться с иностранцами так же свободно, как на одном из «живых» языков; приводятся при этом такие соображения, как различие в акценте, отсутствие в эсперанто тонких оттенков речи, различия в культуре и быте различных народов и т. п. Однако, практика говорит как раз обратное. Многочисленные и многолюдные международные конгрессы эсперантистов всегда проходили с колоссальным успехом, представители самых разнообразных наций прекрасно понимали друг друга даже тогда, когда они говорили между собою о таких сложных и «тонких» вещах, как философские доктрины последнего столетия, как диалектический материализм и т. п.

Пишущий эти строки при встречах с иностранными делегациями учителей, германских рабочих и т. д. специально пытался выяснить степень пригодности эсперанто для взаимопонимания между людьми различной национальности при самых необычных темах беседы (различие между большевиками и меньшевиками, буржуазная и пролетарская демократия, свобода печати у нас и за границей, практика Дальтон-плана в украинских совпартшколах и т. п. и всегда собеседники прекрасно понимали друг друга. Оттенками речи эсперанто оказался несколько не беднее живого языка. Любую мысль с любого языка можно точнее и вернее всего перевести именно на эсперанто. Не было случая, когда бы собеседникам не доставало в эсперанто слов или оттенков для передачи на этом языке своих мыслей. А ведь эсперанто — продукт сознательного творчества человека, язык в сотню раз легче поддающийся изучению, нежели любой из культурных живых языков, язык, доступный самым широким рабоче-крестьянским массам любой нации.

Не раз приходилось встречать и такие рассуждения: сторонниками языка эсперанто являются, главным образом, интеллигенты, выходцы из мелкой буржуазии, мечтающие путем введения всеобщего международного языка устранить национальную вражду и т. п. «неприятные» общественные явления, а поэтому-де не подобаает нам, людям практики, поддерживать такие утопические идеи.

Тот факт, что до войны эсперантское движение носило мелко-буржуазный характер, с налетом наивного утопизма, не подлежит оспариванию; до сих пор еще отдельные мелко-буржуазные эсперантисты продолжают думать, что возможна в будущем замена существующих живых языков одним общим для всех искусственным языком, что эсперанто присуща какая-то внутренняя сила, способная превращать людей в интернационалистов, и т. п. Но, спрашивается, при чем тут эсперанто сам по себе? Какое нам дело до того, что кто-то переоценивает значение языка, приписывает ему такие свойства, которыми он не может обладать? Нас интересует здесь один вопрос: является ли эсперанто достаточно хорошим *орудием связи* между трудящимися различных национальностей и заслуживает ли он, с этой точки зрения, решительной поддержки со стороны первого в мире рабоче-крестьянского государства? После основательного изучения языка и всестороннего его практического применения мы пришли к положительному ответу на этот вопрос.

В первую очередь органы народного просвещения должны продумать вопрос о международном языке и предпринять более решительные шаги к его распространению. К сожалению, мы не видим необходимой решительности в этом вопросе. Осторожные постановления о факультативном преподавании эсперанто в учебных заведениях Наркомпроса подтверждают эту мысль.

Для того, чтобы установить пригодность эсперанто для всестороннего обслуживания международных связей трудящихся, мало ознакомиться с его конструкцией, грамматикой, словарем и т. д. Нужно *изучить* язык, испытать его практически, ознакомиться с широкой уже практикой применения языка рабочими, учителями, детьми — и после этого решать вопрос о пригодности языка, о целесообразности или нецелесообразности планомерного его введения в качестве обязательного предмета в учебных заведениях Наркомпроса. Для такого изучения вопроса, к сожалению, не нашлось еще времени у товарищей, руководящих делом народного просвещения. А без этого неизбежны колебания в вопросе о международном языке, абсолютно необходимом для культурно-растущих широких рабоче-крестьянских масс, не могущих по тысяче самых разнообразных причин изучить хотя бы два-три европейских языка. Без всестороннего изучения вопроса и того, что есть, неизбежны, повторяем, оторванные от жизни, чисто схоластические, надуманные возражения против международного языка «вообще». Некоторые товарищи ухитряются в своих доказательствах «невозможности» международного языка с серьезным видом ссылаться на марксизм и ленинизм, которым, якобы, противоречит идея международного языка. Ни Маркс, ни Ленин, собственно, ничего по этому вопросу не сказали (у них были более серьезные дела и специально заниматься этим вопросом они,

конечно, не могли), но «марксистским доказательством» невозможности искусственного языка некоторые считают тот несомненный факт, что язык человека возник *естественным путем*, в процессе трудовой деятельности человека, что язык развивался *естественно* с развитием производительных сил общества, с развитием и усложнением общественной жизни. Отсюда делается тот удивительно нелогичный вывод, что искусственный язык вообще невозможен («в огороде бузина, а в Киеве дядька»!).

Что искусственным языком нельзя *заменить* живые языки — это было ясно и для автора эсперанто. Ясно это и для нас. Но почему нельзя на ряду с живыми языками пользоваться в специальных случаях при международных сношениях искусственным языком — легким и доступным для всех, — это остается тайной «возражающих», упорно не желающих посмотреть на конкретную действительность. С одинаковым правом они могли бы, например, заявить, что существование автомобиля, заменяющего естественную лошадь, противоречит марксизму. Этого они не скажут, ибо это было бы явным абсурдом. Могут, правда, сказать, что автомобиль — в некотором роде техническое орудие, тогда как язык — идеологическая надстройка, постоянно «естественным путем» меняющийся «живой» организм, не терпящий вмешательства разумной воли человека, и т. д. Однако, практика последних лет из области культурно-национальной политики СССР показывает, что живые языки народов, бывших до Октября под национальным гнетом (украинцев, татар, белоруссов и др.), подвергаются сейчас культурной «отделке» далеко не «естественным» путем. Академиям Наук этих народов сейчас приходится проделывать большую, лихорадочную работу по заполнению существующих прорех в живых языках освободившихся от царизма народов СССР, работу по упорядочению грамматики, по очищению живого языка от руссизмов и т. п. Это очень нужная и полезная работа.

Есть ли тут элементы сознательного вмешательства разумной воли человека в стихийные процессы живого языка? Да. И было бы нелепо, если бы, к примеру, Украинская Академия Наук, на том основании, что язык — идеологическая надстройка, отказалась бы от *изобретения* и узаконения новых литературных украинских слов из элементов живой разговорной речи украинского народа, ожидая, что все само собою «образуется» с ростом украинской культуры, с развитием украинской промышленности и т. п. (Напомним, что эсперанто построен также из элементов *живых* языков).

Разумеется, здесь возможна параллель только приблизительная. Мы констатируем только, что живой язык — это вовсе уже не такая святыня, к которой не могут прикасаться творческая, сознательная мысль и рука человека. Вновь изобретенные слова прекрасно прививаются в живом языке и получают в нем полные права гражданства.

Но ведь речь идет не о замене «живых» языков искусственным, а о *вспомогательном* языке. Если живой язык можно «исправлять», дополнять и развивать сознательно, почему, спрашивается, невозможен «искусственный» язык? Если живой язык поддается обработке, мирится с сознательным вмешательством человека — это доказывает только, что язык — *орудие связи* между людьми, своего рода полезный инструмент, который можно *сделать*, когда в нем есть нужда. Таким инструментом и является эсперанто. Нелепо прикрывать марксизмом и ленинизмом преклонение пред «стихийностью» языковых процессов, наоборот — марксизм дает нам полное право решительно изгонять элементы полумистического представления о языке, как о чем-то священном, куда запрещен вход, а практика ленинизма подтверждает правильность нашей мысли о необходимости, во-первых, максимального сплочения и взаимопонимания между угнетенными всех стран и, во-вторых, о праве каждого, даже самого отсталого народа, иметь свой язык и свою культуру. Эсперанто помогает угнетенным всех стран понимать друг друга, он доступен *миллионам*, которые никогда никакого иностранного живого языка не смогут изучить и в то же время эсперанто помогает расцвету национальных языков остальных народов.

Известный А. Богданов, противник эсперанто, но сторонник того, чтобы принять английский язык в качестве международного, несколько упростив его орфографию и грамматику, делает между прочим такой «культурно-программный» вывод для пролетариата, который по его мнению, должен *помогать* естественному процессу слияния всех живых языков в один мировой язык: необходима, по его мнению, «борьба вообще против национально-кустарнических тенденций, особенно (!?) в области, где дело касается мелких или отсталых наций». ¹ Богданов, как видно, не только против эсперанто, но и против украинского, белорусского и т. д. языков. Покорно благодарим уважаемого тов. Богданова за такой «марксизм». Вопреки его советам, мы будем всячески поддерживать «национально-кустарнические тенденции» в области языка не только таких народов, которые уже освободились от национального гнета буржуазии (украинцев, белоруссов, татар, грузин, алтайцев, бурят, молдаван и т. д.), но и тех, которым еще предстоит освободиться от такого гнета (их на земном шаре — многие сотни), а для облегчения им возможностей прочной связи друг с другом будем советовать им изучать эсперанто — для всех доступный, простой вспомогательный человеческий язык. Думаем, что это будет более по-марксистски и по-ленински чем навязывание отсталым народам, *вместо их родного языка*, языка англий-

¹ А. Богданов. «О пролетарской культуре», стр. 331.

ской нации, буржуазия которой — архи-империалистический разбойник, грабитель и угнетатель отсталых народов.

Подходя к обсуждению чисто практических вопросов, связанных с необходимостью введения международного языка в учебные заведения СССР, мы должны остановиться еще на одном тоже с дозволения сказать «возражении» против международного языка. Некоторые говорят: «хорошо, мы согласны, что эсперанто вполне пригоден для роли международного языка, что он имеет много сторонников, что эсперанто — единственная вполне удачная попытка разрешить проблему международного языка. Но не верится как-то, что этот язык получит широкое всеобщее распространение и признание». Что можно возразить против такого «возражения»? Мещанин и обыватель всегда ждет готовенького, всеми признанного, и палец о палец не ударит для того, чтобы активно помочь воплощению в жизнь полезной, по его же признанию, идеи. Наоборот, сознательный культурный работник активен, он не станет спрашивать, признают или не признают то, в чем ощущается острая потребность и что, по его мнению, вполне отвечает этой потребности.

Эсперанто в данный момент более распространен на Западе чем в СССР. Собираясь с делегацией в СССР, один бельгийский учитель специально занимался изучением эсперанто, зная, что в каждом крупном городе СССР он найдет знающих этот язык. Если бы эсперанто получил, при поддержке органов Наркомпроса, более широкое распространение в нашей стране, был бы официально признанным языком для международных связей трудящихся — нет ни тени сомнения в том, что каждый сочувствующий нам рабочий Европы, Америки, каждый сознательный революционер восточных стран приступил бы к изучению эсперанто, как действительного средства связи с колыбелью мировой революции, с рабочими и трудящимися СССР, чтобы поделиться с ними своим опытом борьбы, посоветоваться с ними, получить правдивую информацию о жизни советских республик и сообщить им о себе. СССР привлекает к себе взоры рабочих всего мира. Они питают исключительный интерес к нашему строительству, к нашим достижениям во всех областях. Прогрессивное учительство Запада особенно интересуется нашими педагогическими достижениями, нашим опытом в области новых методов воспитания детей в условиях абсолютного раскрепощения школы от рутины, мистической пошлости и пережитков средневековья, еще сохранившихся во многих странах Европы и Америки.

Изучать иностранные языки необходимо — это не подлежит сомнению. В специальных вузах такое изучение возможно и необходимо. Но когда ставится вопрос о преподавании одного из иностранных языков в последних группах семилетки, т.е. когда ставят перед собою цель обучить иностранному языку детей за

пару-другую лет — мы вправе назвать такую затею безнадежной утопией.¹ А между тем мы еще до сих пор от этой утопии не отказались. В некоторых семилетках, несмотря на явный провал всех попыток научить ребенка хотя бы только читать иностранную книгу, продолжают преподавать иностранные языки.

«Школа не может и не должна ставить своей конечной целью практическое усвоение чужого языка: ее основная задача — привести детей к самостоятельному чтению и пониманию иностранной литературы» — к такому выводу пришла комиссия по иностранным языкам при Центр. Гуман. Педагогич. Институте.² Даже в случае успешного выполнения этой скромной задачи ребенок не может по окончании трудовой школы практически использовать свое умение читать иностранную литературу, ибо оно ему ни к чему, раз он не может писать, разговаривать и вообще объясняться на соответствующем языке с иностранцем, понимать его речь. Но опыт показал, что дети, выходя из трудовой школы, не могут читать иностранной литературы и понимать ее, за исключением разве тех хрестоматийных сборников, по которым их учили языку. Мы бы очень хотели, чтобы Соцвос заинтересовался результатами обучения детей иностранным языкам и проверил их.

Но в то же время нужно сделать ряд решительных шагов ко введению в трудовые школы преподавания международного языка в качестве уже обязательного предмета, не сразу, а по определенному плану, исподволь.

Изучение международного языка нужно ввести не только в трудовые школы, но и во все остальные учебные заведения, в первую очередь в Институт Народного Образования, а также поставить на практические рельсы обучение языку взрослого населения в клубах, народных домах, сельбудах и т. д., путем организации в этих учреждениях кружков по изучению и, главное, практическому использованию международного языка. Если сейчас в нашей практической работе мы встречаемся с тысячами всевозможных препятствий и затруднений, вытекающих из языковых различий народов (напр., при международных конгрессах, при посещении иностранных рабочих, делегаций СССР и т. п.), то в будущем, когда мировой капитализм окончательно сойдет со сцены, эти затруднения станут прямой преградой мировых связей трудящихся. Изучение иностранных языков для миллионов недоступно сейчас, недоступно оно и в будущем. Мы не имеем никакого права поддерживать языковые перегородки между миллионами трудящихся. Топтаться на месте и дальше в этом вопросе — непростительный

¹ «Мы ввели в школы I и II ступени немецкий и французский языки, но цель, с которой они вводились, не достигнута» — констатируют в «Учит. Газете» (№ 53 от 19 ноября 1925 г.) учителя Юскович и Свистунов.

² См. К. А. Г а н ш и н а. «Сборник материалов по методике преподавания иностран. языков». Госиздат. Стр. 3. Подчеркнуто нами.

консерватизм. Надо дать миллионам трудящихся всего мира общий для всех, всем доступный легкий вспомогательный язык. Сделать это можем только мы — республика рабочих и крестьян, первая в мире государственно-организованная сила пролетариата, способная вести человечество вперед, а не вспять.

В связи с предложением ввести преподавание международного языка в учебные заведения СССР, в частности — в трудовые школы, напрашивается, естественно, ряд вопросов чисто практического свойства. Прежде всего — смогут ли дети овладеть в течение года (или двух) языком эсперанто настолько, чтобы совершенно свободно говорить, понимать, писать и читать на этом языке, на это мы отвечаем: через несколько месяцев изучения языка дети будут читать, писать и несколько говорить на эсперанто, а через пару лет практического его применения, т.-е. по окончании трудовой школы, они будут владеть языком в совершенстве, не испытывая ни малейших затруднений в чтении, ни в письме, ни в произношении, ни в понимании живой эсперантской речи иностранцев любой части света. Среди пионеров, изучивших эсперанто в течение нескольких месяцев, нам приходилось встречать детей, прямо поражавших своим знанием языка и умением на нем совершенно свободно объясняться. Здесь весь секрет заключается в абсолютной логичности эсперанто, в его чрезвычайно простой грамматике, в простоте произношения и в отсутствии бесчисленных исключений из общих правил, так затрудняющих усвоение иностранных языков, в небольшом количестве корней языка, по сравнению с любым чужим языком, и в то же время — в возможности выразить на эсперанто любую мысль, любой самый тонкий оттенок мысли.

Второй вопрос — о преподавателях языка. Но здесь, на наш взгляд, нет особенно больших затруднений. Нам не нужно будет выписывать их из-за границы: эсперанто настолько легко, что его может в два-три месяца изучить любой преподаватель, любой учитель трудовой школы. Кроме того, почти в каждом городе СССР уже есть достаточно опытные преподаватели языка, овладевшие им в совершенстве и имеющие опыт в преподавании эсперанто.

Еще меньше встречается препятствий с учебниками языка и с литературой. На первых порах можно воспользоваться уже существующими учебниками языка и уже изданной в большом количестве литературой на эсперанто (рассказы, стихи, песни, хрестоматийные сборники, газеты со специальными отделами для детей, журналы), а в дальнейшем можно будет научно разработать и издать учебник, приспособленный специально к особенностям и запросам детей СССР.

Изучение эсперанто детьми трудовой школы на первых же шагах изучения может быть использовано прежде всего для международной переписки детей. О значении такой переписки распро-

страняться не приходится. В № 3 «Шляху Освिति»¹ за 1925 г. на стр. 110 мы находим такую оценку международной переписки детей:

«Она — прекрасное образовательное средство, она — хорошее организационное пособие, она — превосходное орудие коллективистического и интернационалистического воспитания». И дальше:

«Ничто так живо не интересует, не возбуждает в детях такой любознательности, как жизнь других детей. . . Когда же дети заинтересовались жизнью детей других стран, они с увлечением подхватывали все сообщаемые ими сведения (географические, исторические, экономические и политические) об этих странах: эти сведения уже не сухи и не отвлеченны для них, а полны живого практического интереса. . .

«Дети, с которыми ведут переписку, с которыми обмениваются своим опытом, своими мыслями, чувствами, планами и надеждами, эти дети перестают быть немецкими, французскими, английскими, китайскими, негритянскими и т. д. детьми, перестают быть «не своими», «чужими» детьми, но становятся «своими», «братьями», членами единой мировой семьи трудящихся. Навык братского отношения к трудящимся всех стран — вот то особенно ценное, что несет с собой международная детская переписка».

Добавим к этому, что международная переписка детей чрезвычайно расширяет их кругозор, заставляет их задумываться над такими вопросами, которые при других условиях проскользнули бы бесследно мимо их внимания.

Автор цитированной выше статьи тов. Д. Б. не закрывает глаз на трудности налаживания переписки детей, но полагает совершенно справедливо, что одним из целесообразных средств для налаживания переписки являются «введение в программу народных школ преподавания международного языка эсперанто» и «использование организационных возможностей пролетарских эсперантских объединений и их прессы». Заграничная молодежь (Союз Юных Спартаковцев и Комсомол Германии, Австрии и др.) предприняла уже кое-какие шаги к налаживанию международной переписки детей — и не безуспешно. Во многих народных школах Англии, Германии, Франции и т. д. эсперанто давно преподается.²

¹ Орган Наркомпроса УССР.

² Не располагая свежими статистическими данными о преподавании эсперанто в заграничных школах, мы приводим здесь следующие данные из статьи «Международная педагогическая конференция по введению международного языка эсперанто в школы», напечатанной в органе Наркомпроса УССР «Путь просвещения» за 1922 год, № 4, на стр. 341 — 349: «Обучение эсперанто в школах (Германии) велось в 1921 г. в 123 городах; в народных школах в 44 гор., в 6-ти и 9-ти-летних школах нового типа — в 9 гор., в высшей народной школе и подобных учреждениях — в 35 гор., в 1922 году к этому числу прибавляется (обучение языку) в 49 городах: в 22 народных школах, 5 школах повыш. типа, 5 технич. и торговых школ., 12 дополнит. школ.,

Разумеется, польза от знания языка эсперанто для наших детей, будущих продолжателей нашего дела, не исчерпывается одной международной перепиской. Широкие экскурсии детских групп из одной страны в другую в ближайшие годы станут, будем надеяться, заурядным явлением, как таким же заурядным явлением будут и поездки за границу с научными и др. целями нашего взрослого пролетарского студенчества.

Знание международного языка в ближайшие годы делается естественной потребностью всякого просто культурного рабочего, учащегося, крестьянина. Сейчас идет процесс повсеместного роста числа сторонников международного языка, в первую очередь — среди той части трудящихся, которая доросла до потребностей международной связи и в то же время остается лишенной возможности отдать несколько лет упорного труда на изучение какого-нибудь иностранного языка.

Повторяем: мы не должны остаться в хвосте этого движения в среде рабочих и вообще трудящихся за международный язык. Нужно приступить к введению эсперанто в наши учебные заведения и таким путем ускорить процесс усвоения эсперанто самыми широкими массами трудящегося люда.

Разумеется, сразу ввести преподавание эсперанто во все школы, во все учебные заведения нельзя. Нужна определенная планомерность и постепенность в этом деле. Прежде всего, изучение языка нужно поставить в больших центрах, где имеются опытные преподаватели языка, в первую очередь — в опытно-показательных школах, в Институтах Народного Образования, в Университете трудящихся Востока и т. п. Нужно выработать определенные, наиболее рациональные методы преподавания эсперанто и его практического использования, издать затем дополнительно ряд необходимых учебных и наглядных пособий и т. д.

Органы политпросвета должны заняться официальной агитацией и пропагандой международного языка среди рабочих и крестьян, налаживанием в рабочих клубах и т. п. учреждениях международного рабкорства при помощи языка эсперанто, имеющего немаловажное воспитательное значение для трудящихся и уже прививающегося постепенно в рабочей среде.

3 высших народных школах... К концу 1922 года эсперанто будет преподаваться в Германии в школах 172 городов. К 1925 году эти цифры, несомненно, увеличатся в несколько раз. В Англии (по указанным выше источникам) преподавание эсперанто в школах проводилось в 1922 г. в 28 городах; в Италии эсперанто преподается в 3 городах и в 6-ти морских институтах; в Голландии — в школах 95 городов 250 преподавателями. Помимо этого чисто школьного преподавания эсперанто изучается на многочисленных специальных курсах, кружках и т. п.; в Германии, например, за 1921 г. было организовано 1600 курсов с общим числом слушателей до 40 000 человек. Таким же путем производится обучение эсперанто сейчас в Китае, Японии и т. д.».

Поднимая все эти вопросы пред советским педагогическим общественным мнением, мы хотим только одного: чтобы товарищи исходили при обсуждении их не из голых, отвлеченных от действительной жизни схем и рассуждений, а внимательно изучили бы то, что есть: это будет и по-марксистски, и по-ленински. И мы уверяем, что, когда товарищи, отбросив всякую предубежденность, серьезно познакомятся с современной практикой международного использования языка эсперанто и с ним самим, они неизбежно должны будут сказать вместе с нами:

— Да, международный язык нужен миллионам трудящихся, и его нужно ввести в качестве обязательного предмета в учебные заведения СССР, его нужно всячески пропагандировать и помогать его распространению.

П. Канцелярский.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЯЗЫК И НАРОДЫ ВОСТОКА.

Движение за международный вспомогательный язык, родившееся на Западе и базирующееся преимущественно на процессе интернационализации и ассимиляции языков европейской культуры, выдвигает конкретно систему такого языка — эсперанто. Поэтому нас более всего может интересовать вопрос: насколько эсперанто приемлемо для Востока. Не является ли язык эсперанто, целиком построенный из элементов европейских, чуждым для восточных народов. Не целесообразнее ли создание другого языка, в котором были бы заключены языковые элементы всех рас и народов, в том числе и восточных.

На этот естественный вопрос существует очень простой ответ. Ведь сущность простого интернационального языка заключается вовсе не в том, чтобы для каждого народа и каждой национальности в этом языке было предоставлено по два-три слова, а всю остальную разношерстную массу приходилось бы изучать с начала до конца. Такой язык представлял бы полную кашу, винегрет и был бы одинаково труден для всех народов без исключения. Вся суть интернационального языка заключается, главным образом, в простоте его структуры, в легкости усвоения его механизма и в широкой возможности самостоятельного словообразования. А что касается основного словарного материала, то достаточно, если он будет основан на сравнительном сходстве главных корней слов наиболее культурных языков.

В языке эсперанто как раз преобладают латинские (романские) корни слов, что вполне соответствует наибольшей приспособленности именно этих языковых элементов для интернационального использования (по крайней мере, в некоторых отношениях) и что нисколько не оскорбляет хотя бы славянские народы, имеющие более сложные языковые формы. К тому же ясно, что с объективной точки зрения восточные языковые элементы приспособлены для интернациональных функций еще в значительно меньшей степени, чем языки славянские. Поэтому, эсперанто для Востока является вполне приемлемым. То же обстоятельство, что эсперанто

сразу приближает Восток к Западу и что он чрезвычайно прост для изучения, особо усиливает его ценность для Востока.

Эти объективные качества языка эсперанто, вполне достаточные и приемлемые для восточных народов теоретически, с успехом вынесли испытание и на практике. Эсперанто находит большую симпатию и распространение в восточных странах. Особенно широкое распространение язык эсперанто получил в Японии и Китае, а также в Персии. Равным образом, хорошие ростки эсперанто дал в Корее, Монголии, Турции, Египте, Тунисе, Алжире, Индии, Индокитае, на Яве и Филиппинских островах, где эсперанто встречает большой интерес со стороны туземной интеллигенции.

Наиболее же характерным является то обстоятельство, что больше всего в Китае и Японии язык распространяется в революционных кругах. Еще в 1912 г. известным китайским анархистом Ши-Фу была основана в Кантоне первая революционная эсперантская группа и предпринято издание на китайском и эсперантском языках журнала «Голос Народа». Журнал был запрещен китайским правительством, издавался поэтому некоторое время в Макао, а затем перевелся в Шанхай.

Не меньшей популярностью эсперанто пользуется среди японских революционеров. Так, например, издаются два эсперантских революционных журнала в Токио и на Формозе, регулярно выходит эсперантистское приложение к одной анархо-синдикалистской японской газете в Токио.

Показательно также и то обстоятельство, что к эсперанто весьма сочувственно относятся многие японские ученые деятели. В целом ряде, например, японских научных изданий резюме содержания все чаще печатается на языке эсперанто, предпочтительно перед английским. Во многих высших учебных заведениях в Японии ведется преподавание языка эсперанто.

В Китае тоже студенческая молодежь начинает все больше и больше интересоваться языком эсперанто. В Пекине существует специальный колледж языка эсперанто, а в Пекинском университете лекции по русской литературе в течение последних двух лет читались на эсперанто.

Неисповедимыми путями идет эсперанто на Восток. Возьмем хотя бы для примера Монголию. Бывший монгольский ламат тов. Хаян-Хироб каким-то образом попал вместе с русскими белыми в Турцию, где в Константинополе столкнулся с международной группой эсперантистов (турки, греки, армяне, итальянцы и др.) и изучил там язык эсперанто. Вслед за этим, проездом в Монголию он вошел в связь с советскими эсперантистами и теперь, будучи руководителем политшколы в Улан-Батор-Хото (Урге), энергично пропагандирует язык эсперанто в Монголии.

Если заняться одним перечислением различных мелких фактов, относящихся к достижениям эсперанто на Востоке в последнем

1925 г., то уже это скажет очень и очень много. XIII конгресс японских эсперантистов в Киото, открытие Корейского Института эсперанто в Сеуле, VI конгресс Дальневосточной Ассоциации Тропической Медицины с научными докладами японских и китайских профессоров на эсперанто, выход в свет «толстого» (120 страниц) ориентологического журнала «Восток» на эсперанто в Харбине, выход в свет пропагандного журнала «Индийский эсперантист» на о. Яве со статьями на эсперанто, малайском, китайском, голландском и английском языках и т. д. и т. п.

К чему нас может повести, например, такой факт, как появление в газете «Тверская Правда» подробных корреспонденций от «собственного корреспондента» из Марокко, полученных путем языка эсперанто, это нам покажет самое недалекое будущее.

Но как обстоит дело с языком эсперанто у нас, на Советском Востоке. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надлежит принять во внимание ряд следующих обстоятельств: у нас в СССР по старой великодержавной традиции русский язык еще продолжает играть фактически роль общегосударственного, а восточные народности, населяющие советский восток, в большинстве своем мало культурны и к тому же, наряду с ликвидацией элементарной неграмотности и поднятия культурного уровня, целиком захвачены упорядочением своих национальных языков. Поэтому для занятия международным языком у них фактически существует еще сравнительно мало предпосылок.

Тем не менее, уже теперь в составе Союза эсперантистов Советских стран имеется немало членов — представителей национальных меньшинств — чувашей, узбеков, татар, бурят, армян, грузин, туркмен и др. Знаменательна попытка издавать в Ташкенте газету «Эсперантист Востока». Вышло из печати несколько пособий для изучения эсперанто на языках нацменьшинств (на татарском и др.).

Итак, мы видим, что Восток за международный язык. Больше того, Восток не только за международный язык, но Восток именно за язык эсперанто и применяет практически только этот язык.

Эсперанто соединит Восток с Западом и поможет делу объединения равноправных наций и национальностей всего мира.

Н. В. Некрасов.

НАУЧНАЯ РАБОТА НА ЭСПЕРАНТО.

Если бы человечество дошло до принятия всемирного языка, то с некоторых точек зрения об этом следовало бы пожалеть. Получилось бы нечто в роде того, как если бы вся земная флора на всей земной поверхности заменилась бы сплошной пшеницей или рожью. И это независимо от того, искусственно ли созданный язык, или какой-нибудь из национальных языков поднялся бы до этой роли, и несмотря на то, что наличие всемирного языка колоссально облегчило бы всякую культурную и, в частности, научную деятельность. В случае осуществления высказанного предположения, все литературы мира стали бы литературами на мертвых языках и очень скоро утратили бы свое живое воздействие на человека. Конечно, родилась бы общая литература мира. Но разве она смогла бы дать одна такую многоцветную картину, какую дают разнообразнейшие литературы наций и иных социальных групп?

С тех пор, как начались попытки создать из тех или других элементов искусственный язык, эти проекты искусственного языка нередко возникали именно как проекты языков «всемирных». Идея хотя бы будущей «всемирности» была жива в сильной степени среди приверженцев волапюка. Идея такой будущей «всемирности» может быть почувствована и в среде эсперантистов. В довоенное время слабое еще движение часто выдвигало вперед так наз. внутреннюю идею. Энтузиазм, сопутствовавший этой идее, был близок к былой мечте о «всемирности» и был очень способен внести путаницу в представления об эсперанто, как о вспомогательном языке.

Мировая война и послевоенное время принесли с собой трезвость, в смысле отказа от всякой утопичности. Движение эсперантистов отразило внутри себя все те социальные и политические противоречия, какие существуют и вне его. Движение раскололось на буржуазное — нейтралистское и рабочее. И та и другая ветвь начали ставить себе определенные практические задачи, задачи текущего момента борьбы. Внутренняя идея осталась целиком в лагере буржуазного эсперантского движения, где и утилизируется, как усыпительное средство. Видно, что она, как и все

прочие утопические слагаемые движения, обречена на близкую смерть. В то же самое время, во всех областях практической деятельности человека международный язык, понятый именно, как язык вспомогательный, — в единственной выжившей среди всех проектов форме, эсперанто — завоевывает все более и более широкое поле приложения.

С первых же дней на новорожденном эсперанто пошли письма из России в Европу, из Европы в Россию, из России в Америку и т. д. Вот, казалось бы, нечто важное: прямая письменная связь между разноязычными людьми. Да, этот факт сам по себе очень важен. Но представим себе содержание этих писем. Поскольку они касались теоретических и практических вопросов, связанных с проблемой международного языка и его принятия людьми, эти письма, конечно, сыграли огромную роль. В остальном — это были большею частью излияния дружбы или деловые письма, посвященные таким мелким сюжетикам, как коллекционирование почтовых марок. В этой части переписку первых адептов эсперанто нельзя признать значительной.

Но, конечно, международный вспомогательный язык нужен был и для серьезных целей. В каких же кругах? Кому был нужен? Кому был нужнее всех?

Знаменательное хронологическое совпадение дает нам указание по этому поводу. В год создания эсперанто (1887) произошли дебаты в Американском Философском Обществе в Филадельфии, посвященные проблеме создания международного языка. В самом деле, точное знание к 80-м годам прошлого века сделало промадные успехи. Следствием этих успехов явилась широко развитая специализация знаний во всех областях. Не по всем отраслям крупные специалисты находились во всех странах. Работники науки принуждены были в широких размерах общаться с учеными за границы, на путях, как совместной работы, так и чтения их научных трудов. И вот, многоязычие стало для ученого бременем. Средневековая латынь сохраняла за собою только две цитадели, два факультета: филологический и медицинский. Все остальные области науки, за единичными исключениями, разрабатывались уже на национальных языках. Латынь была импотентна для передачи новых понятий и фактов, прежде всего далеко шагнувшей вперед техники. Даже и на двух упомянутых факультетах латынь держалась непрочно. У филологов она сохранялась в виде традиционных диссертаций и латинских речей в торжественных случаях, у медиков — в сокращенных формулах рецептуры, где прочно хранится еще до сих пор. В 80-х годах во всем культурном мире латынь еще входила в программу так наз. «классического» обучения, но классицизму в школе уже многое угрожало, и школьная система «реального» образования уже заняла свое место рядом со старой.

Вот здесь-то, в сфере международной научной работы, уже в 80-х годах, такой язык как эсперанто мог бы найти обширное поле приложения, если бы в массе ученых не было так много людей, оставшихся вне своей узкой специальности рутинерами. Язык был уже вполне готов для того, чтобы можно было получать на нем точные переводы и резюме научных сочинений. Литературными работами первых адептов Заменгофа были созданы все обороты речи и все способы выражения, какие могли потребоваться для делового и научного изложения. Не хватало лишь лексики, терминологии. Но этим-то как раз эсперанто и отличался, что он сразу принципиальными положениями открывал широкую дорогу для немедленного роста и накопления терминологии. Открывались даже две дороги: или перенятие уже живущих в европейских языках, в большинстве латинских по происхождению, терминов, — или рост своеобразной терминологии из основного корневого запаса искусственного языка. Эти две тенденции могли вступить в борьбу между собою; та или другая из них могла одолеть; наконец — терминологический запас мог стать компромиссным в результате их сочетания. Во всяком случае, при самом рождении языка, невыработанность терминологии никак не могла бы помешать понятности научных текстов, если бы таковые были созданы.

На самом же деле мы видим сравнительно медленный прогресс использования эсперанто для научных целей. Ученые — люди занятые. Даже двух часов на изучение строя эсперанто почти ни у кого не найдется. Гораздо свободнее располагают временем какие-нибудь туристы или собиратели марок, не говоря уже об энтузиастах и фанатиках такой «утопической» идеи, как создание искусственного всемирного языка. Вследствие этого в состав первых кадров эсперантистов попало ученых немного. Их единичным усилиям было не под силу дать сколько-нибудь широкое распространение одобренному ими языку в научных кругах. Кроме того, некоторые из этих ученых проявили и отрицательные качества отвлеченных теоретиков, что сказалось яснее всего во время реформаторского кризиса, пережитого эсперанто в 1907 — 08 гг., когда часть ученых, особенно лингвистов, оказалась на стороне более теоретизирующего *Ido*. Деятельность первых ученых в рядах эсперантистов не выходила за пределы пропаганды и агитации, за пределы писания апологетических брошюр, теоретически обосновывающих вопросы, связанные с международным языком. Из работ, лежащих вне круга филологических интересов, может быть отмечена, пожалуй, только рано появившаяся «Монодология» Лейбница, переведенная Буаракон, ректором Дижонского университета. В предисловии переводчик, с первых же строк заявляет, что он желает своим переводом доказать то, что международный язык уже существует и что он вполне годится для выражения на нем самых абстрактных идей, существующих в философской литературе.

С постепенным ростом и расширением эсперантского движения расширялся и изменялся характер научного использования эсперанто. С одной стороны, мы, например, в 1911 г., находим уже такие чисто научные по содержанию, регулярно выходящие журналы на эсперанто: *Internacia Medicino*, *Internacia Pedagogia Revuo*, *Internacia Socia Revuo*, *Internacia Scienco Revuo*, *Vocho de Kuracistoj*, — не считая научных статей в общей эсперантской прессе и статей по лингвистическим вопросам, так сказать внутренние-эсперантским. С другой стороны, началась разработка терминологических словарей по отдельным отраслям знаний. Появились такие работы по лексике как: *Matematika terminaro*; *Esperanta nomenklature de Kemio*; *Anatomia vortaro*; *Muzika terminaro*; *Provo de marista terminaro*; *Ornitologia vortaro de birdoj Europaj*; *Verax Vocabulaire technique* и др.

Особую важность имело появление специальных научных журналов. Составление словарей не есть литература. Слова в словаре не живут и не действуют, в то время как в тексте статьи те же слова выполняют определенную работу. Что представляли собой тогдашние специальные журналы на эсперанто? Они были бедны средствами, выходили тоненькими тетрадками. За год скопился том приблизительно в палец толщины. Но в этих тетрадках было достаточно просторно, чтобы испробовать тот словарный запас, который регистрировался в различных *terminaroj*. Нечего и говорить, что язык показал полную свою пригодность для всякого рода научной работы, — для кратких резюме, для точных определений, для популярных работ и проч. На эти журналы и приходится смотреть, главным образом, как на пробы научного языка. Материальный интерес для каждой данной области знания они имели, конечно, еще небольшой. Только одна область шла впереди других — медицина. Медицинские журналы на эсперанто шли наравне с такими же журналами на национальных языках, так как здесь мы и на национальных языках преобладающим типом научной работы видим краткие, лаконические описания случаев, или детализацию отдельных вопросов патологии, фармакологии и проч. Кроме того, в медицине живее, чем в других науках, традиция полезности международного языка. Еще недавно, доктора могли вести устный консилиум по-латыни, еще сейчас они пишут по-латыни рецепты.

Докторов не смущали, по неведению, те мучительные сомнения о принципиальной «возможности» и осуществимости искусственного языка, какие смущали филологов. И теперь, когда филологи начинают забывать свои былые сомнения, они могут быть благодарны той *sancta simplicitas*, которая позволила докторам без колебания начать писать на искусственном языке.

Дальше мы входим опять в критическую полосу. Наступает война и послевоенное время — критический период длительностью

около пяти лет. Общая заминка издательской деятельности в Европе отразилась и на эсперанто. Журналы ослабевали и закрывались. Насчет того, что будет после войны, царилла полная неизвестность. Эта неизвестность теперь разъяснилась. После войны и революции мы имеем в эсперантском движении опять раскол, но раскол не лингвистический, и это чрезвычайно знаменательно. Это служит лишним показателем того, что искусственный язык стал живым. Никто не спорит теперь о том, как говорить и писать на этом языке; раскол пошел по линии того, что говорить и что писать. Значит, язык используется практически, как орудие мысли. В мире эсперантистов, в малом масштабе представлены все группировки, какие сейчас существуют вообще. Казалось бы должен сопутствовать этому и расцвет всяческих специальных журналов. На самом деле не они характерны для переживаемого нами момента. Они есть в достаточном количестве, и среди них есть много интересного, каков, например, издаваемый в Японии журнал *La Medicino*, имеющий вид книжки-журнала нормальной толщины.

Пожалуй, еще отраднее тот факт, что начинают появляться научные книги на эсперанто в отдельном издании, которые уже не носят характера лингвистического опыта, как мы это видели относительно «Монадологии» Лейбница. Появились уже даже такие издания, как трехтомная *Absoluta geometrio* de Boylai. Если вы возьмете в руки даже небольшую книжку *La Kemio de l'Universo* русского профессора и академика А. Ферсмана, с его специальным предисловием к эсперантскому переводу, — книжку, помеченную 1925 г., — то вы сразу почувствуете, что в ней центром тяжести является не языковая пропаганда, а непосредственный интерес темы, затрагивающей химию, геологию и астрофизику. Такие книги могут сыграть значительную роль, надо только заботиться, чтобы в них отражались актуальные интересы науки в изложении людей с крупным именем. Перевод таких книжек на эсперанто должен являться раньше, чем явятся переводы на большинство национальных языков, — чего не так трудно достигнуть. Зато это создаст реальное притяжение работников науки к книге на эсперанто — к книге, понимание которой будет от них отделено столь невысоким барьером, как простая грамматика искусственного языка.

В журнальной области надо отметить особенно то, что журнал общего содержания *Senpacia Revuo* помещает в своих номерах и научные статьи. Эти статьи интересны с той точки зрения, что в них применяется более богатый словарь, уже сильно отошедший от основ языка в сторону их обогащения. Журнал ведется одной из левых группировок и принадлежит к рабочему эсперантскому движению. Это сообщает всему его облику ярко-прогрессивный характер. Основным стремлением руководящей группы служит: использовать эсперанто для практической работы во всех отраслях

знания и культуры. Метод, конечно, правильный для современного положения дел.

Если мы спросим, какой же характер и уклон имеют современные чисто-научные журналы на эсперанто, то мы можем по нескольким образцам составить себе об этом определенное представление. Вот, напр., так называемый официальный орган *Internacia Scienco Asocio*, носящий заглавие: *Internacia Scienco Revuo*, который начал выходить в 1923 г. и который связан издательством с крупной еженедельной газетой *Heraldo de Esperanto*. Мы заметим, что в тетрадках этого журнала преобладают вопросы, связанные с обогащением терминологии по разным специальностям, изучаются аффиксы эсперанто с точки зрения их роли в образовании научных терминов, рецензируются продолжающие выходить *terminaroj*, ведется общая хроника научной работы на эсперанто. Приблизительно такой же характер носит, выходящий в текущем году *Scienco Bulleno Oficiala organo de la Internacia Scienco Asocio Esperantista*. На что указывает такой характер этих журналов? Вникнем в смысл отмеченного явления. Не трудно понять, что они отвечают в этой их форме назревшей потребности. Между *terminaroj* довоенного периода и тем пристальным изучением научной номенклатуры, какое мы видим на страницах теперешних органов, огромная разница — разница в цели и характере. Довоенные *terminaroj* были подготовительными к работе пособиями. Современное обсуждение этих вопросов идет уже не впереди потребности, а следует за нею и с трудом догоняет ее.

Таково общее положение дела с научной работой на эсперанто.

Никакой тени сомнения не может быть в том, что эсперанто вполне годится для изложения научного текста во всех областях знания. Доказательство этому положению можно видеть хотя бы в одной книжке: *La Vendreda Klubo*, изданной в Лейпциге в 1921 г., в которой, среди 11 различных статей помещено изложение цветовой теории Оствальда.

Но одной пригодности мало. Дает ли научное изложение на эсперанто какой-нибудь лишний плюс, какую-нибудь лишнюю пользу, сравнительно с изложением на национальном языке?

Начинает давать. Еще немногочисленные научные работники, которые пользуются эсперанто, имеют уже некоторые преимущества перед своими менее смелыми товарищами. Начать с того, что путем переписки они могут собрать по всему миру обильный сравнительный материал, дополняющий их выводы. Такие работы уже ведутся.

Дальше. Автору этих строк уже попадались работы, напечатанные на итальянском языке, при чем в примечаниях указывалось, что данная работа переведена с эсперанто, из *Senpacieca Revuo*. Другая работа говорила, что она переведена на итальянский с русского еще неизданного оригинала. Переводил ее редактор

итальянского биологического журнала и переводил не прямо с русского, а с эсперантского перевода, доставленного ему одним из сотрудников автора работы.

Это, конечно, только первые ласточки. Но если бы человечество спросило лет 50 тому назад: готовы ли международный вспомогательный язык для научного общения? Пришлось бы тогда сказать: нет, еще не готов. На тот же вопрос теперь ответ иной. Приходится сказать: да, готов. И приходится прибавить: работайте на этом языке, переводите на него свои работы и прибавляйте к вашим работам, написанным на национальных языках, резюме содержания их на эсперанто.

Л. Жирков.

— — — — —

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СВЯЗИ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЯЗЫК.

Вряд ли в какой-либо другой области ощущается так остро необходимость всеобщего, общепонятного языка, как в работе почты, телеграфа и телефона.

Современные средства связи и организация их эксплуатации охватили весь мир и все государства. Ведомства и работники связи разных стран вынуждены все время непрерывно сноситься друг с другом. Самым болезненным при этих сношениях является вопрос языка. Отсутствие общепонятного языка стесняет эти сношения. Вопрос языка в данном случае является вопросом улучшения и совершенствования организации связи.

Еще в 1865 г. на международной телеграфной конференции, учредившей Международный Телеграфный Союз, было решено, что служебные телеграммы между телеграфными ведомствами разных стран должны писаться по-французски. Венская конференция 1868 г., положившая начало созданию Международного Почтового Союза также приняла в качестве международного почтового языка — язык французский.

Но уже на этой конференции выяснилась вся затруднительность полного и последовательного осуществления этого решения. Вследствие отрицательного отношения делегатов ряда стран — в конце концов, была принята поправка, что французский язык является официальным языком Международного Почтового Союза в тех случаях, когда заинтересованные государства не определяют взаимными соглашениями язык своих сношений.

В итоге такой поправки в довоенное время — служебная переписка германского почтового ведомства с Австрией, Великобританией, Голландией, Данией, Норвегией, Россией, Швецией и Швейцарией осуществлялась на немецком языке; с прочими же странами — на французском.

Все попытки упрочить положение французского языка в качестве единственного языка международных почтово-телеграфных сношений, наталкивались на исключительно решительное сопротивление отдельных государств и не приводили ни к каким резуль-

татам. Таким образом, французский язык является для современных органов и учреждений связи только «условно-международным».

Основные причины этого следующие:

1) соревнование и конкуренция отдельных государств, народов и языков, в среде которых ни французская нация, ни французский язык не имеют каких-либо оснований претендовать на привилегированное положение, и 2) трудность изучения и усвоения французского языка, фактическая невозможность обучить всех работников связи «всеобщему» французскому языку.

В настоящее время, по окончании великой войны, необходимость в общепринятом языке стала еще ощутительнее, и ныне еще в меньшей степени, чем прежде, французский язык может рассчитывать на успешное выполнение функций такового.

В орбиту международных сношений вовлечены самые отдаленные внеевропейские страны. Число официальных государственных языков возросло в Европе почти в два раза, если принять во внимание число вновь образовавшихся государств. Организация правильных международных сношений с ведомствами связи этих государств представляет значительные затруднения. Воскресающие к новой жизни азиатские народы могут с полным основанием поставить вопрос, почему международным языком связи является язык 39 миллионов французов, а не язык 400 миллионов китайцев.

Острее всего необходимость всеобщего языка ощущается у нас в СССР, представляющем собой соединительное звено между народами Европы и Азии. К тому же существование в нашем Союзе ряда независимых и автономных национальных республик само собой обуславливает право пользования при почтово-телеграфных сношениях на одной территории СССР по крайней мере 30 — 40 языкам. И целый ряд этих языков имеет до сих пор свои собственные алфавиты. Уже одно приспособление этих языков и их алфавитов для телеграфных отправок вызывает ряд затруднений и требует предварительно транскрипции этих алфавитов при помощи латинских и русских букв.

Таким образом, в СССР проблема общего языка для международно-ведомственной переписки — дополнительно усложняется проблемой общего универсального алфавита, удобоиспользуемого для всех народов и всех языков как нашего Союза, так и всей Азии вообще.

Всем этим объясняется тот факт, что НКПТ СССР и советский профсоюз Связи по мере возможности содействуют практическому использованию и применению международного языка эсперанто в области международной связи, а также и его распространению среди рядовых работников связи.

В этом отношении ведомство связи СССР подает благой пример почтово-телеграфным ведомствам других стран. Последние международные конференции связи — почты, телеграфа и радио, выска-

завшиеся в пользу эсперанто,¹ дают уверенность в том, что языковая проблема в органах связи близка к разрешению, и что разрешением этой проблемы будет введение и применение языка эсперанто.

Только международный вспомогательный язык, являясь в равной степени нейтральным для всех народов, не оскорбит ничего самолюбия, не вызовет ничьих возражений и сможет достигнуть широкого распространения.

Только эсперанто, изучение которого в несколько раз легче и доступнее изучения любого, даже самого легкого естественного языка, сможет действительно проникнуть в обиход широких масс работников связи всего мира.

Специально для нашей страны введение языка эсперанто означает одновременно и введение латинского алфавита (или подготовку его введения) и упрощение всякого рода транскрипции восточных языков. Последнее же, учитывая наши сношения с Азией и нужды наших Средне-азиатских и Кавказских республик, приобретает особо важное значение. В частности, следует отметить, что международный эсперантский алфавит уже принят в качестве базы для транскрипции тюркского алфавита в Азербайджане.

Исходя из этих соображений, коллегия НКПТ поручила своим представителям на международных почтово-телеграфных конференциях отстаивать признание языка эсперанто в качестве языка международных ведомственных сношений.

В связи с этим вырисовывается необходимость уточнения тех мероприятий, посредством постепенного осуществления которых язык эсперанто действительно сможет стать и станет всеобщим международным языком всех органов и учреждений связи всего мира.

В первую очередь надлежит осуществить следующие мероприятия:

А. В Международном Почтово-Телеграфном Союзе.

- 1) Все доклады и документы снабжать эсперантским переводом.
- 2) Официальный журнал и официальные издания издавать также на эсперанто.
- 3) Эсперанто не только допустить, но и рекомендовать для использования при международных сношениях и в международной служебной корреспонденции.

Б. В разных отраслях службы связи.

- 1) Обозначения и надписи на двух языках при международных сношениях (например: «заказное», «с оплаченным ответом» и пр.)

¹ См. статью Г. Демидюка — «Движение за международный язык».

заменить надписью на эсперанто; также снабдить эсперантскими надписями бланки, используемые при международных корреспонденции и телеграфировании (открытые письма, переводы и пр.).

2) Рекомендовать производство надписей денежных сумм на заграничных переводах на эсперанто.¹

3) Допустить эсперанто для телеграфирования в качестве ясного языка, при чем международное телеграфирование на эсперанто должно быть наиболее благоприятствуемо.

4) Телефонистки, телеграфисты и радисты разных стран должны постепенно овладевать эсперанто, и при сношениях между ними следует по возможности пользоваться этим языком.

5) Знание языка эсперанто засчитывать в качестве положительного фактора при определении квалификации работников связи.

6) Ввести преподавание языка эсперанто в качестве обязательного или необязательного предмета, смотря по обстоятельствам, во всех специальных школах и курсах почтово-телеграфного ведомства.

7) В почтово-телеграфных учреждениях и конторах на ряду с указанием служащих и агентов, владеющих другими иностранными языками, указывать также и на работников связи, знающих эсперанто.

Нет надежды на то, чтобы подобная грандиозная организационная работа могла быть осуществлена в течение одного года — двух. Потребуется много времени и усилий, чтобы осуществить все вышеперечисленное. Но соединенными усилиями, при доброй воле почтово-телеграфных ведомств разных стран и при содействии соответствующих профсоюзных объединений, эти задачи будут поставлены и разрешены.

Залогом же этого является непрерывная, все усиливающаяся интернационализация почтово-телеграфных сношений, то, что современная, достигшая высокой степени совершенства, техника связи не соответствует нашим отсталым языковым возможностям.

Современная культура и цивилизация подошли вплотную к необходимости языковой организации, к необходимости создания международного вспомогательного языка. Острее же всего и больше всего в таковом языке нуждаются как раз учреждения и работники международной связи — почты, телеграфа, телефона и радио.

Э. Дрезен.

¹ Существующий порядок надписи суммы перевода на национальном языке страны отправительницы приводит к тому, что в стране-получательнице возникают затруднения при сравнении и взаимной проверке цифровых и прописных обозначений переводимой суммы. Например, денежные переводы в довоенное время из России задерживались во Франции и в Испании выдачей на 2—3 лишних дня, т. к. они требовали предварительного сличения правильности и соответствия обеих надписей.

РАДИО И ЭСПЕРАНТО.

В современной фазе развития радио-любительского и эсперантского движения вопрос о необходимости теснейшего их контактирования представляется слишком очевидным. Радио-любительство в процессе своего развития прошло уже в большинстве стран ступени детекторных и ламповых приемников, и сейчас собственный радио-телефонный передатчик является предметом гордости каждого любителя-конструктора. Короткие волны произвели полный переворот в радио-технике в смысле уничтожения незыблемых до тех пор положений о мощностях, необходимых для перекрытия того или иного расстояния. С мощностью нескольких ватт оказалась возможной связь через океаны и громадные материки. Любители Англии и Франции регулярно сносятся с Америкой и Новой Зеландией.

При таком положении вопрос о выборе языка для международных сношений приобретает особую актуальность. Попытка найти выход путем использования английского языка давала еще с трудом решение задачи, пока главные кадры любителей составлялись из жителей англо-саксонских стран, но в настоящее время, в связи с вовлечением в радио-любительство Германии, Скандинавии и других стран Европы, а в особенности в связи с нарождающимся развитием любительских передатчиков в Советском Союзе, приходится искать какое-то новое решение.

Собравшаяся в апреле 1925 года в Париже международная конференция радио-любителей правильно нашла это решение, узаконив эсперанто в качестве *единственного признанного международного языка для радио-сношений*.

Основанием для принятия эсперанто в качестве международного языка для радио-телефонии послужило то обстоятельство, что все современные, так называемые «натуральные» языки обладают одним очень существенным недостатком, который затрудняет пользование ими при радио-сношениях.

Всем, кто пробовал изучать «натуральные» языки (русский, английский, французский и др.), хорошо известно, что их правописание часто не совпадает с произношением, благодаря чему вся

нервная система слушателя с ее центром — головным мозгом должна быть в постоянном напряжении, чтобы периферийные органы правильно исполняли веления центра.

Поясним это несколькими примерами из русского, английского и французского языков.

Вы сидите и записываете передачу по радио. Ваш радиоприемник принял определенные колебания эфира, и вы ясно слышите: «Московский Совет» и т. д. Импульс, данный вашему периферийному органу (уху), передается в центр (головной мозг), и оттуда поступает определенное задание другому периферийному органу — исполняющему, написать, имеющимся в вашей руке карандашом, услышанную вами фразу, но уже в исправленном виде, т. е. заменяя в первом и во втором слове звук «а» — звуком «о», (т. е. «Московский Совет»); то же самое мы будем наблюдать и в английском языке, услышав в радиотелефонную трубку «ту би», которое по приказанию мозгового центра графически воспроизводится совсем иначе — «to be», или французское «иль парль», изображаемое «ils parlent» и т. д.

Эти несколько коротких примеров ясно показывают, трудность всех существующих «натуральных» языков, благодаря их афонетическому правописанию.

Из производившихся неоднократно опытов передачи на большие расстояния с нашей мощной радиостанции имени Коминтерна на языке эсперанто выяснилось, что лица, совершенно незнакомые с названным языком, легко и точно могли стенографически записать все ими услышанное.

Причина возможности немедленно графически изображать слышанное лежит в том, что в эсперанто имеется одно правило произношения — *«все как слышится, так и пишется»*, поэтому нет ничего удивительного, что стенографисты — «габельсберговцы» легко справлялись с записыванием, организованных Центральным Комитетом СЭСС передач, но, что самое важное, при применении в радиотелефонии международного языка эсперанто, на Западе наши передачи, начиная с 25-го апреля 1923 года, не только систематически слушаются, но тотчас же и понимаются (речи гг. Дрезена, Замнаркомпочтеля Любович и автора статьи, переданные из Москвы, тотчас же появились в заграничной прессе). В данном случае мы уже наблюдаем то явление, что радиотелефония и эсперанто, дополняя друг друга, окончательно разрешили неотложную задачу момента — преодоление расстояния — для немедленной передачи человеческой мысли.

Предвидя прибытие в СССР многочисленных рабочих делегаций, которые будут иметь в своем составе затранных товарищей рабочих-эсперантистов, наша радиостанция МГСПС, начиная с 6-го февраля 1924 года организовала ряд удачно проведенных пробных лекций — уроков языка эсперанто. В настоящий же момент, в виду

настойчивых пожеланий о систематическом проведении курса эсперанто по радио, на радиостанции МГСПС организована регулярная передача уроков языка эсперанто через обслуживающую московские клубы проволочную трансляцию. Это дает уверенность в том, что более чем в 100 рабочих клубах, непосредственно связанных с радиостанцией МГСПС, мы сможем подготовить к весне кадры рабочих-эсперантистов. Они смогут обслужить ту потребность, которая выявилась при посещении Москвы заграничными делегациями, когда ЦК союза эсперантистов был засыпан просьбами о предоставлении опытных эсперантистов-рабочих для сопровождения делегаций, имевших в своем составе большой процент эсперантистов.

Не дожидаясь «санкционирования» эсперанто за границей в качестве официального языка для радиотелефонии, орган МГСПС, журнал «Радио-любитель» начал еще в 1924 г. помещать новости рабочего радио-любительского движения в СССР, печатая таковые на языке эсперанто, благодаря чему в настоящий момент наладилась крепкая надежная связь с радио-любителями даже таких отдаленных стран, как Австралия.

Начиная с 1926 г., официальный орган общества друзей радио РСФСР — «Радио — всем» — вводит у себя специальный эсперантский отдел и, независимо от этого, — краткое резюме на эсперанто всех прочих статей.

Почти все видные заграничные радио-журналы также в настоящее время широко пользуются языком эсперанто, печатая на нем по несколько страниц резюме всех статей, что дает их читателям возможность, зная только один язык эсперанто, следить за радио-любительской жизнью во всем мире.

Таким образом, в процессе своего развития радио-любительство постепенно приходит к теснейшему практическому контакту с эсперанто. Но с другой стороны, и самый язык эсперанто, являясь по своей сущности международным, ощущал и ощущает потребность в особом средстве связи, с такой же легкостью преодолевающим географические границы, с какой он сам преодолевает преграды разноязычия. Такое средство эсперанто находит в радио, не знаящем границ, а потому прежде всего международном.

Объединяясь вместе, радио и эсперанто составляют мощную силу,двигающую мир по пути единства и солидарности. Особенную ценность приобретает эта сила в условиях разворачивающейся в международном масштабе борьбы класса трудящихся со своим вековым угнетателем — капиталистическим миром.

Весьма характерна в этом отношении происходящая сейчас классовая дифференциация среди участников как эсперантского, так и радио-любительского движений. На ряду с аполитичными обществами эсперантистов возникают всюду рабочие группы, объединяемые SAT; на ряду с буржуазными обществами радио-

любителей и «друзей» радио растет и крепнет движение за создание в СССР *Рабочего Радио-интернационала* на тех же принципах, которые положены в основу рабочего радио-любительства, объединения профсоюзами.

Радио и эсперанто определенно становятся орудиями международной классовой борьбы и, оценивая их именно с этой точки зрения, мы и позволяем себе говорить как об их практической ценности, так и о необходимости теснейшего контакта между ними в повседневной работе.

Объединенными усилиями мы, радисты и эсперантисты, пойдем к общей цели. Преодолевая одни — пространство, другие — язычье, мы вместе будем способствовать скорейшему международному объединению трудящегося человечества и его окончательной победе.

А. В. Виноградов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЯЗЫК СРЕДИ СЛЕПЫХ.

Публикуя свое гениальное творение, автор эсперанто совершенно не думал о том, что через какие-нибудь десять лет этот язык позволит многочисленной всемирной семье слепых поставить практически вопрос об организации международной связи и международного общения между слепыми разных стран.

Слепых во всем мире насчитывается несколько миллионов. В одной России число их достигает 500 000 человек. Нужда и потребность в организации и связи у слепых несомненна.

Слепые пользуются для писания вместо буквенного особым точечным «брайлевским» алфавитом, который пишется при помощи особых приборов. Читают слепые при помощи осязания пальцами обеих рук наколотого точечного шрифта. Для подобного письма необходима толстая бумага, которая по своей плотности напоминает бумагу, употребляемую у зрячих для обложек ученических тетрадей. Только на такой бумаге сохраняются наколотые точки во время чтения. Написанная шрифтом Брайля страница имеет около одного миллиметра толщины, считая выпуклость выдавленных точек. Поэтому даже сравнительно небольшая (для зрячих) книга, переписанная или перепечатанная для слепых превращается в очень объемистый и тяжеловесный том. Печатаемые в небольшом количестве книги для слепых, обслуживающие узко-национальный и весьма ограниченный круг читателей, чрезвычайно дороги. Это одно уже является определенной причиной, побуждающей слепых, более чем кого-либо, стремиться к принятию какого-либо общего международного вспомогательного языка, на котором могли бы печататься книги для слепцов всех стран и всего мира.

Еще в 1899 г., в младенческие годы эсперанто, шведский слепой Тилляндер, сотрудничавший в органе шведских слепых, познакомился с языком эсперанто.

Тилляндер сразу же отдал себе полный отчет в том, какую роль придется играть языку эсперанто среди слепых. «Подумайте, — пишет он, — если бы слепые во всех странах, в которых обучение слепых удивительно шатнуло вперед, начали бы изучать международный язык. Газеты и книги, написанные на этом языке, тогда

не были бы стеснены какими бы то ни было языковыми различиями и благодаря этому получили бы более широкий контингент читателей и покупателей. Это дало бы возможность печатать книги в большем количестве, а также издавать и более солидные труды для слепых. Наконец (и это было бы самым важным), распространение эсперанто среди слепых дало бы возможность осуществить живой обмен мнений между слепыми различных наций. Быть-может, мы смогли бы даже основать международный университет для слепых».

В сентябре 1902 г., в Женеве на специальном совещании слепых эсперантистов разных стран в качестве эсперантского шрифта для слепых был принят интернациональный шрифт Брайля, мало чем отличный от обычных национальных систем Брайля.

И в 1904 г. появляется первый международный журнал для слепых на эсперанто «*Esperanta Ligilo*» (Эсперантская Связь). «*Esperanta Ligilo*» открывает слепым различных наций двери всего разноязычного мира. Эта газета, по мнению самих слепых, «является ярким светом в темной непроглядной ночи многих, многих слепых единомышленников языка эсперанто».

Разбросанная по всему миру сеть корреспондентов журнала дает возможность международному органу слепых сделать свое содержание таковым, что каждый из читателей всегда находит в очередном номере что-нибудь интересное лично для себя самого. Популярно-научные и профессиональные статьи чередуются с оригинальными литературными статьями, нередко написанными самими слепыми.

Почти все содержание этого органа слепых целиком, в переведенном виде, используется в национальных журналах для слепых, «*Esperanta Ligilo*» — это тот единственный источник, из которого пополняется вся международная хроника в национальных журналах для слепых. Надо сказать, что этот единственный международный орган слепых, издаваемый и печатаемый самими же слепыми, вполне может конкурировать своим содержанием и аккуратностью своего выхода с журналами, издаваемыми для зрячих.

Не безынтересно посмотреть, чего достигли слепые, используя эсперанто в качестве орудия связи и борьбы за облегчение своего существования.

В Германии в Лейпциге при Центральной библиотеке для слепых имеются: 1) специальный Эсперантский отдел и 2) Международное эсперантское справочное бюро по всемирной литературе для слепых. Подобные библиотеки для слепых эсперантистов существуют также в Лондоне и в ряде других городов Западной Европы.

Каждый слепой, состоящий подписчиком названных эсперанто-библиотек, может получать за поручительством соответствующих учреждений, все книги на эсперанто, изданные шрифтом для слепых. Так, например, лондонская эсперантская библиотека для

слепых имеет (в печатных или же в рукописных экземплярах) почти всю литературу, изданную для зрячих.

В Чехословакии (в Праге) имеется Международное статистическое информационное бюро для слепых, которое дает на языке эсперанто любую справку, касающуюся дела слепых всего мира.

Универсальная Ассоциация слепых эсперантистов позволяет каждому слепому эсперантисту предпринимать путешествие по всему земному шару. Сеть эсперанто-консулов для слепых приходит на помощь путешественникам-слепым при всех тех многочисленных затруднениях, которые неизбежны при незнании иностранных языков и которые особо ощутимы слепому, затерянному среди незнакомых мест и людей.

Ежегодно во время всемирных эсперантоких конгрессов происходят особые съезды слепых эсперантистов, на которых съехавшие слепые обсуждают свои чисто и узко, профессиональные вопросы. Так, например, на XV международном эсперантском конгрессе в Нюрнберге в 1923 г. присутствовало свыше 100 слепых делегатов из 20 стран.

В настоящее время за границей во многих странах к преподавателям, желающим работать среди слепых, предъявляется требование: выдержать особое испытание в знании языка эсперанто.

Из всего этого видно, что эсперанто за четверть века своего применения среди слепых достигло весьма существенных результатов.

Здесь уместно будет привести один характерный пример использования эсперанто во время путешествий. Делегатка чешской коммунистической партии, г. Сухардова, весной 1925 г. прибыла на пленум Коминтерна в Москву; несмотря на то, что она слепая от рождения, г. Сухардова, благодаря знанию языка эсперанто, смогла лично без переводчиков ознакомиться с постановкой дела образования и обучения слепых в России. В школах и детских домах для слепых она нашла учеников, которые владели языком эсперанто. Т. Сухардову везде сопровождали переводчики — слепые эсперантисты, благодаря чему она смогла войти в тесный контакт со всей массой слепых.

Следует упомянуть также о нашем слепом эсперантисте Василии Ерошенко, который благодаря знанию языка эсперанто объехал одиночкой почти весь свет. Он побывал в Англии, Японии, Сиаме, Китае, Германии, Франции и др. странах. В Китае в Пекинском государственном университете он читал на эсперанто лекции для студентов по истории русской словесности.

Все широко поставленные опыты преподавания языка эсперанто слепым в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Саратове и др. городах дали вполне положительные результаты, свидетельствующие, что слепые скоро и хорошо усваивают эсперанто. Это дает нам возможность надеяться, что в недалеком будущем мы сможем

организовать у нас в СССР международную революционную эсперанто-библиотеку для слепых всего мира; она будет тем светозарным средством, которое так необходимо дать трудящимся слепым других стран, систематически одурманиваемым «душе-спасительным чтением» и прочей филантропической ерундой.

Эсперанто должно стать орудием связи для трудящихся слепых всего мира, — орудием, которое позволит им осознать свои интересы, позволит более отчетливо выявить свои пожелания и свои настроения и которое выведет их на широкую дорогу международного сотрудничества и строительства новой жизни.

В. Жаворонков.

СТРУКТУРА РАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА.

(О поисках философского камня в языковом деле.)

Под выражение рациональный или «разумный» язык — подходит целая шкала (лестница) понятий. Эта шкала начинается от так называемых «философских» языков, т.-е. искусственных языков, которые создавались независимо от всевозможных форм различных существовавших до сих пор языков. Кончается же эта шкала любым языком, грамматика которого сведена в возможно стройную систему, удовлетворяющую требованиям общепонятной практической разумности.

Философские языки ставят себе целью наиболее полно, точно и ясно выражать непосредственно «идеи», «мысли» людей и выражать их не так, как они до сих пор выражались в звуковых языках, а так как они, по мнению сторонников этого типа языков, должны бы выражаться в соответствии с чистым разумом, подчиненным не законам и приемам речи того или другого языка (грамматики), а лишь законам правильной мысли (логика).

В «философских» языках или, вернее, в философских проектах (ибо ни один из них не функционировал еще и не функционирует как «язык»), мы можем усмотреть попытки подойти к «вещам в себе», к «абсолютной» объективной истине, к «чистому» разуму. В «рационализированных» же, т.-е. в теоретически обработанных языках практической действительности, практической жизни, мы можем видеть компромиссную готовность использовать то, что дано исторически готовым, для большего или меньшего (смотря по обстоятельствам и возможностям) упорядочения его, хотя бы и относительно, а не абсолютно.

В первой серии проектов («философских» или «априорных») можно, не стесняясь никакой практикой, предъявлять к языку всевозможные требования, хотя бы и не решенные еще ни в одном из существующих или существовавших языков, но осуществление которых будет признано желательным или полезным.

Во второй серии проектов («практических» или «апостериорных», т.-е. исходящих из привычных форм реально существующих

языков) очень часто все дело сводится к «упрощению» языка, т.-е. к устранению так называемых грамматических исключений, к упрощению грамматических правил, к сокращению числа грамматических форм, к облегчению его фонетики (звуков) и правописания. При этом в основу может быть положен любой язык, по тем или другим соображениям показавшийся его сторонникам наиболее подходящим. В разное время и в разных местах таким языком мог считаться древне-еврейский, латинский, французский, греческий, английский и любой, хотя бы турецкий и китайский.

Так как амплитуда (ширина размаха) между этими двумя полюсами (крайними точками) философских и апостериорных языков очень велика, то многие проекты «искусственных языков» группируются в средней части этой шкалы (лестницы), т.-е. пытаются устранить излишества обоих крайних пунктов ее («доктринерство» априоризма и «хвостизм» апостериоризма) и совместить положительные стороны обоих типов (логичность априоризма и практичность апостериоризма). Благодаря этому получается группа языков, которая в научной литературе по истории вопроса о международном языке известна под названием группы языков *смешанного* типа («мижст»), т.-е. в которых по возможности совмещены как самые беспорные принципы философских языков, так и самые беспорные принципы практических языков. При этом, конечно, из обеих категорий принципов приходится выбирать не только лишь то, что бесспорно, но кроме того то, что совместимо, примиримо между собой, чтобы получилось нечто органически-слитое и целое, а не нечто лоскутно-пестрое.

В теоретических построениях крайние положения и выводы часто имеют привлекательное преимущество логической простоты и принципиальной ясности. Благодаря этому эти крайние положения часто получают характер внешней убедительности и притягательной силы. Гораздо труднее найти ту «золотую середину» между противоположными крайностями (полюсами), которая была бы не только теоретически убедительна, но и исторически правильна, т.-е. осуществима.

Тут мы прежде всего натываемся на чрезвычайно трудный и спорный, именно с теоретической точки зрения, вопрос, — что практично и что не практично. Трудность этого вопроса заключается в том, что здесь решение неизбежно приобретает субъективный оттенок, потому что то, что одному кажется практичным, другому кажется непрактичным и наоборот.

Но трудность задачи не то же самое, что ее неразрешимость. Многие трудные вопросы разрешаются нами ежедневно; и часто то решение, которое априори (от разума, до опыта) казалось наиболее трудным, оказывается фактически, в действительности, апостериори (от практики, после опыта) наиболее легко осуществимым, целесообразным и практическим.

Возьмем наиболее яркий из незабытых еще многими из нас примеров — проблему воздухоплавания. Априори казалось наиболее легким и «естественным» разрешение этой проблемы путем применения веществ и аппаратов, уменьшающих удельный вес, позволяющих плавать в воздухе (отсюда воздушные шары, водород и т. д. даже еще в «цепелинах» кануна мировой бойни). Апостериори же оказалось, что воздухоплавание развилось в «практическое» дело громадной важности лишь после отказа от этого направления мысли. Теперь мы летаем при помощи моторов, которые не только тяжелее воздуха, но даже тяжелее воды, которые тонут и в воде, не только в воздухе. А тем не менее мы летаем и летаем именно на тяжелых, а не на легких аппаратах, на металлических, а не на «воздушных» и «газовых».

Так и вопрос об языке. Многое, что кажется для незадачливого проектиста наиболее «легким» и «естественным», оказывается на практике неудобным, обременительным, неприемлемым.

Бывает, конечно, и наоборот.

Например, автор небезызвестного волапюка, подходивший в одиночку из своего рабочего кабинета к вопросу о создании искусственного языка для всего человечества, был прав, когда рассуждал так: какой язык из всех культурных языков мира является наиболее распространенным и кроме того продолжает быстрее всех других распространяться? Конечно, английский. Следовательно, поскольку он сам, в силу разных причин, не может стать языком всего человечества, в основу словаря будущего языка нужно все-таки положить именно английские слова. Разве это не логично. Логично. Дальше: какой народ составляет наибольшую часть человечества, вследствие чего его языковые привычки должны быть уважены и приняты во внимание в наибольшей степени? Конечно, китайский. Следовательно, в основу фонетики, т.-е. законов произношения будущего языка должен быть положен принцип отказа от тех звуков, которые трудны китайскому народу. Разве это глупо. Конечно, нет. Логически это правильно.

А в результате мы в проекте волапюка получили для названия Европы слово «Юлоп», которое чуждо одинаково и англичанам и китайцам, т.-е. подавляющему большинству человечества, а для названия Америки «Мелюп», которое чуждо не только англичанам и китайцам, но, что всего интереснее, также и американцам всех рас и всего Нового Света.

Поэтому мы можем признать, как один из основных принципов искусственного языка, что он по основной сущности своего характера должен отбросить не только претензии, но даже мечты об охвате всего процесса культурного развития человечества, так сказать, вне времени и пространства, ибо это было бы не разумно, не рационально, нарушало бы одно из бесспорных положений здра-

вого смысла, которое устами Кузьмы Пруtkова сформулировано так: *нельзя объять необъятное*. . .

В чем же с нашей точки зрения заключалась основная ошибка автора волапука. В том, что он думал, будто он дает человечеству в 1879 г. *всемирный язык*, т.-е. тот язык, который должен стать общим языком для всего человечества, для всех стран, народов и времен. . . О последнем мы в праве говорить, ибо при проектировании своего языка он учитывал языковые привычки китайцев, отдаленных в 1879 г. (год изобретения волапука) еще десятилетиями от начала своей первой революции, которой предстояло впервые потрясти основы патриархально-феодального националистически-замкнутого строя, отделявшего от всего остального человечества не только массу китайского народа, но также и его интеллигентские верхи.

Такой скачок через целый ряд исторических ступеней немислим с точки зрения общих законов эволюции, так же немислим, как немислимо ни для какого народа одним скачком, одним усилием воли перескочить из патриархального самодержавного строя с натуральным мелко-собственническим замкнутым хозяйством в строй республиканско-советский с национально-коммунистическим хозяйством. Неизбежны какие-то этапы, какие-то посредствующие переходные звенья.

В языке для его развития прежде всего необходимо, чтобы он жил, существовал. Для существования языка важно, необходимо, чтобы им пользовались, чтобы его употребляли, а для этого важно, необходимо, чтобы кто-то его принял, чтобы кто-то признал его годным, удобным, приемлемым для себя. А для этого мало *назвать* язык всемирным или международным — необходимо, чтобы он привлек к себе с самого начала какой-то основной, первоначальный кадр сторонников и приверженцев, которые решили бы его испробовать, использовать, применять предпочтительно перед всеми другими и которые после этого опыта не разочаровались бы в нем.

Вот основной экспериментальный (опытный) критерий (мерило) разумности или неразумности (рациональности или иррациональности) языка. Тот язык, который никому не нужен и никем не употребляется, не может быть «разумен», ибо с нашей, т.-е. с материалистической, точки зрения, не может быть вообще «разумно» то, что не может даже появиться на свет, существовать. Лишь существующее может быть разумным или неразумным, а все несуществующее является нереальным и относится или к метафизическим (заумным, стоящим по ту сторону ума, как аппарата здравого смысла) построениям, или к бредовым фантазиям, или, в наилучшем случае, к «предчувствиям» будущего, о которых тогда только и судить можно будет, когда придет время их осуществимости.

И вот опыт, этот первейший материалистический критерий разумности и неразумности, показал очень скоро и быстро, что волапуковское «Юлоп» было неразумно и что для нашей эпохи эсперантское «Эуропо» гораздо разумнее. Почему. По многим причинам. Во-первых, потому, что это слово нужно в данный момент не только для тех, кто знает (по практике или из теории), что англичане выговаривают название Европы «Юроп», но и для всех тех, кто никогда не слышал и не интересовался (а таких все-таки большинство), как англичане выговаривают это слово, но которые тем не менее из всяких надписей, заглавий, прейс-курантов, путеводителей, справочников и т. д. все-таки знают, что даже и по-английски это слово пишется шестью буквами, которые дают на большинстве языков приблизительно следующее: $e + y$ (ю) $+ p + o + n + a$.

Во-вторых, потому, что большинство тех, которые не знают того, как пишется это слово у большинства культурных народов современности, пока что не нуждаются в том, чтобы с какими-нибудь представителями других языков и народов переписываться и разговаривать о судьбе этого материка; те же, которые уже имеют возможность, охоту и нужду в этом, почти все без исключения знают, что материк белой расы называется словом, которое состоит из 3-х слогов (или $2\frac{1}{2}$ слогов в языках, где есть полуслоги), в котором имеются две согласных «р» и «л», гласная (обычно с ударением) «о» и комбинация гласных, разнo произносимых, но обязательно в себе содержащих звук «е» и что-нибудь близкое к «ю» — «у» — «в» и которое имеет окончание, сообразное с грамматическими правилами данного языка.

Опыт с эсперанто, где Европа называлась «Еуроро» (письменно), выговаривавшееся как «Эуропо», показал, что этот язык практически разумен, несмотря на то, что его немецкие адепты пробовали постановить,¹ что, хотя против письменной формы этого слова они ничего выразить не могут, но они предлагают «усовершенствовать» этот язык, введя в него дополнительное правило, что буквы «ей» (дифтонг) должны выговариваться, как русский дифтонг (двугласная) «ой»... Это явилось бы исключением из общего правила, противоречием принципу о неизменности звукового значения каждой буквы. Немецкие защитники этого «усовершенствования» были искренно убеждены в том, что ввести это исключение как общеобязательное правило значит «улучшить» язык. Большинство эсперантистов, т. е. все не немцы, не согласились с немцами и таким образом правило о произношении букв «ей» одинаково с буквами «oj» не прошло. Непрактичность и неразум-

¹ На втором Германском общенациональном съезде эсперантистов в 1907 г. в Лейпциге.

ность этого «улучшения» оказалась ясной для большинства, ибо ясен был узкий и односторонний источник этого улучшения.

Не всегда, однако, узость и односторонность источника так ясна, ибо не всегда подобный источник является результатом такой ясно групповой, односторонней точки зрения. Иногда проекты подобных улучшений по тактическим соображениям облачаются даже в формы якобы логически «самоочевидного» требования.

В 1907 г. некоторые ученые лингвисты и математики из рядов эсперантистов провозгласили принцип: «между словом и мыслью должно быть такое взаимоотношение, что путь от слова к мысли должен быть так же прост и ясен, как и путь от мысли к слову, иными словами пути эти должны быть адекватны, должны взаимно покрываться». . . . Большинство тех, кто впервые услышит такое логическое («самоочевидное») требование, подумает, повертит пальцем перед глазами и решит, а отчего бы в самом деле и не так. Ведь это, как-будто, правильно и хорошо. . . . Ведь, три всегда три, где бы оно ни стояло. Почему бы всем элементам языка не быть всегда равными самим себе. Тогда бы слова являлись регулярными шифрами мысли: когда я пишу или говорю, я как бы зашифровываю свою мысль словами или звуками, т.-е. перехожу от мысли к слову, а тот, кто читает или слушает, тот как бы расшифровывает мою мысль, т.-е. переходит от слов к мысли. Неправда ли, как правильно, логично и соблазнительно.

Для этого «гениального по простоте и глубокомыслию» правила изобрели даже специальный научно-философский термин «le principe de renversibilité» . . .

Так как инициаторами его воззвания были французы, то и название ему первоначально было дано по-французски.

Провозглашатели этого принципа забыли только одно, пустячек, а именно, что ни один разумный человек, ни одно вообще разумное существо не выражает своей мысли изолированными, разрозненными, одинаковыми словами. И что нет, поэтому, такого языка, где бы одиноко стоящее слово, *неизвестно почему и для чего произнесенное или написанное*, могло выражать какую-либо законченную мысль, самодовлеющую и ценную.

Другими словами, тут проявилась переоценка (чрезмерная оценка) понятия «слово» и недооценка понятия «текста», мысли, идеи, выраженных совокупностью слов, контекстом.

Мы уже не будем говорить о таких случаях, где вследствие «омонимичности» слов (т.-е. их подобиозвучия) разные значения понимаются под одинаковыми звуками, как: «коса», «лук», «есть», потому что эти случаи считаются как бы изъянами (дефектами) языка, хотя, подчеркиваю, они существуют во всех языках в большей или меньшей степени. В других языках их еще больше, чем в русском языке, ибо они представляют неизбежный результат

ограниченности звукового материала, которым располагает каждый отдельный язык.

Но важно то, что любое слово становится бессодержательным, пустым звуком, если мы не знаем, к кому и к чему оно относится.

Возьмем даже такое, повидимому, яркое слово, как «пощади». . . Если вы не знаете, откуда я его взял, то, хотя и грамматически и лексически (словарно) оно вам «понятно», как вы будете знать, идет ли речь о том, что вы должны пощадить кого-то, или вас должен пощадить кто-то, вы ли это говорите кому-то, или вам говорит кто-то или же ни вы, ни вам, а кто-то третий, кому-то четвертому и т. д.

Ибо не «слово» есть основа речи, а фраза (грамматически — предложение). Иначе мы читать будем как гоголевский Петрушка, а говорить как гончаровский «человек» («и зримо ей внезапно стало незримое с давнишних пор»).

Это, конечно, не следует превратно истолковывать в том смысле, будто слова, входящие в одну фразу, следует и полезно сливать в звуковом отношении в одну неразрывную нить, путем то выбрасывания разделяющих гласных (по примеру французского *élision*), то вставлением связывающих согласных (наподобие французских *t, z* и т. п. при *liaison*), например, *l'ideo* вместо *la ideo*, *me ed el* вместо *me e el*, *me od ol* вместо *me o ol*, *ka alfabeto* вместо *ka alfabeto*, *ka espere* вместо *ka espere*, *l'abelo* вместо *la abelo* и т. п. Этого не следует делать и это не полезно, ибо фраза не должна быть непрерывным скользким звуковым потоком, ссученным в одну звуковую нить, а должна быть четким, легким расчлененным (по слуху) полиномом (многочленом).

Когда нас соблазняли «лотичностью» принципа обратимости (*de renversibilité*), якобы осуществляемого в математике, то играли на том, психологически недостаточно отмеченном факте, что мы сами обычно, если слышим, например, слово «три», то (если мы догадываемся сразу же, что речь идет о цифре, числе, количестве «3») мы сейчас же сами про себя в уме представляем какой-нибудь «контекст» — ряд связанных чем-либо слов, который придает более или менее определенный смысл тому слову, которое мы слышим (или видим). Так, например, при звуках слова «три» мы обычно не думаем о повелительном наклонении от глагола «тереть», поскольку нам обычно нечего и нечем тереть и поскольку говорящий нам это слово, повидимому, не заинтересован ни в каком «трении»; чаще всего мы сейчас же создаем себе в уме автоматический ряд: два, три, четыре и, таким образом, оказывается, что «три» есть то, что стоит в нашем уме между «два» и «четыре». . . Но в том-то и дело, что этого еще слишком мало. Что такое означает именно то «три», которое нам продиктовали или показали, звук которого до нас донесся или знак которого попал в наше поле зре-

ния, мы еще не знаем, пока, напоминаю, мы не знаем, в какой связи, в какой комбинации, контексте, фразе, начертании мы его находим. Начнем, повидимому, с простейшего. Мы имеем ряд (десяток или более) троек... 33333 33333... Которую из этих троек имеет в виду написавший или сказавший. А ведь каждая из этих троек имеет совершенно другое абсолютное нумерационное значение. Я их написал десять, а мог бы написать и сто, и тысячу, и более, и каждая из них имеет специальное значение, не выраженное ни звуком, ни начертанием, следовательно, передаваемое и изображаемое не ею самой, а лишь контекстом, определяющим ее положение по отношению к другим смысловым элементам и знакам.

Этого мало. Пойдем дальше. Возьмем: $\frac{1}{3}$ (как знаменатель); как делитель :3; $\frac{3}{1}$ как числитель; как множителю $\times 3$. Эти тройки по своему значению различны и даже противоположны. Дальше, три отрицательное — 3 (или вычитаемое; например, 3 градуса мороза или 3 рубля расхода) не имеет ничего общего с 3-ей степенью или с кубическим корнем.

Я ограничиваюсь этим простейшим и нагляднейшим примером, но я полагаю, что и этого достаточно, чтобы сделать ясною ту мысль, что, поворачивая принцип «обратимости» вокруг его оси, мы видим, что при каждом повороте мы получаем новую значимость, новый смысл и что $3^\circ 3' 3''$ и т. д. также взаимно незаместимы, как и две тройки (3, 3), стоящие перед и после запятой, и что $3^\circ 3' 3''$ имеют больше общего по смыслу с $4^\circ 2' 5''$, чем например, с сочетанием $3[3(3)u - 3\sqrt[3]{x^3}]^3$, где нет других цифр кроме «3».

Тем паче неразумно было бы возводить в принцип что-либо подобное в живой разговорной речи. Мы никогда не даем (и не можем давать) в своем слове полное выражение своей мысли. Иногда для этого, т. е. для изложения одной мысли, мы пишем целое сочинение в несколько томов, даже серию сочинений. А в этих сочинениях и в каждом отдельном томе, каждое отдельное слово является сокращенным намеком, приближающим постепенно к пониманию подразумеваемой нами нашей основной мысли. И самая лучшая форма изложения та, где эти намеки всего последовательнее и постепеннее изложены в виде ряда самых ясных, коротких, простых, быстро схватываемых и быстро, легко расшифровываемых намеков.

На это читатель, обольщенный заманчивостью принципа «обратимости», может ехидно заметить: это все ваши личные, априорные возражения, но до сих пор вы претендовали, будто вашим критерием, в конечном счете, является опыт, а здесь вы почему-то забыли об этом критерии... Почему это произошло? Не потому ли, что в данном случае этот критерий не дал тех результатов, какие вам были бы желательны?

Нет, не потому.

Тут опыт дал чрезвычайно интересные и поучительные последствия. Те же самые французские провозвестники «принципа образности», когда дело дошло до его практического применения, вместо «слов-формул», дающих будто бы формулировку понятий, удобную для зашифровки и расшифровки, фактически на практике принялись за систематическое гонение на «слова-шифры». Вместо них, в виду выявившейся неосуществимости и утопичности этих «разумных слов» в языковую систему реформированного эсперанто — «идо» стали вводить систематически целыми пачками «слова-клички», «слова-названия» под предлогом обогащения и уточнения своего словаря. Это не то, что «слова-намеки», «слова-образы».

Другими словами, в словаре вместо одного корня общего (или основного) значения, от которого путем формального словообразования мы можем получать достаточное число слов-намеков, которые в контексте обычно оказываются достаточно ясными и потому безошибочными понятиями, мы имеем в обязательном для нас словаре несколько ничем между собою по форме не связанных корней узкого и частного значения, относительно которых никогда нельзя с уверенностью сказать (благодаря их раздробленному специализированному значению), охватывают ли они все поле оттенков данного значения.

Так, во имя мнимого, кажущегося, обманчивого (иллюзорного) преимущества, мы пожертвовали бы несомненным преимуществом каждого рационально-построенного словаря, а именно: определенностью числа входящих в него основных словарных корней, при чем это число должно быть как можно более умеренно и, по возможности, ограничено пределами бесспорной (действительной) необходимости.

Если нежелательно обременение словаря излишними корнями-словами, то еще более нежелательно обременение грамматики (т.е. самого структурного плана языка) излишними словопроизводственными элементами (суффиксами и префиксами). Словарь может служить, приносить пользу даже и при частичном его знании или использовании. Грамматика же нужна в полном своем объеме с самых же первых шагов практического употребления языка. Между тем, применение принципа умножения словопроизводственных элементов привело к тому, что вместо 28 приставок эсперанто в системе идо принято для международного употребления 65 самостоятельных и отличных приставок. Что из этого получается практически, мы увидим из отдельных примеров ниже, пока же мы отметим лишь два факта, неотвратимо из этого возникающих: 1) усвоение системы 65 аффиксов по сравнению с усвоением системы 28 аффиксов требует по крайней мере в два с лишним раза больше труда и усилий (в действительности больше, но, считая этот вопрос технической деталью, мы его на этот раз не будем

освещать полно и подробно); 2) выбор наиболее подходящего аффикса в системе идо требует по сравнению с системой эсперанто гораздо больше, чем в два с лишним раза труда и усилий, и дает соразмерно с этим гораздо больше шансов на ошибку, чем в эсперанто. В качестве подтверждения напомним следующий психологический факт: если трудность выбора из двух мы признаем за 1, трудность выбора из трех будет равняться не $1\frac{1}{2}$, а 4, из четырех — не 2, а 9 и т. д.

Желая ограничить разрастание как словарных, так и грамматических (в частности словопроизводственных) элементов, идистам пришлось прибегнуть к провозглашению принципа «специфичности» корней, и вот, вместо корней принципиально независимых от своей грамматической формы, каковыми являются корни эсперанто, в идо появились корни с вложенной в них скрытно грамматической идеей (об их принадлежности к той или другой словарно-грамматической категории, или, говоря грамматическим термином, к той или другой «части речи»).

В результате этого получилось следующее: корень «*patr*», в эсперанто означает идею родительства вообще, т.-е. полового участия в производстве потомства, а отцовства в частности, т.-е. участия мужчины, самца, отца, и не включает в себе никакой грамматической идеи (о форме, о части речи). Вследствие этого этот корень от простого прибавления грамматических окончаний может стать и прилагательным «отцовский» (*patra*), «родительский» (*geratra*), «материнский» (*patrina*) и наречием «по-отцовски» (*patre*), «по-родительски» (*geratre*), по-матерински» (*patrine*). В идо же с введением принципа «специфичности корней» корень «*patr*» стал означать идею существительного (грамматически), но... бесполого (реально, логически) асексуального (гермафродита, может-быть) чего-то — не то отца, не то матери, не то ни отца, ни матери. Идея «отца» требует в идо прибавки «*ul*» (*patrulo*), идея матери прибавки «*in*» (*patrino*), а получение от этих слов прилагательного требует уже не просто грамматического окончания, а особого словопроизводственного элемента (суффикса) — «*al*», либо «*es*», (вместо эсперантского «*es*»), либо «*atr*», смотря по категории прилагательного: *patrala*, *patresa*, *patrula* или, вернее — *patrulala*, *patrulesa*, *patrulatra*, даже *patruloza* (отцовский (сын), т.-е. имеющий отца).

Выиграло ли от таких нововведений соответствие между языковыми формами и здравым смыслом, как творцом, источником излагаемых мыслей?

Повидимому, ясно, что нет.

Идея «*patr*», как полового участия в производстве потомства и преимущественно мужского участия, соответствует не только общему здравому смыслу, но и традиции, привычке большинства культурных языков, где именно корень «*patr*» (*pater*, *padre*, *père*,

Vater, батя), а не та или другая грамматическая приставка указывает отца.

В результате слово «patrino» (patr + in) в эсперанто ясно, точно и достаточно указывает идею матер-ин-ства. В системе же идо для выражения понятия «мать» слово-намека, слово-образ patrino уже не подится, ибо, с одной стороны, оно не содержит идеи «отца» (она ведь без «ш» не выразима), а, с другой стороны, оно содержит идею существительного и потому для женского прилагательного наиболее общего характера требует суффикса, «al», получается «patrinal». Последняя форма дает для идеи «материнский» звуковую комбинацию, противоречащую этой идее, благодаря своей звуковой близости к французскому *paternel*, латинскому *patrinalis*, которые (оба) означают отцовский. . .

И пришлось, чиня этот незадачливый Тришкин кафтан, опять же ввести слово-кличку, слово-опецтермин для «матери», а именно *matro*, которое равнозначно первоначальному «patrino», но произведено не путем феминизации основного корня, а путем замены начального «р» на «м». . . В результате теперь уже в идо можно вместо «patrinala» сказать «matrala» (а не то *matresa*, *matratra* или *matroza* — смотря по обстоятельствам) и тем избежать неудобств и двусмысленностей «patrinal». Но стбит ли овчинка выделки? Стбит ли результат (слово *matral*) по своей роли в языке того, чтобы из-за него или для него вводить слово «matro», могущее людей, не воспитанных на «романских» языках, привести к догадке, что по формуле «patro-matro» можно «феминизировать» (т.-е. получать выражения для названия женщин и существ женского пола, самок по такому рецепту: *patro* (священник, жрец), *matro* (попадья, жрица), *porco-morco* (свинья) и проч.).

Чувствуя ту скользкую наклонную плоскость, на которую ставит введение слова-клички «matro», авторы идо сочли неотложным ввести в свой словарь почти для всех самок названия, кои часто требуются и употребляются вместо слов-образов, феминизированных посредством «in» (*fratino*, *fraulino*, *sinjorino*), целую серию слов-кличек: *sororo*, *damzelo*, *damo*, сверх *fratino*, *siorino*, *siniorino*, которые в идо также имеются.

Таким образом получается значительное число совершенно новых и лишних коренных слов, подлежащих обязательному изучению.

Перейдем к рассмотрению вопроса о специфичности корней, о присоединении к корням идей отдельных частей речи.

В эсперанто — первом международном языке, выдержавшем почти сорокалетнее публичное испытание — слова-корни группируются в 5 категорий: 1) названия предметов и идей (признак «o»), 2) названия качеств и отношений (признак «a»), 3) названия действий и состояний (признаки «i»), 4) названия обстоятельств, связанных с предметами, качествами или действиями (признак «e») и 5) все прочие формальные частицы, указывающие

взаимную связь слов или групп (общего звукового признака в виде окончания) не имеют, но в толковых словарях отмечены отсутствием в конце их отделительной черточки ('), указывающей необходимость присоединения одного из 4-х вышеуказанных «признаков».

Например: 1) *pafo* — выстрел, *bato* — удар, *varmo* — тепло, *dono* — дар, *broso* — щетка, *turno* — оборот, *unu* — единица, *io* — нечто;

2) *bova* — бычий, *porka* — свиной, *sala* — соленый, *akva* — водяной, *unua* — первый, *ia* — какой-нибудь, *flanka* — сторонний, *ekzempla* — примерный;

3) *kroni* — короновать, венчать, *brosi* — чистить, *sal* — солить, *lumi* — светить, *fotografi* — фотографировать, *marki* — снабжать маркой;

4) *patre* — отчески, по-отцовски, *porko* — по-свински, *lumo* — светло, *sale* — солоно, *krono* — венцеобразно, *unue* — во-первых, *flanken* — в сторону, *ekzemple* — например, *vice* — рядом, *ien* — куда-нибудь, *maldekstren* — налево;

5) *kaŝ* — и, *unu* — один, *ankaŭ* — также, *ankoraŭ* — еще, *al* — или, *kontraŭ* — напротив, *sed* — но, *mi* — я, *iel* — как-нибудь, *anstataŭ* — вместо, *kvasaŭ* — как-будто, *malgraŭ* — несмотря на.

Имеются ли возражения с точки зрения разумности?

Повидимому, нет.

Но с точки зрения ошибочной философии (так называются те занятия философией, которые также относятся к философии, как графомания, виршеплетство к поэзии), в системе *идо* вместо этого должно быть:

1) *rafuro* (отчего не *rafifo*?) — выстрел, *batur* (*batifo*?) — удар, *varmeso* (*varmifo*?) тепло, *donaĵo* (*dono*?) — дар, *brosilo* — щетка, *turnuro* (*turnizo*?) — оборот, *uno* — единица, *ulo* — нечто, *markezo* — маркиз;

2) *bovulala*, *bovulesa*, *bovuloza*, *bovulatra* (смотря по оттенку смысла) — бычий; *porkulala*, *porkulesa*, *porkuloza*, *porkulatra* — свиной; *salala*, *salesa*, *saloz*, *salatra* — соленый; *aquala*, *aquesa*, *aquoz*, *aquatra* — водяной, водный; *unesma* — первый; *ula* — какой-нибудь; *lateralala*, *lateresa*, *lateroza*, *lateratra* — сторонний; *exemplala*, *exemplesa*, *exemplaza*, *exemplatra* — примерный.

Примечания: все эти прилагательные могут употребляться и без «а».

3) *kronizar* — короновать, *brosar* (*brosusar*?) — чистить, *saligar* или *salizar* — солить, *lumigar*, *lumifar*, *lumizar* — светить, *fotografar* (*fotografifar*) фотографировать, *markizar* — снабжать маркой и т. д.

Что это — рационализация? Нет, это ошибка, заблуждение, путаница, проистекающие из неправильных ошибочных исходных точек и аналогий, выведенных на их основании.

Основные принципы рациональности в структуре языка: 1) возможно меньшее количество легко и четко различаемых общеобязательных элементов, при возможности наиболее разнообразного и разностороннего их комбинирования, и 2) возможно большая неизменяемость и постоянство раз введенных в общеобязательное пользование и употребление элементов.

Конкретнее: знак существительного («о») должен всегда и неизменно оставаться знаком существительного, а не играть в прятки, то высовываться, то прятаться; знак прилагательного («а») должен находиться при каждом прилагательном; знак множественного числа должен неизменно сопутствовать каждой множественной форме; знак объекта действия или движения должен отмечать каждый объект в отличие его от субъекта; определения существительного и определения глагола не должны смешиваться *bona verkisto bone verkas* — хороший писатель хорошо сочиняет); определения различных существительных должны, по возможности, легко быть относимы к своим определяемым (*Vere bona patro, kiel ankau aliaj bonaj patroj, bone komprenas, ke lia devo estas bone eduki sian bonan filon, kiu heredis de il multajn bonajn kvalitojn.* — Действительно хороший отец, как и другие хорошие отцы, хорошо понимает, что его цель хорошо воспитать своего хорошего сына, который унаследовал от него много хороших качеств).

Рациональный международный язык неизбежно должен играть и играет роль пропедевтического педагогического средства (подготовительно-воспитательного), т.-е. он должен в самой простой для усвоения и наглядной для неизощренного ума форме, удобной для пользования, давать наиболее нужные и ценные достижения высшей языковой культуры в общее пользование представителей всех восьми (8) главных типов человеческих языков, к которым привыкло и которыми пользуется все многоязычное современное человечество.¹

Многим из представителей этих языков чуждо то или другое из вышеуказанных грамматических достижений в их собственных языках, но всем им одинаково необходимо усвоение всего, что выше отмечено, в целях создания объединяющего моста, ведущего к практическому построению живого объединяющего языка.

Рациональное не есть синоним идеального, если под последним даже понимать разумный, реальный идеал, а не субъективные измышления некоторых индивидуальных мозгов.

Рациональное есть та часть идеального (в наилучшем положительном смысле этого слова), которая соответствует объективным условиям данного (переживаемого), времени и места. С этой точки зрения наш вспомогательный искусственный объединяющий язык

¹ См. Fink «Die Haupttypen des Sprachbaus».

не может даже претендовать быть «идеальным» (т.-е. совершенным, неулучшимым), если он хочет быть «рациональным» (т.-е. разумным, осуществимым, применимым).

Но, конечно, нерационально также, не учитывая ближайших ступеней переживаемых фаз развития, останавливаться на ступенях, фактически уже пройденных.

Рациональный международный язык должен включать в себя те элементы, совершенствующие его построение, которые намечаются в наиболее совершенных и развитых естественных языках и которые эти естественные языки стремятся осуществить. Мы не можем считать рациональными сложные и путанные языковые формы, в роде системы «*Interlingua*» и «*Latino sine flexione*», несмотря на то, что они понятны с первого взгляда всей теперешней международно-настроенной национальной мелко-буржуазной интеллигенции.

Выводы из всего этого такие: 1) философия в области языка не всегда ведет к его рационализации, не всегда увеличивает, усиливает его рациональность, а иногда, напротив, даже уменьшает, ослабляет его рациональность, и

2) не всякая «рационализация» (вернее—желание или попытки рационализировать) приводит к большей рациональности (разумности).

Вследствие этого, с чистой совестью и полным убеждением мы должны признать, что возможное приближение к идеалу рационального языка представляет собой система международного языка эсперанто. Практическое применение и развитие этой системы в течение 40 лет сделано больше в смысле ее уточнения и действительной рационализации ее форм, чем теоретические измышления, потуги и отсебятины 240 авторов всех прочих систем искусственных философских, смешанных, логических и разумных языков.

Н. П. Евстифеев.

ЭСПЕРАНТО ПЕРЕД СУДОМ НАУКИ.

Владимир Ильич Ленин в 1914 г. по поводу вышедшей в свет в издании Рябушинского книжки Струве писал: «Барский скептицизм характеризует ее (буржуазию), как и все приходящие в упадок классы, но идея естественного закона в функционировании и развитии общества не приходит в упадок, а крепнет все более и более». Барским скептицизмом заражены почти все ученые и профессора не только феодального, но и «культурного» буржуазного общества. Принадлежность к классу собственников мешает им быть беспристрастными в области науки, которая рождается из практики и потребностей жизни, из борьбы различных классов между собою и всего человечества в целом с природной стихией.

В результате, наука при помещичье-дворянском и буржуазном строе замедляется в своем естественном темпе развития и те ученые-одиночки, которые восстают против этого, двигая вперед науку, встречают на своем пути такие препятствия, которые преодолеть и вынести в силах лишь наиболее настойчивые и неустрашимые из них. Достаточно хотя бы поверхностно проследить историю возникновения наиболее важных изобретений и открытий, чтобы подтвердить это. Почти каждый знает, как реагировали ученые противники Галилея, когда им предлагалось взглянуть через телескоп на спутников Юпитера и на солнечные пятна: они упорно повторяли, что спутников и пятен «не может быть».

Вращение земли было объявлено абсурдом не только ученой Сорбонной в XVI веке, но даже в 1806 г. академик Лемерсье на страницах одного французского журнала пытался доказать, что утверждение, будто земля вращается вокруг своей оси, является шарлатанством.

Знаменитый Гальвани, открывший в XVII в. электрические явления при опытах над лягушками, был осмеян и прозван «Танцмейстер лягушек».

По поводу изобретения парохода Фультоном в 1804 г., среди тогдашних ученых по адресу изобретателя раздавались возгласы: «Сумасбродная идея! Грубое заблуждение!» В конце-концов,

Наполеон Бонапарт приказал прекратить опыты над выдумкой «американского интригана».

Равным образом, несочувственно было встречено учеными изобретение паровоза и чугунной дороги. Экономисты предостерегали, что с постройкой «чугунки» ценность земли падет, что поступления от транспортных пошлин уменьшатся и т. д. Доктора пугали, что у пассажиров быстрая езда будет вызывать сотрясение мозга, что люди будут задыхаться при езде от дыма и проч. и проч.

Относительно практического значения телефона в старом энциклопедическом словаре можно найти такой отзыв: «Призван ли телефон к выполнению ответственных общественных функций? В последнем можно усомниться».

Когда физик Дю-Монсель в 1878 г. демонстрировал в Академии Наук фонограф Эдиссона, академик Буйллар воскликнул: «Мы не позволим издеваться над собой какому-то чревоушателю. Возможно ли предположить, чтобы презренный металл действительно воспроизводил благородные звуки человеческой речи».

По вопросу о возможности изобретения летательных машин (аэропланов), мы имеем следующее «авторитетное» заключение знаменитого астронома Лаланда, напечатанное в «Journal de Paris» в 1781 г.: «Доказано, что человеку абсолютно невозможно подняться на воздух при помощи искусственных крыльев или каким-либо иным образом. Человек создан для земли, — таков закон природы».

Приведенные выше примеры, далеко не исчерпывающие истории борьбы за прогресс науки в области технических изобретений, достаточно ярко говорят о том, что и буржуазия не отставала от феодалов в отношении боязни перед каким бы то ни было «новшеством» даже в том случае, если последнее и открывало возможности дальнейшего роста капиталистического хозяйства. Этот страх объясняется тем, что вместе с развитием техники растет сопротивление эксплуатируемой части общества, стремящейся изменить сложившийся и долженствующий, по мнению буржуазии, существовать вечно капиталистический строй.

Если так обстоит дело с техническими изобретениями, могущими лишь в слабой степени отразиться на политической структуре общества, то в отношении открытий в области общественных наук, консерватизм буржуазии достиг крайних пределов. «В цивилизованной и передовой Европе — говорит Ленин — с ее блестяще развитой техникой, с ее богатой, всесторонней культурой и конституцией, наступил такой исторический момент, когда командующая буржуазия, из страха перед растущим и крепнущим пролетариатом, поддерживает все отсталое, отмирающее, средневековое».

И действительно, сколько нелепых возражений против марксизма и ленинизма сочинялось и сочиняется буржуазными

учеными! В противовес новым открытиям в области социологии воскрешаются самые невероятные, по своей антинаучности, старые теории строения общества. В качестве примера достаточно сослаться на так называемую «органическую теорию» в социологии, о которой проф. Р. Ю. Ваннер дал следующий отзыв:

«Сравнение общества с организмом, термин «органическая связь личности с обществом», употребляемый в противоположность понятию о механических связях, — все эти сравнения, формулы и антитезы были брошены в ход реакционной публицистикой начала XIX века. Противопоставляя организм механизму, эта публицистика имела в виду резко отделить свои требования от просветительных и революционных начал предшествующего века. «Государство — механизм», значило в ее терминологии: равные права лиц, в своей совокупности представляющие верховный народ; «государство — организм» значило: распределение людей по старинной социальной иерархии, подчинение лица своей «естественной» группе, т.-е. подчинение каждого своему старому социальному авторитету. Органические связи в переводе на конкретный язык означали: крепостное право, цеховая регламентация, подчинение рабочих патрону, охрана дворянской чести и дворянских привилегий и т. п.».

Мы знаем, что способ мыслить, «интерес», проявляемый к той или другой области знания и т. д., определяются экономической структурой общества. Так как экономическая структура капиталистического общества характеризуется существованием в ней различных классов, то и в науке, отражающей различные способы мыслить и интересы людей, проглядывают классовые черты. С этим несогласны по понятным причинам буржуазные ученые, лицемерно утверждающие, что часто их наука является внеклассовой, «нейтральной» и ни в какой мере не зависящей от деления общества на классы. Тем не менее, мы знаем из фактов повседневной жизни, что классовая структура общества налагает даже на математику, филологию, медицину и др. не-общественные науки свою классовую печать отчасти в виде просто способа мышления, отчасти и в виде интереса, который не допускал простых смертных к «священной тайне». Характерно, например, заявление одного видного контр-революционера — профессора, что реформа русской орфографии не даст возможности отличать грамотного от неграмотного. Что касается социологических наук, то здесь классовые черты проглядывают в самой очевидной форме вплоть до намеренного предания забвению элементарных научных истин и извращения фактов. По поводу последнего В. И. Ленин в 1914 г. в статье, посвященной Туган-Барановскому, писал: «Личные особенности современных профессоров таковы, что среди них можно встретить даже редкостно-тупых людей вроде Тугана. Но общественное положение профессоров в буржуазном обществе таково, что

пускают на эту должность только тех, кто продает науку на службу интересам капитала, только тех, кто соглашается против социалистов говорить самый невероятный вздор, бессовестнейшие нелепости и чепуху. Буржуазия все это простит профессорам, лишь бы они занимались «уничтожением социализма».

В другой статье, в том же году, посвященной Петру Струве, Ленин писал: «В наше время, когда все так далеко шагнуло вперед, заслужить репутацию солидного ученого и получить официальное признание своих трудов, — это значит доказать невозможность социализма посредством парочки «по-кантиански» выведенных определений; это значит уничтожить марксизм, разъяснив читателям и слушателям, что его не стоит даже опровергать, и сославшись на тысячи имен и названий книг европейских профессоров; это значит выкинуть за борт вообще всякие научные законы для очистки места законам религиозным; это значит нагромождать горы высоко ученого хлама и сора для забивания голов учащейся молодежи».

Не все ученые, отличающиеся консерватизмом мышления, принадлежат обязательно к классу буржуазии. Среди них могут встретиться люди, и не буржуазного происхождения. Однако, они, несомненно — культурные люди, а «культурные люди, — говорил Ленин в 1919 г. — поддаются политике и влиянию буржуазии потому, что они восприняли всю свою культуру от буржуазной обстановки и через нее. Вот почему они на каждом шагу спотыкаются и делают политические уступки контр-революционной буржуазии».

Буржуазия и ее слуги, заинтересованные в сохранении старых капиталистических порядков, охраняющие «незыблемость основ государственности», используют науку лишь в узких пределах своих экономических и политических интересов, тормозя всякое выходящее за эти пределы свободное развитие науки. Пролетариат, наоборот, стремясь к свержению капиталистических порядков и к установлению коммунистического строя, будет помогать скорейшему развитию науки, в интересах трудящихся всего мира.

При господстве пролетариата наука не должна оставаться «мертвой буквой» или «мертвой фразой», как это было при буржуазии и как это, к сожалению, бывает и у нас до сих пор.

Это положение соответствует взглядам Ленина о науке, высказанным им в статье «Лучше меньше, да лучше»: «нам надо предъявлять науке не те требования, что предъявляет буржуазия Западной Европы, а те, которые достойно и прилично предъявлять стране, ставящей своей задачей развиться в социалистическую страну».

К интересующему нас в данное время вопросу о международном языке, мало исследованному подлинной наукой, пролетарские ученые должны отнестись с особенным вниманием, ничуть не подра-

жая в этом отношении большинству буржуазных и мыслящих по-буржуазному ученых, которые, как мы увидим ниже, далеко не беспристрастно отнеслись к идее создания международного языка.

Это тем более необходимо, что значение международного языка далеко выходит за пределы филологии и достойная оценка ему может быть дана, главным образом, с точки зрения социологической, а не лингвистической.

Мы знаем, что в общественных науках особенно ярко проглядывают классовые черты. Буржуазия, заинтересованная в сохранении старых капиталистических порядков с преобладанием великих национальных государств в противоположность пролетариату, начертавшему на своем знамени лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», — стремится национальные языки наиболее сильных капиталистических держав сделать главенствующими над другими языками.

Конкуренция капиталистических государств приводит к конкуренции главенствующих языков (английский, немецкий, французский), претендующих стать международными. Отсюда буржуазные ученые и делают вывод, что международным языком станет или один из национальных языков, или, в крайнем случае (если в ближайшее время империализм не объединит все государства в одну всемирную державу), 2 — 3 национальных языка. Расчетам империалистов, однако, не суждено осуществиться. Пролетарская революция в России, нанеся сильнейший удар империалистическим тенденциям, тем самым ослабила иллюзию о национальном международном языке.

Грядущая всемирная пролетарская революция окончательно уничтожит эту иллюзию, и тогда вопрос о создании международного языка получит окончательное разрешение в другой плоскости, чем то, которое предлагается нам зараженной империалистическими идеями буржуазной наукой.

Вероятнее всего этот вопрос будет разрешен путем введения искусственного международного языка. Это предположение вполне обосновано с точки зрения марксистской социологии.

В самом деле: язык играет, главным образом, роль обыкновенного орудия связи. И как изменяются и совершенствуются обыкновенные орудия в зависимости от общественных потребностей, так должен бы изменяться и совершенствоваться язык. Но так как язык играет не только роль обыкновенного орудия связи, но является одновременно выражением идеологии данного общества, то изменения языка, происходящие в порядке естественного развития (эволюции) отстают от изменений экономического состояния общества. Дело в том, что в первобытные времена и позже, идеология (т.е. язык, политика, право, религия, наука и проч.) всегда была консервативнее самой жизни. По этой причине, подобно переменам обще-политического характера, *изменения*

в языке, встречая сопротивление со стороны консервативной части общества, *утверждаются не эволюционным, а искусственным порядком, путем насильственных реформ или революций.*

Правильность этого положения подтверждается многими историческими фактами, в частности тем, что, например, осуществление значительных реформ в области орфографии и грамматики русского языка стало возможным только благодаря Октябрьской революции. Насколько близки между собою обще-политические и языковые реформы, свидетельствует тот факт, что враги Советской власти являются, в то же время, врагами новой русской орфографии.

В соответствии с развитием техники, произошли значительные изменения в различных языках. Число общих всем языкам, так называемых, международных слов увеличивается с каждым годом. Но этих изменений далеко не достаточно для того, чтобы языки стали общепонятными. *Экономические связи всех народов мира уже в достаточной степени обнаружили потребность в осуществлении международного языка революционным путем.*

Было бы наивно думать, что этот путь состоит в том, что все существующие национальные языки упраздняются и вместо них вводится совершенно новый некий «выдуманый из головы» язык.

Ведь когда совершается политическая революция в наше время, то это не значит, что сразу упраздняется всякая власть, всякое национальное различие, всякие экономические, бытовые и проч. отношения людей. *Революция состоит в насильственном уничтожении всего того, что является тормозом дальнейшего нормального развития общества.* Разница лишь в том, что в политической революции это нормальное развитие обуславливается прежде всего захватом власти тем или другим классом общества и улучшением его экономического состояния, а в революции языка первое место занимает интернационализация, плановость и упрощение существующей международной языковой связи.

Действительно, что в языках является «реакционнейшей задержкой человеческого развития»? — Обилие ненужных правил, исключений, грамматических форм, отсутствие определенной системы слов (т. н. склонения и спряжения), запутанное словообразование, породившее промадные лексиконы, запутанное правописание и т. д. Устранить все это, разгрузить язык от ненужного балласта, задерживающего движение человечества вперед, сделать его доступным орудием связи для миллионов трудящихся, оставив в нем лишь действительно необходимое и важное, — вот в чем состоит цель и задача революции языка. Революция, претендующая на победу, не может ставить себе неосуществимые задачи, она должна опираться на реальные вещи.

Международный язык может быть лишь вспомогательным, вторым после родного языком. Он предназначается, так сказать,

не для внутреннего, а для внешнего употребления, для сношений с другими народами.

История многочисленных попыток создания международного языка свидетельствует, что проекты таких искусственных языков, которые ставят своей целью или создание единого «всемирного» языка, долженствующего упразднить все существующие национальные языки, или таких систем, которые строятся на основе отвлеченных философских идей и которые пренебрегают реальной основой национальных языков, оказывались лишь мертворожденными проектами. Действительную задачу и цель революции языка учли очень немногие искатели международного языка. Наиболее гениальный из них — Л. Л. Заменгоф предложил в 1887 г. систему языка, известную под именем «эсперанто». Эта система, построенная на материальной основе натуральных языков, оказалась наиболее жизненной из всех многочисленных систем, существовавших до и появившихся после Заменгофа, и вероятнее всего именно эта система ляжет в основу будущего международного языка. Она и сейчас является достаточно распространенной, имеет сравнительно богатую литературу и практически уже испытана во многих областях жизни.

Поэтому неудивительно, что когда говорят об искусственном международном языке, то имеют в виду именно эсперанто. С другой стороны, факт колоссального успеха эсперанто по сравнению с другими системами (95% эсперантистов против 5% последователей других систем) вынудил некоторых видных буржуазных лингвистов забить тревогу и подвергнуть жестокой критике систему эсперанто, совершенно не касаясь других систем или, наоборот, противопоставляя системе эсперанто в качестве похвального образца какую-либо другую, явно обреченную на неудачу, систему. При этом обычно повторяется старый испытанный реакционерами прием критики: сначала извращают сущность эсперанто, приписав ему нелепость, а затем победоносно опровергают нелепицы. Такой прием критики удобен в том отношении, что изучение самого эсперанто или литературы о нем совсем не требуется.

Так поступил проф. А. Л. Погодин, поместивший в 1913 г. в многотомном издании: «Вопросы теории и психологии творчества», т. IV «Язык, как творчество» (Психологические и социальные основы творчества речи) статью под заглавием «Искусственные языки».

При чтении этой статьи, каждому, мало-мальски знакомому с эсперанто и с литературой о нем, бросается в глаза отсутствие элементарного научного приема исследования трактующего вопроса. Вместо предварительного ознакомления с вопросом по первоисточникам, как и подобало бы профессору, Погодин пользуется полемическими брошюрами, написанными против эсперанто, благодаря чему путает основные понятия и допускает ряд поразитель-

ных нелепостей и извращений. Так, например, автор пишет: «просматривая его (Заменгофа) полный учебник, состоящий из 16 параграфов... замечаешь отсутствие... правила об ударении»... в то время как § 10 этого учебника именно и состоит из упомянутого правила об ударении. Далее, насмешливо подчеркивая в одном месте, что «полный учебник занимает 4 странички самого маленького формата», в другом месте он заявляет, что «грамматику французского языка... можно запомнить едва ли с большим трудом, чем грамматику эсперанто». Если мы вспомним, что В. И. Ленин, несмотря на пребывание в эмиграции за границей свыше 10 лет, по собственному признанию, свободно ни на каком языке, кроме родного, не говорил (см. анкету ф. «А» Всероссийской Переписи Членов РКП (б) за 1922 г., составленную на В. И. Ленина Замрайкомом), то этот факт вопреки утверждениям проф. Погодина особенно ярко подтверждает трудность усвоения иностранных языков даже такими всесторонне образованными и гениальными людьми, как Ленин. В то же время, рабочий со средними способностями, как показал опыт, может изучить эсперанто в 3 — 4 месяца при 2 — 3 часах занятий в неделю. Этим простым сопоставлением фактов опровергается «справедливость» заявления Погодина об одинаковой трудности изучения французского языка и эсперанто. Но мы имеем отзывы о легкости изучения эсперанто других профессоров-лингвистов, более объективно отнесшихся к международному языку, как, напр., Макса Мюллера, заявившего, что эсперанто является более совершенным и более легким для изучения, чем какой бы то ни было из природных национальных языков; Бодуэна-де-Куртенэ, сообщившего в своей большой статье «Вспомогательный международный язык» (см. №№ 9 и 10 — 11 журнала «Евrego» за 1908 г.), что на изучение эсперанто он употребил самое большее 20 — 25 часов и что уже после каких-нибудь 10 часов он мог его вполне свободно понимать и читать на нем; Романа Брандта, Адельшельда и ряда других профессоров-лингвистов, не только познакомившихся с эсперанто по первоисточникам, но и основательно изучивших его.

Однако, профессор Погодин, поставивший своей целью обязательно доказать трудность изучения эсперанто, ссылается на Бодуэна-де-Куртенэ, который будто бы потратил на изучение эсперанто в общей сумме 2 недели времени при 12-часовом рабочем дне, т.е. $12 \times 14 = 168$ часов! Автор не потрудился даже прочитать, хотя бы поверхностно, упомянутую выше статью Бодуэна-де-Куртенэ, написанную в 1908 г., в которой указывается, что две недели Бодуэном-де-Куртенэ было употреблено не на одно изучение эсперанто, а «на ознакомление со всем вопросом искусственных международных языков, стало-быть, на чтение сочинений по истории предмета, на изучение слегка разных других искусствен-

ных языков и т. д.». Неудивительно, что, избрав столь странный метод «научной» критики эсперанто, автор допускает на протяжении всей своей статьи ряд других нелепейших утверждений, кроме перечисленных выше: будто бы для изучения эсперанто необходимо знать романские, германские и славянские языки, будто существует эсперантское слово «malinvitii», будто число приставок и вставок достигает — 50 и т. д. и т. д.

Несообразностями Погодина далеко не исчерпывается «научная» критика эсперанто. В 1916 г. быв. проф. Московского Университета Поржезинский в лекции, прочитанной студентам на тему об искусственных языках вообще и об эсперанто в частности, так же как и Погодин позволил себе судить об эсперанто, не дав себе труда познакомиться ни с его грамматикой, ни с его историей, ни с его литературой. По стопам Погодина и Поржезинского шли и другие более или менее известные профессора и ученые, метод которых трактовать о неизвестных им предметах явно преследует одну цель: обойти ясно и точно поставленный вопрос, «огорошить учащуюся молодежь шумом и криком» о невозможности искусственного международного языка.

Однако, среди буржуазных профессоров-лингвистов, не приемлющих искусственного международного языка, можно найти более честных и добросовестных, чем Погодин и Поржезинский, критиков эсперанто. К числу последних можно отнести быв. ректора Берлинского Университета Германа Дильса и видного русского лингвиста С. Булича, взгляды которых об искусственном международном языке являются наиболее типичными для буржуазной «тяжелой» профессуры и поэтому заслуживают нашего внимания.

Проф. Герман Дильс лет двадцать тому назад на торжественном заседании, посвященном памяти основания Берлинского Университета, произнес речь, посвященную вопросу о необходимости для науки вполне интернационального словесного орудия взаимного понимания. Он подверг обсуждению возможности разрешения вопроса различными путями: 1) признанием латыни всеобщим языком науки, 2) выбором английского языка в качестве мирового или какого-либо из существующих национальных языков и, наконец, 3) созданием искусственного международного языка. В заключение проф. Дильс пришел к выводу о необходимости установления языкового триумvirата, предлагая признать равноправными языками немецкий, английский и французский. Признание в качестве международного языка латыни или искусственного языка проф. Дильс считает одинаково неприемлемым.

В этом отношении его точка зрения соответствует и взглядам проф. С. Булича с той лишь разницей, что в то время, как проф. Дильс видит в языке нечто священное, неприкосновенное: «мы невольно отшатываемся, — говорит он, — от дерзновенной попытки насиловать молчаливо-действующую природу языка

подобными оранжерейными продуктами», — проф. С. Булич считает, что «новые проекты искусственных звуковых языков не лишены значения и интереса с точки зрения специально лингвистической (полная возможность совершенно условного, искусственного языка)».

Нельзя не согласиться с профессорами Дильсом и Буличем, что воскрешение латинского языка и присвоение ему роли всеобщего языка совершенно немыслимо. Помимо огромной трудности изучения, латинский язык не годится для передачи наших новейших понятий и представлений, не существовавших в эпоху Рима.

Точно также нельзя не согласиться с их мнением, что в отдельности ни один из существующих национальных языков не может быть признан мировым языком. «Английский язык, — говорит С. Булич, — играющий теперь до известной степени роль всемирного языка на всех океанах земного шара, удерживается в этой роли только благодаря давлению известных условий всемирной торговли и мореплавания, которые не вечны. С другой стороны, торжество английского языка на море отнюдь не влечет за собой его победу на суше, и в области духовной культуры не замечается ни малейших намеков на возможность для него всемирного значения». С экономической точки зрения принятие английского языка в качестве всеобщего означало бы предоставление английской нации невиданной до сих пор привилегии по сравнению с другими нациями. Английские учителя оказались бы в большом спросе. Английская литература, английские газеты раскупались бы нарасхват, английские писатели и поэты из национальных сразу стали бы международными, всемирными. Английская нация в очень короткое время оказалась бы самой сильной и могущественной «нацией» во всем мире. Наука, торговля, промышленность Англии не знали бы себе соперников. В то время как люди других национальностей тратили бы массу средств, времени и энергии на изучение английского языка, англичане, не нуждаясь в изучении международного языка, все свободное время, остающиеся средства и энергию употребили бы на углубление своих практических знаний, необходимых для накопления материальных и культурных благ. В политическом отношении принятие английского языка означало бы уничтожение национальной независимости всех других народов, кроме английского и части американского. Иначе говоря, провозглашенное пролетариатом право самоопределения народов тут же было бы фактически отменено и равенство сменилось бы неравенством. Даже признание международным языком языка свергнувшего свою буржуазию пролетариата какой-либо нации нарушило бы принцип равноправия языков и национальностей. «Вовсе не в интересах движения, чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его» — говорил Ф. Энгельс в 1875 году.

Победившим рабочим Энгельс отводил лишь «почетное место в линии борцов».

Насколько щекотлива роль международного языка в национальном вопросе, свидетельствует следующий отрывок из письма Маркса к Энгельсу, датированного 1866 годом: «Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и др., отменившие национальности, обращаются к нам по-французски, т.-е. на языке непонятном для $\frac{9}{10}$ собрания. Далее я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией».

Приведенные выше соображения говорят вообще против признания какого бы то ни было национального языка в качестве международного.

Выше уже упоминалось о трудности изучения иностранных языков. Дополним сказанное следующим объяснением проф. Бодуэн-де-Кургенэ причины этой трудности: «Во всех «естественных», традиционно-передаваемых языках имеются «правила» и «исключения», т.-е. имеются хронологически разные наслоения: так называемые «исключения» являются или пережитками прошлого, или же зачатками будущего. Но так или иначе, эти наслоения составляют значительную трудность при изучении языков. Не забудем также о чрезвычайно сложном и запутанном правописании именно этих языков, притязающих на упрочение себя в роли международных. Только немецкое правописание довольно просто; но зато, одолевая английское и французское правописание, мы потребляем значительный запас энергии мышления. Помимо того в каждом языке существует громадное количество омонимов, т.-е. слов, одинаково звучащих, но разнозначущих и, сообразно со значением, различно изображаемых при письме. Не угодно ли обратить внимание на следующие французские омонимы: 1) *ver, vert, vers, verre*; 2) *vaug, vans, sens, sent, cent*; 3) *quand, quant*; 4) *chaud, chaud*; 5) *moi, mois*; 6) *foi, foie, fois*; 7) *comte, conte, compte*; 8) *sou, soud, sous*; 9) *sur, sûr*; 10) *mer, mère, maire*; 11) *mètre, maître* и т. п.? А ведь такие омонимы чрезвычайно затрудняют обучение языку и владению им».

Нельзя игнорировать также того очевидного факта, что всякий национальный язык тесно связан со своей нацией, со своей культурой, обычаями, наконец, климатом и экономическим состоянием страны. Отличаясь особым, чуждым и непонятным для других народов отпечатком своей нации, такой язык совершенно не приспособлен к роли международного всеобщего языка.

Тем не менее, естественное, казалось бы, разрешение вопроса путем создания искусственного, специально приспособленного для этого международного языка с точки зрения буржуазных ученых, привыкших с каким-то мистическим ужасом созерцать язык, как нечто сверхчеловеческое, неприкосновенное, святое, представляется

совершенно неприемлемой утопической мечтой. Наиболее ярко это раболепство и преклонение перед стихийностью возникновения языка сказывается у проф. Дильса. Но и проф. С. Булич, вынужденный признать полную возможность совершенно условного, искусственного языка, считает невероятным всемирное распространение какого-нибудь «искусственного суррогата», мотивируя эту невероятность главным образом тем, что «неизбежные», сначала незначительные различия в одном уже произношении с течением времени непременно усилятся и повлекут за собой образование диалектических различий. Опасения С. Булича опровергаются тем фактором, что древние языки: латинский, греческий, еврейский, санскритский и др., передаваемые и воспроизводимые сознательно, не предаются во власть «стихийных сил» и на диалекты не разбиваются. Искусственный язык, сознательно созданный, сознательно передаваемый, сознательно усваиваемый и сознательно воспроизводимый, оставаясь под постоянным контролем сознания, также, как и древние языки, диалектическим изменениям подвергаться не сможет. К тому же «вспомогательный международный язык, — правильно отмечает Бодуэн-де-Куртенэ, — усваивается не целыми народами и племенами, а только отдельными лицами среди всего человечества. Принадлежность этих лиц к разным племенам и народам наложит, конечно, особый отпечаток на способ усвоения ими международного языка, но от этого до распадаения на говоры еще довольно далеко».

Итак, профессор Дильс и Булич отвергли возможность признания в качестве международного: 1) латинского языка, 2) английского языка, 3) национального языка вообще, 4) искусственного «суррогатного» языка. Проф. С. Булич отказывается таким образом от практического разрешения вопроса о международном языке, допуская возможность, что «современные культурные языки» в будущем (конечно, еще очень отдаленном), сами собой, так сказать, путем естественного подбора, бессознательно выработают международный словарь, задатки которого (и очень значительные) уже есть и в наше время». Впрочем, «мы не можем, — говорит он — и догадываться, что произойдет с языком в эту отдаленную эпоху, если развитие культурного мира будет идти без всяких помех и препятствий извне. Как бы то ни было, постоянное появление проектов всеобщего языка не только указывает на известные общественные потребности, но и служит, быть-может, симптомом каких-то нам еще неясных будущих эволюций общества». Надо признать, что заключение проф. Булича очень безопасно и вполне гарантировано от ошибочности, как гарантирован от ошибок, — употребляя выражение В. И. Ленина, — человек, который говорил для того, чтобы ничего не сказать!

Что касается Дильса, то он затушевывает свою беспомощность и растерянность в разрешении вопроса о международном языке

предложением языкового триумвирата. Наивность этого предложения очевидна. Немецкий, английский и французский языки и сейчас кое-как играют роль международных языков, как и 20 лет тому назад, но кого же это удовлетворяет? Ведь, если бы признанием этих языков международными разрешался вопрос о всеобщем языке, то к чему все эти ученые трактаты о необходимости интернационального языка? Ведь это значило бы толкаться в открытую дверь. Очевидно, и Дильс по буржуазной привычке говорит для того, чтобы ничего не сказать!

Впрочем мы понимаем для чего говорят Дильсы и Буличы: они оберегают свою монополию на знание и монополию своего класса на власть во всем мире. Так как международный язык, как революционная сила, помогающая раскрытию обмана эксплуататоров, — враг буржуазии и друг пролетариата, то они инстинктивно противятся практическому проведению его в жизнь. Этот инстинкт настолько силен и непреодолим, что Дильс, например, не считается даже с тем фактом, что в различные периоды истории многие национальные языки на время принимали характер мировых, но затем снова утрачивали его, и что в современную эпоху наряду с немецким, французским и английским языками в связи с распространением науки среди новых народов возникают новые равноправные языки (итальянский, японский, русский), требующие признания. Таким образом, предлагаемых Дильсом 3-х языков далеко не достаточно, и мы фактически в настоящее время пользуемся в качестве международных не менее как 4 — 5 языками.

С другой стороны, приходится признать, что оба профессора, может-быть, помимо их желания, отнеслись довольно пристрастно и без должного внимания к системе эсперанто. Многие в этой системе ими не усвоены и не поняты. Так, например, Булич считает неудачным широкое применение выражения контрастов в значении помощью префикса «mal» (напр., *mola* — мягкий, *mal-mola* — жесткий). «В подобных случаях, — говорит он, — напрашивается сам собою вопрос, почему жесткий противоплагается мягкому, а не наоборот, или почему мягкий понимается, как нечто положительное, а жесткий как нечто отрицательное?»

Слова «мягкий» и «жесткий» в европейских языках случайно относятся к различным самостоятельным корням, но это не значит, что одно из них нельзя произвести из другого посредством особого префикса по аналогии с другими словами, образованными посредством приставок из одного корня. В национальных языках многие слова, выражающие контрасты в значении, образуются при помощи различных приставок, в том числе и «mal» в роде итальянского *agevole* — легкий и *malagevole* — тяжелый, трудный.

Если мы сопоставим, с одной стороны, взятые нами для примера итальянские слова *agevole* и *malagevole*, а, с другой стороны, приведенные С. Буличем в качестве примера эсперантские слова *mola*

(мягкий) и *malmola* (жесткий), то мы увидим, что понятие *agevole* входит в состав понятия *inola*, а понятие *malagevole* входит в состав понятия *malshola*. Действительно:

Мягкий (*inola*) = легко (*agevole*) поддающийся давлению.

Жесткий (*malmola*) = с трудом (*malagevole*) поддающийся давлению, или совсем не поддающийся давлению.

Таким образом мы видим, что в эсперанто в данном случае соблюдена полная аналогия с итальянским языком в способе образования слов с противоположным смыслом и недоуменный вопрос С. Булича, почему слова-контрасты противопологаются так, а не иначе, следует отнести не к эсперанто, построенному по принципу использования существующего языкового материала, а к языкам, создавшимся и сложившимся природным путем.

Многие упрёки, делаемые языку эсперанто профессорами Дильсом и Буличем, например, в том, что прилагательное и член «*la*» на этом языке имеют другое окончание, нежели существительное, к которому они относятся, потому что первые оканчиваются на *a*, а второе на *o* и т. п., доказывают только то, что они так привыкли к недостаткам природного языка, что считают их за качества.

Характерен упрёк проф. Булича по поводу отсутствия филологического образования основоположника эсперанто д-ра Заменгофа. Подобно большинству буржуазных лингвистов он полагает, очевидно, что правом вступления в храм языкознания могут пользоваться лишь, посвященные в тайны храма, члены привилегированной ученой касты жрецов — лингвистов.

«Все претензии лингвистов по адресу не-лингвистов, — справедливо замечает проф. Бодуэн-де-Куртенэ, — все пренебрежение, оказываемое ими искусственным языкам за то, что эти языки являются созданием священников, врачей, купцов, офицеров и т. п., ни на чем не основаны и, просто, смешны. Где как где, но уж в области открытий и изобретений деление людей на посвященных или специалистов и на дилетантов не может быть оправдано ни логически, ни исторически. Иногда человек, повидимому вовсе не подготовленный, может интуитивно возыметь творческую мысль и оставить позади себя многих проводивших целые годы в самом добросовестном и глубоком изучении данного предмета».

Проф. Бодуэн-де-Куртенэ несколько раз цитировался нами не случайно. Он относится к числу нескольких наиболее видных ученых-лингвистов, приступивших к критике эсперанто лишь после основательного его изучения и ознакомления с литературой о нем.

Мнение по интересующему нас вопросу Бодуэна-де-Куртенэ, поэтому, точно так же, как и мнение проф. Романа Брандта, кстати, не только изучившего, но и практически испытывавшего пригодность эсперанто в художественной и научной литературе, красноречиво свидетельствует, что подлинная, лишенная буржуаз-

ных предрассудков, наука может и должна отнестись к вопросу об искусственном международном языке только положительно.

Бодуэн-де-Куртенэ и Роман Брандт благодаря знанию эсперанто легко разбивают доводы против искусственного международного языка и приходят к выводу, что эсперанто обладает всеми признаками настоящего «живого» языка и, следовательно, является реальным делом, а не утопией. Причина этой реальности, жизненности кроется в самом принципе построения эсперанто.

Мы уже говорили о несоответствии между эволюцией языка и эволюцией экономики. Этот факт не только доказывает возможность создания международного языка, но и определяет рамки его искусственности, т.-е. той особенности, которая должна отличать стихийно-созданные национальные языки от международного языка, созданного, при участии сознания, для определенной цели.

Если мы будем стремиться к созданию слишком совершенного языка в противовес слишком несовершенным — природным языкам, т.-е. если мы будем рассматривать язык лишь как техническое орудие связи, которое можно бесконечно совершенствовать, то мы можем прийти к такому положению, что наш «совершеннейший, отвечающий последнему слову науки» международный язык не будет отвечать простым потребностям современной экономики и, следовательно, потеряет для нас всякое практическое значение.

Соблюдение строгой пропорции между элементами стихийности и сознания, сохранение определенного минимума суммы этих элементов в международном языке есть закон, нарушение которого в той или другой части, как и нарушение принципа максимальной международнойности, превращает реальное дело в утопию.

Однако, соблюсти эту пропорцию очень трудно. История международного языка ярко подтверждает это. Не знаящие этого закона авторы свыше 240 проектов международных языков обрекли свои проекты на естественную смерть. Для того, чтобы закон пропорциональности и минимальности элементов международного языка нашел свое полное осуществление, потребовался исключительный гений Заментофа, основоположника эсперанто.

Само собою разумеется, в пределах закона о пропорциональности и минимальности элементов международного языка возможны некоторые вариации, перемещения, изменения этих элементов. Но ведь эти вариации и изменения (лингвистические детали) не могут иметь решающего значения для судьбы международного языка, поскольку они не выходят за пределы закона о пропорции и минимуме.

Так, например, нынешний эсперанто значительно отличается от эсперанто 1887 г., и это изменение в языке произошло незаметно, путем свойственной всем живым языкам эволюции без нарушения закона о пропорциональности и минимальности элементов. Благодаря такой естественной планомерной вариации элементов языка,

эсперанто продолжает быть практически пригодной для международных сношений и стройной системой международного языка.

Совсем иная картина могла бы получиться, если бы эти вариации, изменения («усовершенствования», как принято обычно выражаться) были произведены искусственно, оперативным способом. Благополучный исход такой операции представляется возможным лишь при условии соблюдения чрезвычайной осторожности и предвидения будущих эволюционных форм языка.

Нужны ли, однако, эти искусственные изменения в языке эсперанто? На основании того, что было уже сказано выше, мы не видим этой необходимости. Во всяком случае, если предположить лишь принципиальную желательность оперативного внесения в эсперанто лингвистических вариаций, то и тогда придется признать, что не настало еще время совершать эти попытки, что перед нами стоят более важные первоочередные задачи, выполнение которых возможно лишь при единой воле, при дружной работе всех приверженцев международного языка. Не следует забывать, что эти попытки чрезвычайно опасны, так как при малейшей неосторожности очень легко можно нарушить закон о пропорциональности и минимальности суммы элементов и этим положить начало для превращения практического удобоприменяемого международного языка в мертвую утопию.

Опыт показал, что попытки «реформации» международного языка как раз грешат стремлением преступить пределы указанного закона чаще всего путем увеличения элементов сознания (т. н. «научности»), о чем красноречиво свидетельствуют, например, приписываемые кое-кем различным проектам в роде «идо», «нов-эсперанто», «панэдо» и др. названия «научно-усовершенствованных эсперанто».

Нынешний эсперанто, связанный с экономическими условиями несовершенного бытия, не является и не должен являться образцом совершенства.

Однако, эсперанто во много раз совершеннее любого национального языка, и поэтому нет никаких оснований, в ожидании каких-то более совершенных форм международного языка, отказываться от пользования эсперанто, опыт применения которого во всех областях жизни в течение 38 лет его существования дал блестящие практические результаты. Такого рода отказ был бы равносителен, по справедливому замечанию проф. Бодуэна-де-Куртенэ, отказу от пользования железною дорогою, исходя из предположения, что, может-быть, человечество приобретет современем еще более совершенное средство сухопутного движения». Понимание сущности структуры эсперанто и трезвые практические соображения заставили ранее реформистски настроенных эсперантистов, в том числе и профессора-лингвиста Романа Брандта, отказаться от увлечений в области изменения и «усовершенствования» форм международ-

ного языка. Так, в предисловии к книге Б. Коцына «История и теория идо» (на эсперанто), упомянутый профессор в 1913 г. писал: «...я полагаю, что мой проект был слишком радикальным и я не последовал собственному принципу, объявленному в начале моей статьи: изменять как можно меньше. Даже эта статья, написанная в реформистском духе, в большей своей части являлась апологией эсперанто против идо. Теперь, возвращаясь к первоначальным формам Заменгофа, я не раз убеждался в том, что они гораздо лучше, чем я предполагал. ... В настоящее время я неоднократно, как и в данном случае, писал на эсперанто в прозе и в стихах, строго следуя основам эсперанто, и могу подтвердить, что нахожу этот язык практически пригодным во всех отношениях».

Профессор Бодуэн-де-Куртенэ и Роман Брандт, не только признавшие возможность создания искусственного международного языка, но и ставшие решительными сторонниками эсперанто, защитниками его от посягательств «усовершенствователей», являются редким исключением в среде буржуазных ученых вообще и среди лингвистов в особенности, исключением, свидетельствующим о начале распада буржуазно-классовой науки.

Характерно, что оба профессора и в политическом отношении выделялись левизной своих убеждений. По крайней мере Бодуэн-де-Куртенэ в дореволюционное время называл себя социалистом, а Роман Брандт в начале последней империалистической войны вызвал взрыв негодования московской буржуазной прессы своим анти-шовинистическим выступлением в собрании профессоров Московского Университета.

Данные обстоятельства лишний раз подтверждают, что вопрос о международном языке, как вопрос общественного порядка, особо тесно связан с общеполитическими вопросами.

Некоторые профессора буржуазного лагеря, принципиально не приемлющие эсперанто, но вынужденные признать жизненность и жизнеспособность искусственного международного языка, стараются найти этому факту объяснение исключительно политического характера.

Такое объяснение дает им возможность рассматривать рост эсперантского движения проходящим явлением, не имеющим ничего общего с «настоящей чистой наукой». Ведь существует же такое явление, как большевизм, который не находит места в буржуазной науке, так почему бы и эсперанто не объявить составной частью большевизма и тем самым обречь его на верную гибель?

Так рассуждает, очевидно, Карл Фосслер, германский ученый филолог, разразившийся в 1924 году по адресу эсперанто следующим характерным комплиментом: «Недавно в грамматику и словарь эсперанто вселился международный большевизм, социализм и ком-

мунизм, который намерен не только оживить эсперанто своими идеями и атмосферой, своим настроением и содержанием, своим пролетарским голосом, но также при помощи эсперанто собирается толкнуть вперед свою политическую пропаганду».

Однако, не всегда и не везде такой способ отрицания эсперанто оказывается удобоприменимым.

Те из находящихся в пределах Союза Советских Социалистических Республик профессоров-лингвистов, которые инстинктивно не приемлют эсперанто, вынуждены или молчать или стараться затушевывать практическое разрешение вопроса о международном языке теоретическими рассуждениями о связанных так или иначе с этим вопросом задачах, разрешение которых возможно лишь в далеком будущем.

Наши лингвисты так и делали: долго и упорно молчали, но жизнь не ждет и заставляет их постепенно менять фронт в сторону признания важности вопроса о международном языке.

Первым нарушил этот заговор молчания директор Яфетического Института и Ленинградской Публичной библиотеки, академик Н. Я. Марр, выступивший по вопросу о международном языке в печати в связи с празднованием 200-летия Всесоюзной Академии Наук.

К весьма уважаемому всеми академику Марру особенно применимы слова Ленина о том, что достоинства людей большей частью связаны с их недостатками. Н. Я. Марр выступил весьма решительным противником ученых старой Европы, заявляющих отвод против «властно выдвигаемого самой жизнью» вопроса о всеобщем языке, но считая себя другом международного языка вообще, он не избавился еще от предубеждения, унаследованного от буржуазных лингвистов по отношению к системе эсперанто.

Вместо практического разрешения наболевшего вопроса о международном языке путем признания и поддержки эсперанто, он уподобляется вещему Баяну и «растекается мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками», воспевая значение и необходимость единого для всего человечества языка:

«Давно уже пора осветить один из самых настоятельных и неотложных вопросов нашей современности — вопрос об единстве письма и единстве языка».

«Наша общественность и достижения нашей науки предъявляют к нам властное требование решить этот неотложно важный вопрос»...

«Жизнь властно выдвигает проблему создания единого языка и письма (унификация письма). Вопрос этот представляется столь же существенным и неотложным, как и вопрос о введении единого календаря, метрической системы и начертания цифровых знаков».

«...вопрос о создании единого языка и письма становится неотложной проблемой и важнейшей практической задачей наших дней»...

Эти выдержки заимствованы из небольшой, в две странички, статьи Н. Я. Марр «Письмо и язык будущего», напечатанной в № 15 журнала «Вестник Знания» (1925 г.).

В конце этой статьи наш академик приходит к следующему «практическому» выводу:

«В свете науки все разновидности существующих языков представляются детищем единого процесса эволюции человеческой речи. *Изучение характера и условий процесса дальнейшей эволюции прокладывает путь к работе над созданием единого языка, общего для всего человечества*» (курсив наш.)

Итак, сначала изучение процесса эволюции языка (чем же занимались до сих пор лингвисты?), потом «прокладка» пути к работе над созданием единого языка, затем работа над созданием единого языка и, наконец, — общий для всего человечества язык! Как удивительно все это соответствует неотложности и практической разрешенности вопроса о международном языке и как жалко, что Н. Я. Марр не определил для себя срока выполнения этой практической задачи!

Странники эсперанто заняты разрешением более скромной и единственно осуществимой при настоящих условиях задачи: введением в жизнь вспомогательного, международного языка, не претендующего на уничтожение национальных языков. Н. Я. Марр, наоборот, ставит своей задачей создание единого, общечеловеческого языка, предвосхищая этим ликвидацию существующих и имеющих возникнуть национальных языков. Идея создания единого, всемирного языка основана на преувеличении роли и значения «объективной тенденции к универсальному единству речи», т.-е. на теории, поддерживаемой и защищаемой Карлом Каутским.

Основываясь на учении Ленина, мы должны подвергнуть сомнению практическую осуществимость этой теории в ближайшем будущем и всецело присоединиться к следующему мнению тов. Сталина по этому вопросу, высказанному им в речи о политических задачах университета народов Востока на собрании студентов 18 мая 1925 г.:

«Толкуют (например, Каутский) о создании единого общечеловеческого языка с отмиранием всех остальных языков в период социализма. Я мало верю в эту теорию единого, всеохватывающего языка. Опыт, во всяком случае, говорит не за, а против такой теории.

«До сих пор дело происходило так, что социалистическая революция не уменьшала, а увеличивала количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или мало известных. Кто мог подумать, что старая царская Россия представляет не менее 50 национальностей и этнографических групп? Однако, Октябрь-

ская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им наверно жизнь и новое развитие. Ныне говорят об Индии, как об едином целом. Но едва ли можно сомневаться в том, что, в случае революционной встряски в Индии, на сцену выплывут десятки ранее неизвестных национальностей, имеющих свой особый язык, свою особую культуру. И если дело идет о приобщении различных национальностей к пролетарской культуре, то едва ли можно сомневаться в том, что приобщение это будет протекать в формах, соответствующих языку и быту этих национальностей.»

Далее, в той же речи, тов. Сталин совершенно правильно анализирует процесс ассимиляции языков и пути построения общепролетарской культуры:

«Несомненно, что некоторые национальности могут подвергнуться и, пожалуй, наверняка подвергнутся процессу ассимиляции. Такие процессы бывали и раньше. Но дело в том, что процесс ассимиляции одних национальностей не исключает, а предполагает противоположный процесс усиления и развития целого ряда мощных национальностей, ибо частичный процесс ассимиляции является результатом общего процесса развития национальностей. Именно поэтому всевозможная ассимиляция некоторых отдельных национальностей не ослабляет, а подтверждает то совершенно правильное положение, что пролетарская общечеловеческая культура не исключает, а предполагает и питает национальную культуру так же, как национальная культура не отменяет, а дополняет и обогащает общечеловеческую пролетарскую культуру».

В общее содержание пролетарской общечеловеческой культуры входит, как часть ее, международный язык, точно так же, как в содержание национальной культуры входит, как часть ее, национальный язык. Вследствие этого мы можем сказать, перефразируя слова тов. Сталина и опираясь на опыт эсперанто, что пролетарский международный язык не исключает, а предполагает и питает национальные языки так же, как национальные языки не отменяют, а дополняют и обогащают международный язык. Таким образом мы приходим к тому же выводу, к какому пришел почти 40 лет тому назад Л. Л. Заменгоф, неоднократно указывавший, что эсперанто должен стать для каждого вторым, после родного, языком.

Мы не должны говорить о слиянии всех языков в один всемирный язык, потому что это неосуществимо для настоящего времени и для ближайшего будущего. Мы должны говорить то, что есть. «Раз нации стоят на разных ступенях от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии к пролетарской», то каждая нация должна получить право пользования своим национальным языком и возможность использования в качестве второго, после родного, — международного вспомогательного языка. Это будет способствовать самоопределению трудящихся всего мира.

Н. Я. Марр не одинок в своем заблуждении. Не говоря уже о большинстве буржуазных лингвистов и ученых других дисциплин, повторяющих по трафарету одно и то же, вопрос о международном вспомогательном языке постоянно смешивается с «профессионально-интеллигентской утопией» о едином общечеловеческом всемирном языке.

В качестве примера можно сослаться на А. Богданова, ошибочно полагающего, что эсперанто претендует стать единым языком всего человечества и повторяющего наивное буржуазное предположение, которое отвергает даже Н. Я. Марр, о возможности лингвистического объединения человечества путем повсеместного распространения одного из национальных языков.

Если бы наши марксисты не приписывали международному языку эсперанто утопической идеи создания в ближайшем будущем искусственным путем единого общечеловеческого языка и других нелепостей, позаимствованных от буржуазных противников эсперанто, то у них не могло бы оказаться ни одного, сколько-нибудь обоснованного марксистской точкой зрения, довода против эсперанто.

«Кто хочет служить пролетариату, тот должен объединять рабочих всех стран» — таково учение и Ленина, и Маркса, и Энгельса, а ведь международный язык как раз и призван служить пролетариату одним из средств его объединения. Может ли пролетарский ученый, стоящий на страже интересов рабочего класса, противиться введению международного языка? Конечно, нет!

Даже буржуазные и полубуржуазные ученые, являющиеся принципиальными противниками искусственного «суррогатного» или «ретортного», как презрительно выразился проф. Дильс, международного языка вынуждены признать необходимость и возможность создания такого языка. Некоторые из них объявляют себя уже друзьями международного языка вообще, но... не эсперанто.

Эсперанто, практически применяемый в различных областях жизни, вышедший победителем из борьбы со своими многочисленными соперниками, (существующий почти четыре десятка лет, имеющий богатую литературу, сломивший упрямство ученых, не признававших долгое время возможности создания искусственного языка, — является практическим воплощением идеи международного языка. Быть другом международного языка вообще, но не эсперанто, это значит быть другом никчемной теории и врагом практики. Говорить о необходимости и важности международного языка и в то же время отвергать эсперанто так же бессмысленно, как говорить о необходимости и важности Советской власти без коммунистов.

Эсперанто и международный язык — понятия однозначные.

Настоящие друзья международного языка в роде Анри Барбюсса, Сен-Катаяма, Максима Горького и др. являются друзьями эсперанто.

В большинстве случаев непризнание эсперанто наряду с общим признанием важности и необходимости международного языка объясняется неумением подойти к вопросу с практической точки зрения и, — что весьма естественно, — теоретической безграмотностью многих в этой узко-специальной области знания.

Так, например, возможность искусственным путем «представлять и передавать творения духа» не вызывает сомнений в настоящее время даже у некоторых буржуазных ученых. Тем более, казалось бы, не должны пугаться относительной искусственности эсперанто наши пролетарские ученые. Ведь искусственность эсперанто состоит отнюдь не в изобретении «из головы», а в отыскании «посредством головы» его основ в существующих средствах человеческого общения. Все корни языка эсперанто заимствованы из числа наиболее общих слов наших европейских языков. Каждое из этих слов имеет свою историю. Каждое из них было создано тем или другим древним народом и потом повторялось другим. Искусственной, в полном смысле слова, в эсперанто можно считать лишь фонетическую орфографию (каждое слово читается так, как оно написано). Но ведь орфография всех языков когда-то была искусственной! Однако, старое буржуазное поучение о том, что нельзя мечтать об искусственном международном языке, ибо язык, мол, — организм и его нельзя создать искусственно, часто повторяется и употребляется как довод против эсперанто даже в нашей советской прессе!

Вторым излюбленным доводом против эсперанто служит ссылка на то, что эсперанто не однообразен, что он составлен из различных языков и представляет собою нечто в роде винегрета. Этот довод основан на непонимании того, что однообразных, не смешанных языков вообще в природе не существует! «К известным языковым отраслям или семействам, — говорит Бодуэн-де-Куртенэ в статье «Язык и языки», — могут принадлежать не только целые, неделимые языки, но тоже некоторые их части и составные элементы. Так, например, русский язык, причисляемый, как целое, к славянской языковой семье, своими словами, усвоенными из германских языков, входит в состав германского языкового семейства. Некоторые языки даже в целом не могут считаться членами только одной языковой семьи, но должны быть причислены по крайней мере к двум. Английский язык, относящийся по преимуществу к германской группе или семье, значительную часть своих составных элементов принадлежит к романской языковой семье. Армянский язык причисляется к арио-европейской отрасли, но с тем же правом он может считаться принадлежащим к другой какой-то языковой отрасли, в роде тюрко-татарской».

Если каждый национальный язык по необходимости является смешанным, как же можно ставить в упрек эту смешанность, неоднобразие международному языку, долженствующему быть, по

одному уже своему названию «международный», синтезом всех индо-европейских языков, их равнодействующей! Что касается того, что эсперанто представляет собой не язык, а «винегрет» («в доброе старое время» выражались более презрительно-образно, называя эсперанто «жаргоном»), то при доброй воле можно переименовать в «винегреты» или «жаргоны» любой из существующих национальных языков, напр., украинский, белорусский, польский и т. д. в зависимости от симпатии или антипатии к тому или другому языку, в том числе и к эсперанто.

Неосновательны также возражения, сводящиеся к тому, что эсперанто может иметь успех лишь в странах с развитой культурой, а не в Советских Республиках, или в странах Востока, где много неграмотных и слишком мало людей, знающих иностранные языки, которые якобы необходимы для усвоения эсперанто. Практика применения и распространения эсперанто в стране Советов и на Востоке давно опровергла это возражение. Рабочие и крестьяне, не только не знающие иностранных языков, но и в родном языке недостаточно сведущие, становятся хорошими эсперантистами. Во многих школах за границей эсперанто служит подготовительным средством к обучению иностранным языкам, а не наоборот.

Нельзя забывать, что отдельные страны в настоящее время не являются самодовлеющими единицами и, следовательно, говорить о наличии или отсутствии объективных условий, необходимых для осуществления международного языка в отдельных странах, тем более не приходится. Нужно говорить о наличии объективных условий для введения эсперанто во всей системе мирового хозяйства, как единого целого. Перефразируя известное положение Коммунистического Интернационала, мы можем сказать, на основании многочисленных фактов действительной жизни, что с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к эсперанто, минуя, так называемое, приобщение к западной культуре с ее национальными языками.

Я не буду останавливаться на других доводах против эсперанто чисто обывательского характера, не имеющих ничего общего с наукой.

Наука есть совокупность знаний, основанных на всестороннем изучении существующих или существовавших когда-либо фактов.

К сожалению, эти факты по различному преломляются в сознании людей в зависимости от условий их «бытия», и поэтому наука, как идеологический фактор, отражающий в себе мысли и стремления различных классов общества, не одинаково судит то, что предстало перед ее судом.

Молодая пролетарская наука, родоначальница будущей внеклассовой науки, в лице ее немногочисленных ученых еще не разрешила вопроса о всеобщем языке, но наметила идти к его разре-

шению путем, ведущим нас к вспомогательному международному языку эсперанто. В зависимости от скорейшего изучения фактов действительной жизни, этот путь, мы уверены, будет признан пролетарской наукой единственно правильным и возможным разрешением вопроса о международном языке для настоящего времени и ближайшего будущего. Выдвигаемые изредка возражения против эсперанто со стороны отдельных представителей пролетарской науки доказывают лишь, что многие факты действительности еще не выявлены ими и что они «на веру» иногда принимают то, что дает им буржуазная наука. Явление это, однако, временное, и оно исчезнет, лишь только пролетарская наука, окончательно окрепнув, станет самостоятельной и независимой.

Языку эсперанто судом буржуазной науки давным-давно вынесен смертный приговор. Осудить можно даже правого. Практика буржуазных судов знает много примеров осуждения невинных, но никогда не бывало, чтобы неотмененный приговор не приводился в исполнение.

На этот раз, однако, привести в исполнение решение суда буржуазной науки никто не оказался в силах. Эсперанто продолжает жить и развиваться вопреки желанию буржуазных ученых. Это странное обстоятельство может быть объяснено двояко: или судьи слишком слабо подготовлены и плохо судят, или «преступник» слишком уж силен и живуч.

Думается, что то и другое предположение одинаково соответствует действительности.

А. Иодко.

БИБЛИОГРАФИЯ.

(Указатель источников по вопросу о международном языке.)

На английском языке.

1. W. I. Clark. „International language — past, present and future“. Dent & Company. London. 1907.
2. E. P. Foster. „Ro-An international language“. Cincinnati. Ohio. 1910.
3. A. L. Gérard, prof. „A short story of the international Language movement“. Fisher. London. 1922.
4. P. Hoinix. „Anglo-Franca - An Compromis Language English - Francals for the facilitation of international communication“. Trübner & Compagnie. London. 1889.
5. K. G. Kent, prof. „Latin as the International Auxiliary Language“. Pennsylvania. 1922.
6. J. J. Sussmuth. „Radio Wireless Worldlanguage“. Esp. Service Corporation. New York. 1924.
7. „Commercial Conference at Venice“. Report of the Delegate of the London Chamber of Commerce. London. 1923.

8. „Committee on International Auxiliary Language of the International Research Council“. Report of Progress. August, 1923. Washington.
9. League of Nations. „Esperanto as an international Auxiliary Language“. Report of the Gen. Secr. of the League of Nations. London. 1922.

На французском языке.

1. M. André. „Le latin et le probleme de la langue Internationale“. Le Sou-dier. Paris. 1903.
2. Antido (R. de Saussure). „Grammaire élémentaire de la langue internationale avec recueil d'exercices“. Kündig. Genève. 1907.
3. Antido. „La Construction logique des mots en Espéranto“. Universala Esp. Librejo. Genève. 1910.
4. L. de Beaufront. „Un bien beau leure. La compréhensibilité immédiate dans la langue internationale“. Libr. de l'Esp. Paris. 1907.
5. Th. Cart. „Rapport sur l'Esperanto adressé à M. le Ministre de L'Instruction Publique“. Paris. 1907.
6. E. Chapellier. „Les libertaires et la langue internationale Espéranto“. Anvers. 1904.
7. Charma. „Essai sur l'origine des langues“. Hachette et C-ie. Paris. 1846.
8. G. Chavet. „Pourquoi les postiers doivent apprendre l'Espéranto“. Office Central Esperantiste. Paris. 1912.
9. L. Couturat & L. Léau. „Histoire de la langue universelle“. Hachette et C-ie. Paris. 1903.
10. L. Couturat & L. Léau. „Les nouvelles langues internationales“. Hachette et C-ie. Paris. 1907.
11. Delormel. „Projet de langue universelle, présenté à la Convention national“. L'an III. Paris (1795).
12. G. Gautherot, prof. „La question de la langue internationale“. Hachette & C-ie. Paris. 1910.
13. R. de la Grasserie. „Langue internationale Pacifiste ou Apoléma“. E. Leroux. Paris. 1907.
14. H. Hodler. „L'Espérantisme“. U. E. A. Genève. 1912.
15. G. Lafargue. „Nécessité de l'adoption d'une langue international auxiliaire“. Hachette & C-ie. Paris. 1904.
16. Langue Maritime universelle. „Code international des signaux a l'usage des bâtiments des toutes nations“. Paris. 1871.
17. E. Lanty. „La langue internationale — ce que tout militant ouvrier doit connaître de la question“. Fédération Espérantiste Ouvrière. Paris. 1925.
18. F. de Ménil. „Les préjugés contre l'Espéranto“. B. Grasset. Paris. 1908.
19. E. Naville. „La langue internationale, mémoire présenté a l'Académie des sciences morales et politiques“. (Janvier, 1899).
20. Comité d'initiative et de patronage. „Pour la France par l'Espéranto“. Paris. 1915.
21. „Comparaison des divers types actuels des langues internationales“. J. Visèle. Bruxelles. 1912.
22. IDO. „Les vrais principes de la langue auxiliaire“. Chaix. Paris. 1909.
23. Institut International de Bibliographie. „Manuel Général“. Bruxelles. 1907.

На немецком языке.

1. J. Baudouin de Courtenay, prof. „Zur Kritik der Künstlichen Weltsprachen“. Vert & Comp. Leipzig. 1908.
2. A. Bauman, dr. „Wede — die Verständigungssprache der Zentralmächte und ihrer Freunde“. J. C. Huber. München. Kriegsjahr. 1915.

3. A. Behrendt. „Internationaler Rundfunkdienst und Esperanto“. Fr. Westphal. Lübek. 1925.
4. A. Boltz. „Hellenisch, die allgemeine Gelehrtensprache der Zukunft“. Friedrich. Leipzig. 1888.
5. K. Brugmann & A. Leskien. „Zur kritik der künstlichen Weltsprachen“. K. Trübner. Strassburg. 1907.
6. Fr. Cristanell. „Esperanto ein moderner Bildungsfaktor“. Ellersieck & Borel. Berlin. 1924.
7. W. E. Collinson. „Esperanto und seine Kritiker“, übersetzt von prof. dr. Göhl. Ellersieck & Borel. Berlin. 1924.
8. J. Damm, dr. „Praktische Pasigraphie, oder die Kunst mit allen Nationen der Erde korrespondieren zu können ohne deren sprache mächtig zu sein“. Douffet. Leipzig. 1876.
9. Dieterle, dr. „Zur Rechtfertigung des Esperanto gegenüber seinen Kritikern“. Hirt & Sohn. Leipzig. 1923.
10. L. Einstein. „Geschichte der Weltsprachlichen Versuchen vom Leibnitz bis auf die Gegenwart“. „Bayerische Lehren-Zeitung“. Nürnberg. 1885.
11. L. Einstein. „Weltsprachliche Zeit und Streit Fragen — Volapük und Lingo internecla“. Stein. Nürnberg. 1882.
12. P. L. Friedmann. „Pan Arisch — Vorschlag zur Ausarbeitung einer internationalen hilfssprache“. C. Bagel. Altona. 1908.
13. R. Kniele. „Das erste Jahrzehnt der Weltsprache Volapük“. A. Schoy. Ueberlingen. 1889.
14. A. Liptay, dr. „Eine Gemeinsprache der Kulturvölker“. F. Brockhaus. Leipzig. 1891.
15. Moser. „Zur Geschichte der Weltsprache“. Heuser. Neuwied. 1888.
16. Nienkamp. „Kultur und Sprache“. Vita. Berlin. 1922.
17. W. Ostwald. „Die Weltsprache“. Frenckh'sche Verlag. Stuttgart.
18. M. Paic. „Pasigraphie mittels arabischen Zahlzeichen“. Soppron. Semlin. 1859.
19. Proelss & Sappl. „Die bisherigen Erfolge der Welthilfssprache Esperanto auf den ganzen Welt“. 3-te Auflage. Paulus Verlag. Graz. 1922.
20. H. Sappl. „Das Weltsprachenproblem und die katholische Kirche“. Paulus Verlag. Graz. 1922.
21. L. Zamponi. „Zur Frage der Einführung einer internationalen Verkehrssprache“. Leykam. Graz. 1904.
22. B. Zierenberg. „Ueber die Bedeutung der Esperanto Sprache für den Handelsstand“. Möller & Borel. Berlin. 1914.
23. A. Wild, dr. „Ueber Geschichte der Pasigraphie und ihre Fortschritte in der Neuzeit“. Chronik der Gegenwart. München. 1864.
24. S. Winkelmann. „Der Esperantismus“. Möller & Borel. Berlin. 1909.
25. E. Wüster. „Esperanto und der Techniker“. 2-te Auflage. Ellersieck & Borel. Berlin. 1924.
26. Das Esperanto — ein Kulturfaktor. I—V B. Festschrift der Deutschen Esperanto Kongresse.

На итальянском языке.

1. O. Knuth. „Storia dei principali sistemi pasilinguistici anteriori al Volapük“. „Volapükabed Tälik“. Torino. 1888.
2. B. Migliorini. „Esperanto & interlingua“. A. Paolet. S. Vito al Tagliamento. 1924.

На польском языке.

1. A. Zakrzewski. „Jzyk Miedzynarodowy Esperanto Historya i stan obecny“. H. Arct. Warszawa.

На русском языке.

1. А. П. Андреев. „Международный язык эсперанто, его настоящее, прошедшее и будущее“. Тифлис. 1913 г.
2. С. Аитоніег. „Какую пользу принесет введение языка эсперанто в школы“ перевод М. Мультановского. Саратов. 1914 г.
3. С. Барановский. „Идеография — общий язык для всех народов“, Харьков. 1884 г.
4. А. Барбюсс. „Письма о международном языке“. „Новая эпоха“. Москва. 1924 г.
5. Э. Дрезен. „В поисках всеобщего языка“. Изд. „Земля и Фабрика“. Москва. 1925 г.
6. Н. Евстифеев. „К вопросу о международном языке“. СПб. 1903 г.
7. И. Изгур. „Международный язык на службе пролетариата“. „Новая Эпоха“. Москва. 1925 г.
8. А. Р. Иодко. „Рабочий класс и международный язык“. II изд. „Новая Эпоха“. Москва. 1925 г.
9. Л. Кутюра, О. Иесперсен, Р. Лоренц, В. Оствальд, Л. Пфаундлер. „Международный язык и наука“ перев. С. Чахотин. Изд. „Одесские Новости“. Одесса. 1910 г.
10. Д. Зеленин. „Международный язык науки и культурных сношений“. Москва. 1901 г.
11. Я. Линцбах. „Принципы философского языка. Опыт точного языкознания“. Петроград. 1916 г.
12. А. Лякиде. „Новый всеобщий язык Франсэзин“. СПб. 1893 г.
13. А. Недошивин. „О значении международного языка эсперанто, о пользе его изучения и необходимости преподавания в коммерческих учебных заведениях“. СПб. 1912 г.
14. Н. Несмеянов. „Международный язык с мотивированной грамматикой языка Вива“. Изд. автора. Москва. 1914 г.
15. А. А. Постников. „О международном языке эсперанто“. „Министру торговли и промышленности доклад“. СПб. 1911 г.
16. И. Серышев. „Кооперация эсперанто“. Барнаул. 1919 г.
17. И. Серышев. „О преподавании эсперанто в народных школах“. Барнаул. 1919 г.
18. А. В. Старческий. „Настоящий (живой) всемирный язык“. Изд. Пожарова. СПб. 1889 г.
19. П. Стоян. „Славянство и эсперанто“. Саратов. 1914 г.
20. Ив. Холин. „Volapük — всемирный язык Шлейера“. Изд. А. С. Суворина. СПб. 1886 г.
21. Р. Цавинский и Т. Сикора. „Манифест Союза социалистов-эсперантистов“. Выборг. 1917 г.
22. Комиссия по разработке вопроса о факультативном преподавании международного языка при Народном Комиссариате Просвещения. „Материалы“. Москва. 1919 г.
23. „Волна эсперанто“ — журнал 1909 — 1917 г., изд. „Эсперанто“. Москва.
24. „Советский эсперантист“ („Бюллетень Центрального Комитета Союза эсперантистов Советских Стран“), журнал изд. ЦКСЭСС. 1922 — 25 гг. Москва — Казань.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ
ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

По немецкому языку

- Браунштейн, Е. Ф.** — Классовая борьба. Немецкая хрестоматия для высших учебных заведений и школ II ступени. Рекоменд. ГУС'ом. Стр. 288; 100 (словарь). Ц. 2 р. 80 к.
- Браунштейн, Е. Ф.** — Юношеская библиотека на немецком языке. Допущ. ГУС'ом для II ступени. Изд. 2-е.
- Вып. I. Мы кузнецы. Стр. 108. Ц. 50 к.
- Вып. II. Смена. Стр. 132. Ц. 60 к.
- Вып. III. Из истории крестьянской войны. Стр. 148. Ц. 60 к.
- Вып. IV. Первое мая. Стр. 83. Ц. 40 к.
- Вып. V. 9-е ноября 1918 г. в Германии. Стр. 112. Ц. 50 к.
- Вып. VI. Третий Интернационал. Стр. 112. Ц. 50 к.
- Браунштейн, Е., и Ф. Киндлер.** — Призыв. Немецкая хрестоматия для 7-го года обучения. Допущ. ГУС'ом для школ II ступени. Стр. 222; карта. Ц. 1 р. 40 к.
- Губо, А., Б. Кан, Х. Озолинг.** — Рабочая книга по немецкому языку. Для рабфаков, техникумов и вузов. Одобр. ГУС'ом.
- Часть I. Изд. 2-е. Стр. 256. Ц. 1 р. 50 к.
- Часть II. Изд. 2-е. Стр. 232. Ц. 1 р. 35 к.
- Келен-Фрид, И.** (По методу Глезер и Пецольт.) — Смычка. Учебная книга по немецкому языку для детей. Допущ. ГУС'ом для школ II ступени.
- Часть I. Изд. 5-е. Стр. 256. Ц. 1 р.
- То же. — Часть II. Стр. 302. Ц. 1 р. 30 к.
- Маркс, Карл.** — Учредительный адрес. — Введение и немецко-русский словарь. Книга для чтения в старших классах единой трудовой школы и вузах. Составил С. А. Манштейн. Допущ. ГУС'ом. Стр. 45. Ц. 25 к.
- Несслер, А.** — Краткий самоучитель немецкого языка. Стр. 144. Ц. 1 р. 25 к.
- Пишо, А. Ю.** — Немецкая хрестоматия для русских технических училищ. Со словарем и объяснениями. Допущ. ГУС'ом, в качестве пособия для техникумов и вузов.
- Вып. I. Основы математики, механики, физики. Стр. 83. Ц. 40 к.
- Вып. II. Элементы машин, машиностроение. Гидравлика. Стр. 72. Ц. 40 к.
- Вып. III. Машиностроение. Газовые двигатели. Стр. 84. Ц. 40 к.
- Вып. IV. Химия. Стр. 160. Ц. 1 р.